

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Оксана ДЕМЧЕНКО

ПАУТИНА УДАЧИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Оксана Б. Демченко
Паутина удачи
Серия «Госпожа удача», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2442775
Паутина удачи: Альфа-книга; Москва; 2011
ISBN 978-5-9922-0987-7

Аннотация

Можно тихо провести жизнь в стороне от рек удачи с их опасными водоворотами. Скучно, предсказуемо и безопасно. А можно, и захлебнувшись в такой реке, все же выжить, остаться на главном течении – на магистральных рельсовых путях, гудящих силой. И назваться Королем, и обзавестись семьей, да еще отогреть в зимней стуже приемышку, словно без нее мало ртов и забот тебе, проклятому, сохранившему о прошлом жалкие крохи воспоминаний – поди пойми, настоящих ли... Каждый выбирает себе по силам и имя, и друзей, и врагов. Иногда – вслепую выбирает. И по-королевски платит за свой выбор – не торгуясь и не надеясь на удачу, будь она светлой или темной.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	28
Глава 3	56
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Оксана Демченко

Паутина удачи

Памяти моей бабушки Нины, самой рыжей, неугомонной, ревнивой и красивой женщины на весь ремпоезд. Ее поездка на подножке вагона зимой, без билета, денег и документов – это не вымысел, это как раз правда, преуменьшенная в книге и по холодам, и по уровню опасности

Любое сходство названий и имен в книге и в реальности всего лишь указывает на параллельность миров, в которых высшие силы играют в одну игру на похожих картах – географических, политических и прочих.

Глава 1

Свет и тьма удачи

Если умозрительно представить себе, что существует некий механизм, шивающий из кроя замыслов готовое платье свершений, то удача есть смазка его. А неудача – ржавчина, поражающая сочленения и рабочие узлы... Исправность механизма отнюдь не густотой смазки определяется, а только тщанием и талантом мастера, создавшего механизм и поддерживающего его работу. Человек есть мастер. Отсюда следует неукоснительно: без усердного и неустанного труда любые надежды пусты...

**Профессор Дорфуртского университета
Иоганн фон Нардлих**

Стужа с хрустом чеканила узор ночи на серебряном блюде снега, укрывшего, кажется, весь мир. Там, за тонкими, в одну доску, стенками вагона она трудилась, подсвечивая себе щербатым фонарем луны. Насвистывала однообразную ноющую ноту, шлифуя мелкозернистой поземкой серебро сугробов. Ухнуло еще одно дерево, не вписавшееся в узор. Ствол дал длинную трещину. Не наполнится теперь такой – разбитый – соками по весне, не очнется от ледяного сна. Еще бы! Зимние ночи длинны, запасы в снеговых тучах безмерны. На много дней пути вокруг нет более пути... Значит, такова воля Вдовы. А разве с ней спорят?

Береника надела варежку, одним ловким движением повернула малиновую от жара задвижку, устроила в печурке очередную восьмушку поленца и закрыла дверцу. Ткань прихватки не потемнела, даже не стала по-настоящему горячей. Зато багрянец огня на миг выплеснулся наружу, своим сиянием ярко осветил весь закут вагона, отведенный на семью. И оттого показалось, что стало теплее. Доски заиндевелой внешней стенки порозовели, фальшиво обещая надежную защиту от мороза. Только неправда это. Ну как им справиться – каждая толщиной в два пальца, не более. Да и щели стыков, сколько их паклей ни забивай, вон они, отмечены плотной шубой инея.

На миг звуки зимы стали отчетливы, прорвавшийся в щель приоткрытой двери холод пузырем надул шторку, выстуживая вагон, заныл по щелям, радуясь возможности отнять у людей их последнее достояние – живое тепло.

– Некстати бросила, эдак и дров не напастись, – проворчал дед Корней. Мрачно вздохнул, шаря трясушейся рукой в кисете. Словно в нем, пустом уже десять дней, вдруг да возник сам собою табак. – Опять же неловко задвижку поддела и неспорю.

Его сухое, старое лицо исказилось обидой. Мол, учи не учи, а где ей, девчонке, важное понять? Опять же кисет и правда пуст – нежданное чудо, последняя понюшка табака, не украсило вечер...

– Угодить вам, батюшка, больно уж мудрено, – хмыкнул отчим, успевший стряхнуть снег с одежды. Прошел через весь закут, бросил на лежанку вывернутый тулуп, прямо у ледяной внешней стенки, и рухнул на него сверху, подмигнув девочке.

– Уж каков есть, – вяло и без азарта уперся дед Корней. – А послушать меня и тебе не грех. Тоже мне Король... И кто тебя, неуча, старшим обходчиком поставил?

– Разумный человек, – хохотнул Король и еще раз подмигнул Беренике. – Неперечливый. Я со светлой удачей не в ладах, это всем ведомо. А вот темную могу на чужие головы наслать. Хотя бы в виде синяков. Крупных таких, убедительных.

Глаза у отчима были темные и, как обычно, прищуренные. Не понять, чего в них больше, веселья или колючей внимательности. Большинство обитателей ремонтного поезда и не стремилось угадать. Во-первых, темная удача Королю действительно открыта. Ее еще зовут ночной. Любой вор или иной лихой человек уповает на нее, затевая свой разбой. Одни фартом зовут, вторые куражом. Третьи лихостью. А что она такое на самом деле – никому не ведомо. Кроме, пожалуй, Вдовы. Так разве у нее спросишь? Во-вторых, в ремпоезде свои законы. Вопросы – они никому здесь не нужны и всегда лишние. Откуда пришел, сам или по суду, чем прежде занимался...

Зачем знать то, что утратило право на жизнь, как охнувшее под ударом стужи дерево? Прошлое обрезано темными стальными нитями рельсов. Оно осталось там, вне паутины дорог. Навсегда. Многие, попадая в ремонтный поезд, на время словно бы сходили с ума, метались в бреду, болели. А затем забывали прежнюю жизнь целиком. Такие обитали в задних, самых плохоньких вагонах. Погасшие и пустые, безропотно таскающие тяжести и исполняющие простую работу. В задних вагонах и отдельных закутов нет, там нары в два яруса, разгороженные тонкими дерюгами. И разговоров вечерами там не ведут, поскольку разговаривать некому и не с кем...

– Рена, ты что, стужи испугалась? – Король заметил ссутуленную спину падчерицы. – Иди сюда, сядь. Пусть Саня подкладывает дрова, он уже большой и прекрасно справится. Нелепая у тебя манера работать без остановки. – Темные глаза сошлись в едва различимые щели. – Будь моя воля, я бы, наоборот, отдохнул. Ох, смутно помню и где, и как... А только все зря, сам виноват. Разве с Вдовой можно договор заключать? По глупости казалось, деньгами оплачу... А может, мнится мне все, иначе дело было? Темна моя память.

Корней, едва разобрав прозвище правительницы Диваны – Вдова, охнул и сотворил охранный жест. Буркнул:

– И точно дурень, – и плотнее запахнул линялую телогрейку.

Саня, родной сын Короля, тотчас устроился у печурки. Ему неполных восемь, но со взрослым делом экономного поддержания тепла он справляется прекрасно. Дед вздохнул, перебрался, кряхтя, на низкую скамеечку и стал присматривать за усердием мальчика. Береника закончила резать холодное сало, толстое, аппетитное и восхитительно розоватое. Ссыпала длинные узкие ломтики на тарелку, нагрузила туда же хлеб, ловко поймала в бадейке маринованный огурчик, добавила и его. Села возле отчима, держа тарелку в руках.

Пять лет она в поезде. И все эти годы удивляется, как ей могло выпасть такое немыслимое везение – оказаться в семье Короля? С полным правом называть его папой и знать, что тебя считают родной, берегут и любят... Такой же зимой, лютой и темной, нашли ее на путях. Никому на всем свете не нужную, замерзшую и уже почти столь же мертвую, как

порванные стужей деревья. Ночью нашли, когда миром правит темная удача, злая и хищная. Если бы не Король, ей и досталась бы добыча. Невеликая – что за польза и интерес заморозить до смертного сна девчонку лет восьми? А только разве темной удаче есть до того дело?

От прошлого уцелели лишь смутные сны. Жизнь началась заново в тепле вот этого закута, под ругань обморозившего щеку Короля, подобравшего, как пояснили позже, во время обхода и дотащившего малышку сюда, в живое тепло. Да еще и объявившего дочкой. А разве с ним хоть кто-то станет спорить? Вдова далеко, а он – весь здесь. Со своим колючим прищуром и оставшимся от неведомого прошлого широким засапожным ножом. Да вдобавок с ухватками бойца, не знакомыми никому и страшными своей неодолимостью.

– Вкусное сало, – похвалил Король. – Где добыла?

– На прошлой стоянке, – потупилась Береника, радуясь, что угодила, и опасаясь дальнейших расспросов. – Ты не сердись, пап. В Заводях это было.

– Опять, как в том году, просили счастливый костыль в шпале указать? – задумчиво предположил Король. – И ты указала.

– Говорю же, не сердись. В первый попавшийся ткнула, самой стыдно. Но только у них была своя дорожница, вроде бы опытная. Она сказала, что годится, велела заплатить.

– Малыш, больше так никогда не делай, – тихо и серьезно сказал отчим. – Два раза сошло. Третий может оказаться последним.

Береника молча виновато кивнула. Она и сама знала, что с дорожницами лучше не заговаривать. Торговые обозы через стальные рельсы они перетаскивают вопреки воле Вдовы, указавшей со всей мудростью правительницы каждому в стране его место. Родился меж двух радиальных нитей рельсов, ограниченных дугами круговых путей, – там и живи. Тихо живи, достойно и праведно. И минует тебя необходимость выбора, и не столкнешься с темной удачей. Правда, и со светлой, скорее всего, тоже. Все понятно и просто, пока беда сама не забредет на твой надел... А когда весь жилой клин земли меж двух нитей рельсов – да без урожая? Или зерно посевное замокло, или иная напасть? Наконец, просто захотелось чуток нарушить праведные устои, разбогатеть в обход жадных столичных сборщиков? Вот тогда и возникает караван. Он переваливает через рельсы, надеясь на удачу дорожницы, еще светлую и не иссякшую. И торгует тайком от власти, на чужой земле соседей, почти ничем не рискуя: вся темная удача, как утверждает молва, достанется той же дорожнице...

– Говорил я тебе: девчонка со странностью, – напомнил свои давние слова дед Корней. – А только если ты упрешься...

Старый обреченно махнул рукой и отвернулся к печурке. Вообще-то деду Корнею пятьдесят семь. Ужасно много, так полагает Саня, а дед сердится на любимого внука: не нравится ему чувствовать себя стариком.

Король повозил полоску сала в горчице и с удовольствием прожевал.

– Не пойдет тебе это в зачет ни по темной удаче, ни по светлой, – внезапно хохотнул он. – У ворованного сладкий вкус, я его чую, сколько ни макаю в горчицу. Сало ты, Рена, считай, украли. Такое дело небыстро на учет к Вдове попадает. Мне ли не знать... Мамка-то наша где?

– Третий вагон осматривает, болеют там, – сообщил Саня, весьма довольный своей осведомленностью.

– Да ты что? Ну все знает, вот ведь боевая баба! – оживился Король. Он снова прищурился, тихо шепнул Беренике: – Дед меня выдал?

Береника плотнее сжала губы. Подводить деда не хотелось, он ведь не со зла бормочет, просто удержу не знает. Хочет всех той правде научить, которую сам видит и полагает наиболее верной. Потому и не молчит: разве правильно, чтобы старший обходчик от жены по другим вагонам бегал? От его Ленки, от самой рыжей и красивой девки на весь поезд. Да что там поезд – целый свет.

– Не бубни и совесть ей не скобли зазря, – разозлился дед, не оборачиваясь, но твердо зная весь разговор. – Смотри, как бы второй раз удачу не упустить.

– Может, я тем и занят – спасаю ее, – весело предположил Король. – Вдова в верность не верит, а к ревности благосклонна. Ленка кому хочешь косы проредит, в ней я не сомневаюсь.

– Много ты про удачу знаешь, – отмахнулся дед. – Одно бахвальство. Королем назвался, словно имени нормального нет.

– Все мы хоть что-то да забыли, когда нас к рельсам приковали, – задумчиво предположил отчим. – Прозвание свое ведаю, имя – нет. Могу описать дом, в котором жил в столице последние два года. Без запинки укажу весь список побрякушек, что собирался продать по осени. Кому вот только? Не иначе намеревался я обеспечить себе начало жизни в мире вне нашей Ликры, без темных и светлых удач и Вдовы, забывшей, где искать смерть.

– Хватит уже поминать ее, – вздрогнул дед Корней. – Время худое, темное.

Король беззаботно зевнул, попросил поставить чай и удержал Беренику за руку: не для нее дело. Дед возмущился, но оспаривать не стал. В конце концов, он сплетню пустил, ему и кряхтеть-суетиться...

– Ты, Рена, стужи не бойся, – улыбнулся отчим. – И вообще, малыш, страх никогда не приносит пользы. Особенно ночной, бессознательный. Разве это плохо – не знать грядущего? По мне, так замечательно. В неизвестности и азарт, и радость, и вдохновение. Имени Вдовы тоже не бойся. Подумаешь, темная удача, светлая... Я не верю ни в одну, но сегодня за страх не ругаю: ты просто вспомнила, как болела тогда, в первую зиму.

– А почему ты меня спас? – задала свой давний невысказанный вопрос Береника. – И в дом взял?

– Потому что с моими решениями нельзя спорить, – прищурился Король. – Опасно для жизни. Вот я даже сам не спорю.

Береника рассмеялась, и тяжесть с души схлынула, словно открыли где-то шлюз и выпустили воду, всю и окончательно. Король прикрыл глаза, зевнул. Снова глянул в потолок вагона – темный, едва различимый. Нахмурился, сказал куда серьезнее:

– Я установил для себя закон, дочь. Если душа чего-то просит, не спорь с ней! Она у меня некапризна и редко решается высказывать пожелания. Я ей всего раз отказал. Не надо было лезть во дворец, ведь я это знал доподлинно! Но полез. И вот я здесь... – Отчим задумчиво изучил шрам на правой ладони. Темный широкий след ожога, заменивший линию жизни. – Ну и пусть! Никого рыжее и краше Ленки не видел и в столице, ты слышишь, дед?

– Слышу, – одобрил тот, проверяя чайник.

– Рена, сиди и тоже слушай. Я расскажу тебе сказку. Моя кормилица – а у меня была кормилица, это точно – любила ее повторять, я запомнил. История запрещенная, потому что рассказывает про те времена, когда не было еще ни рельсов, ни Вдовы.

Дед недовольно завозился, шепотью набирая заварку и нарочито шумно покашливая. Он опасался упоминать Вдову, а еще больше переживал, когда непутевый зять брался рассказывать запретное. Да еще при малых детях! А ну как вызнают да донесут? Король презрительно фыркнул, догадываясь о невысказанном. В его вагоне закуты просторные, всего-то и живет тут четыре семьи – настоящая роскошь по меркам поезда. Люди подобрались толковые, достойные. Правда, Корней одного соседа кличет шулером, второго – вовсе душегубом, а третьего – пьянью распоследней... Но доносчиков в вагоне точно нет.

Береника убрала чистую миску и протиснулась в крошечную детскую, отгороженную плотной тканью от основной «комнаты». Король, вопреки общему мнению о его диком нраве и даже лютости на работе, детей никогда не обижал. Выделил для них лучшее место, подальше от холодной внешней стенки, поближе к печурке. На зиму утеплил пол войлочным ковриком, а поверх еще и толстой двойной ряднушкой. Да и одеяло – верблюжье, добротное, настоящая редкость.

Девочка забралась в постель и плотно свернулась, поджав ноги. Самое лучшее одеяло надо еще прогреть изнутри, пока что оно – настоящий лед! Король сел рядом, бросил сверху свой тяжеленный тулуп, помогая копить тепло.

– Саня до полуночи станет тепло беречь, потом тебя разбудит. Стужа сегодня лютая, нельзя прекращать топить.

– Конечно. Па, а вот скажи, удача и счастье – это ведь разное?

Король задумчиво приподнял бровь, улыбнулся. Поправил тулуп, глянул в стену, словно искал там окно.

– Умница ты у меня. Никто не задает таких странных вопросов, а мне порой хочется порассуждать, – признался отчим. – Иные считают это чудью, но не ты. Знаешь, малыш, на мой взгляд, ничего общего нет между счастьем и удачей. Удача – она как вспышка молнии, внезапна и непредсказуема. Порой и нужды в ней нет, а блеснет, покажется, усмехнется – и отвернется... Счастье иное, оно вроде пламени свечи. Домашнее, близкое, куда более важное. Случайности в нем меньше, его можно и нужно беречь от бед. Если ко мне примерить сказанное, то получится, что все правда! Удачу я знал в столице. Был, можно сказать, ее любимчиком. Хоть имени своего и не помню, а родился точно в хорошей семье, достойной и богатой. Образование мне пытались дать, в магии определить. И позже, когда я вроде бы, как мне кажется, из дома ушел, тоже не знал невезения. А вот попал сюда, во дворец на черненую половицу наступив...

– Значит, правда, что Вдова умеет управлять везением? – охнула Береника.

– Скорее невезением, – скривился Король. – Сложная тема, я потом тебе поподробнее расскажу обо всем, что знаю. Так вот... Удача моя иссякла, я потерял имя, деньги, друзей-приятелей, дом, привычную жизнь – да все, что имел! Однако теперь я по-своему счастлив. У меня есть Лена, Саня, ты. Даже дед Корней – он тоже часть моего нынешнего душевного покоя... Слушай обещанную историю. Пожалуй, скорее сказку. Давно это было, и насколько вообще соответствует истине, неведомо ни мне, ни кому-либо еще.

Король сел поудобнее, прикрыл глаза и стал говорить. Была у него такая странная манера: вспоминая давнее, из прежней жизни, сосредоточенно горбиться, плотно смыкать веки и выталкивать подзабытое странными фразами, включающими незнакомые, нехарактерные для его обычной речи слова. Более городские, пожалуй. Хотя и в обычное время речь Короля отличалась чистотой и, грамотностью построения фраз. Он учил этому и Саню, и Беренику, не допуская мычания, нуканья и эканья.

– Прежде на территории нашей страны, не без насмешки названной в свое время магами Паутиной Удачи, располагались три государства. Самое большое – повосточнее и два его соседа-союзника – на западе и юге, извечно составлявшие то единое пространство, то твердый альянс. Исконно здесь уважали магию, развивая ее и поощряя. Излишне поощряя, я так полагаю. На магов уповали, когда приходили беды. Неурожай, саранча или даже война. Маги гордились своим величием, по-своему старались быть полезными. Но я уверен, что нельзя бесконечно исказить миропорядок.

– Мир – что?

– Природный уклад жизни, – пожал плечами отчим. – Если зимой холодно и все пути замело, не стоит роптать и переиначивать ситуацию под себя. За капризы придется расплачиваться.

– Понятно.

– Юго-восточный сосед Ликры однажды всерьез надумал известить нас. Маги узнали заранее, готовили заклинания защиты и нападения, укрепляли границу. А самый умный гад, – глаза Короля открылись и блеснули неподдельным гневом, – додумался до настоящей глупости. Удача ведь непредсказуема и внезапна...

– Как молния, – шепнула Береника.

Король пару раз кивнул и сник, положил локти на колени, обняв их ладонями. Помолчал.

– Тогда и создали Паутину. Точнее, то, что позже в нее переродилось. Как утверждает легенда, это потребовало объединения силы всех магов и погубило едва ли не половину из них. Няня пела мне: «Высохли, как цветы без воды, прахом легли в пыль... Свет отделили от тьмы, в узел сплели...» – Король вздохнул, энергично потер лоб. – Не помню толком! В общем, удача стала не совсем случайной. У нее появились любимчики, а точнее, избранницы. Назвали их дивами. Обычно в Ликре жила всего одна дива. А иногда и вовсе ни одной не было. Прошли века, такие дети стали рождаться и в иных землях, но все же чуть чаще здесь, у нас... Не скучна тебе моя странная сказка, малыш?

Береника усердно замотала головой. Она гордилась тем, что отчим охотно отдает ей столько времени, делится воспоминаниями и отвечает на вопросы, которые дед Корней назвал бы блажью. Король мягко улыбнулся, погладил тулуп и снова прикрыл веки.

– Не знаю сам и не слышал ни от няни, ни позже, в колледже магов, как выбирала себе детей наша странная зрячая удача. Не понимаю, как дивы копили силу, как их искали маги... Но знаю одно: войны в давние времена не случилось, все обошлось. И позже тяжкое зло всякий раз краем нас задевало и не творило большого ущерба.

– А потом пришлось за это платить, – предположила Береника, зная склад ума своего отчима.

– С тобой приятно беседовать! Именно так. Мы так долго обманывали судьбу, что однажды доигрались: власть досталась темной диве. Так утверждает сказка, и я не могу предположить, много ли в ней правды. Имя дивы ты сама уже, полагаю, угадала.

– Вдова, – уверенно шепнула девочка. – То есть наша правительница Дивана. Странная получилась сказка. Я буду теперь долго думать над ней, спасибо.

Король прищурился, как сытый кот. Потянулся, выпрямляя спину. Встал, собираясь уходить.

– Пап, а ты что, маг? – шепотом восхитилась девочка.

– Нет, – хохотнул Король. – Меня, кажется, выставили со второго курса. Я был, если память не врет, платным учеником, они бы и дольше терпели, но я расстарался, уволок пару ценных книг из библиотеки. Ректор решил, что убыток больше, чем доход. Вызвал меня и честно сообщил: к магии я пригоден еще меньше, чем топор – к плаванию... Спи, время к полуночи ходко бежит, а я пойду-ка нашу маму встречу. Засиделась она в третьем вагоне. Сперва, как водится, бой дала, а потом и за обсуждение взялась. И так они мне кости перемывают – аж уши дымятся!

Береника фыркнула в тощую, свалывшуюся подушку, представив отчима с дымящимися багровыми ушами. Затем вздрогнула, став серьезной. Села, собрала в охапку тулуп, толкнула в руки Королю:

– Пап, не ходи по главным путям. Как-то неладно на душе.

– Именно – неладно, – согласно буркнул Король, надевая тулуп. – Сам чую. Оттого и хочу Ленку поскорее домой притащить. Ну спи. Обещаю идти чищенной тропкой по краю леса, хоть правая сторона путей не моя, нет мне дороги далее кромки вырубки.

Береника успокоенно улыбнулась и прикрыла глаза, сразу и легко взлетая в сон.

Некоторые в сон проваливаются, так ведь и принято говорить: рухнул, ушел и даже утонул. Она – взлетала. Ощущала замечательную легкость, словно тело отпускало разум вверх, в теплый и ясный свет. Там не было и не могло быть кошмаров, темных воспоминаний и недобрых предчувствий. Зато поутру помнились летние пестрые цветы, пряные запахи прогретого соснового леса и голоса птиц...

Сегодня лес оказался перерезан сталью рельсов. По ним стоном катился низкий гудящий звук. Из дали, необозримой, зимней и темной, вьюжной, ночной... Шум рос стремительно, он вырвал из сна и заставил испуганно сесть в постели, зажав уши ладонями. Бесполезно.

Свистящую песню рельсов дополнил далекий, но уже вполне отчетливый басовитый рев паровозного гудка. Затем наружная стенка вагона мелко и часто задрожала. В нее били волнами комья снега, срываемые вихрем магического ветра с главного пути. Береника едва разобрала торопливые шаги деда по закуту, тихие в сравнении с бурей за стеной. Вот Корней нашарил рукоять, рванул ее вниз, включая прожектор вагона. Не обычный, а заряженный магией опознания. Несколько мгновений спустя снежный вал перестал прогибать доски стены, снег теперь валился на левую сторону от главных путей, свободную. Значит, маг, чистивший рельсы от сугробов для нежданного скорого поезда, разобрал сигнал и подправил свою работу. Новый гудок рявкнул прямо за стеной. И еще одна порция комьев снега врезалась в доски – уже с «плуга» паровоза, вчистую освобождающего рельсы. Короткий поезд – тендер и два вагона – промчался мгновенно и сгинул, оставляя позади медленно и испуганно оседающую тишину. Скрипнула дверь, вихрь холода качнул ткань перегородок и угас.

Береника, едва осознавая себя, вскочила и в одних носках побежала... Но у порога закута ее перехватил отчим. Рассмеялся, шутливо дернул за ухо и отнес в постель. Он был весь, с ног до головы, облеплен плотным мелким снегом. Ушел, долго и усердно стряхивал белую пыль, перешучивался с женой. Рядом охал и суетился дед Корней. Из закута напротив выглянул тот, кого дед звал шулером, и дрогнувшим голосом уточнил, все ли живы.

– Не играл с тобой на интерес и впредь не сяду, – с показной мрачностью подытожил сосед, закрывая тонкую перегородку-дверь. – Ведь немислимое дело! И поезда быть не могло, и от него не увернуться никак... Третьего дня мы отослали со станции сообщение, что участок ставим в ремонт и перекрываем движение.

– Любой опытный маг определит, пошептав над рельсами, по силам ли ему расчистить путь, – отозвался дед. – Что нас сгрести могли, так мы столичникам не люди, а так, мокрое место. Спасибо зять у меня с головой! Вынудил вас, лентяев, в снегопад для стоянки тупиковую веточку расчистить. Еще спорили, слушать не желали, что умный человек велел.

Сосед тоскливо и невнятно вздохнул-застонал, но подробнее жаловаться не стал. Есть ли смысл напоминать, кто возмущался громче всех? И так известно: все тот же несносный дед, как и много раз прежде... Корней и сам знал, поэтому быстро юркнул в закут и уселся возле печки, более чем довольный тем, что непререкаем и неизменно прав.

– Деда, а кто в эдакую вьюгу среди ночи мчится, да еще с магами? – зевнул Саня.

– Может, и она... – нехотя буркнул дед, не желая лишний раз упоминать имя Вдовы. – Ей-то что? Чем гуще темная удача, тем милее.

– А почему било в стенку так страшно?

– На путях снега намело в мой рост, – поежился Корней. – Когда я служил машинистом скорого курьерского, гонял поезда при поддержке магов много раз, и зимой тоже. Жуткое дело! Вьюга впереди подымается гуще киселя, пузырем дуется, снег расталкивает с путей во все стороны. Грохот рвет воздух, словно мир кромсают напополам. И если кто на рельсах есть, его выбрасывает в лес, далеко. Да что там человек! Толковому магу посильно и поезд под откос пустить.

– Пойду хвостовые вагоны проверю, – пробасил в соседнем закуте Михей, помощник Короля, пробираясь к двери. – Если маги поздно заметили наш фонарь, могли крепко смять.

Береника слышала, как мачеха, которую она звала мамой и от души таковой и считала – своей, настоящей, – прошла к печке. Села тихо и как-то неловко, словно споткнулась и не поправилась. Тяжело, со стоном всхлипнула, сполна осознавая беду, с которой только что

разминулась. Самая надежная дорожка вычищена на главном пути, по ней Лена и собиралась шагать от третьего вагона к своему пятому. Если бы не встретила мужа, если бы он не уволок едва не силой к опушке, если бы... Сейчас женщина молча перебирала несбывшиеся ужасы, все более пугаясь. Вон слышно: обняла Саню и зашептала, называя сироткой. Король, как обычно, угадал скорое развитие истерики, сгреб жену в охапку, с фальшивой строгостью отругал и приволок в детский угол. Быстро стащил с ног валенки, сунул ее, послушную и тихую, под нагретое уже одеяло, к боку Береники.

– Рена, расскажи маме сказку, любую, – велел он. Ушел, тотчас вернулся с кружкой, на дне которой плескалась пахучая крепкая настойка. Заставил жену приподнять голову: – Пей, рыжик, закрывай глаза и слушай дочку. Ну что за безобразия, опять в слезы! Ты сильная, как тебе в голову пришло перечислять эти «если»! Запрещаю. Поняла?

– А вдруг бы... – шепнула мачеха, вздрагивая всем телом.

– «Вдруг» и «бы» тоже запрещаю, – строго уточнил Король. – Рена, что молчишь? Начинай сказку про Колобка, да поподробнее, и потом спи до утра. С печкой мы сами разберемся.

Береника послушно кивнула, поймала необычайно холодную мамину ладонь, погладила. Вдохнула, собираясь с силами, и стала монотонно описывать скитания бестолкового черствеющего каравая, слишком придирчивого в выборе стола и рушника, сопутствующих неизбежному поеданию Колобка. Слова, если уж честно, не имели ни малейшего значения. Год назад Король объяснил ей, как следует успокаивать. Сам он тоже умел, но у Береники, как выяснилось вскоре, получалось гораздо лучше. По осени Саня приболел, и она пела ему колыбельные каждый вечер, тогда и накопила опыт заговаривания сна. Сейчас девочка старалась вовсю, а возле краешка сознания билась пульсом мыслишка: не магия ли звучит в ее голосе? И почему отец больше никому не рассказал, как усыплять? И отчего...

Сон пришел быстро, одолел сперва мачеху, успокоившуюся, задышавшую мерно и неглубоко, затем и саму рассказчицу. Ловкий Колобок как раз увернулся от Волка и, как предположил Саня, зевающий возле печурки, укатился в глухой лес. Потому что продолжение его скитаний затерялось в сонном бормотании и сопении...

Утро началось совсем обыкновенно, словно не было ночных ужасов. Еще до зари весь вагон перебудила неугомонная рыжая дочка Корнея, успевшая напрочь позабыть свои ночные страхи. Она напевала, звенела посудой, ругалась с отцом, не желающим перегонять поезд, невзирая на подтвержденное распоряжением начальника состава решение Короля – главного человека в ремонтной бригаде. Потом изобретательно грозила бедами «стервам, которые глядят налево». Еще бы! Для ее Короля левая сторона путей – вполне даже счастливая, там ему Вдова ходить не запрещает. А вот мнение жены совершенно иное, и слушать ее надо... Точнее, приходится.

– Я ему родных детей рожай, неродных выхаживай, хозяйство веди, – считала свои заслуги Лена, – а он налево смотрит! Ох, не домашний ты мужик, Колька. Не жалеешь меня, не ценишь!

– Опять мне имя выдумала? – заинтересовался Король, пропуская мимо ушей прочие заявления.

– Точно! – Большая деревянная ложка угрожающе стукнула по краю чугунок, ловко сбрасывая вниз остатки каши. – Имя тебе – паразит! Сволочуга – вот еще хорошее было бы. Наелся? Ну и вали отсюда. И чтоб на глаза не попадался. Я ему одно, а он другое, словно не слышал, что сказано. Ренка, забери у него чашку, хватит с него каши. А то я не понимаю, на что он моими стараниями силу копит. Иди шпалы таскай и не лыбься попусту, не предвидится сладкого.

– А сало еще осталось? – Отчим с надеждой глянул на Беренику.

– В третьем вагоне спроси, – самым ласковым тоном предложила Лена. – Там этого сала вот такенные окорока. Кулаком не промять!

Дед Корней закашлялся, давясь кашей. Отчим обреченно покачал головой и потянул с лежанки тулуп. До таскания шпал сегодня вряд ли дело дойдет, однако работы и без того немало. Последний вагон, как и опасался Михай, пострадал достаточно сильно. Несколько досок проломилось. Ночью наскоро отгребли снег, плотно налипший на стенку, залатали дыру, но теперь предстояло провести нормальный ремонт. Снег больше не падал, прежний с рельс разметало магическим вихрем, так что осматривать пути можно и даже нужно. Король уже распорядился подготовить малую дрезину и собирался заняться именно этим, поручив Михею приведение в порядок вагонов.

– Ренка, набери снега, – велела Лена, зная, что падчерица может без риска для своей удачи входить в лес и даже удаляться от путей по любую сторону насыпи. – Чистого! А то натопила в ночь на чай – пополам с копотью, вот ведь лентяйка, от самых путей взяла, шагу лишнего не сделала в сторону!

Дед повторно закашлялся. Догадливая и невежливая Ленка показала ему свой некрупный жесткий кулак, но от обвинений в адрес падчерицы не отказалась. По ее мнению, сказанное в любом случае полезно: оно воспитывает! Береника замотала платок, сунула руки в рукава телогрейки, торопливо юркнула в кладовку, отгороженную тканью, одним движением сгребла в карман хлеб, схватила ведро, пока вторая рука нашаривала у стены кусок сала. Даже бдительная Ленка не заметила задержки, хотя вслед косилась с подозрением. Из вагона спускаться по ступеням сходней не пришлось. Король ждал и сам подхватил, поставил на тропку, с надеждой глянул на свою любимицу.

– Строгая у нас мама, – посетовал он, оживляясь и принимая хлеб с салом. – В Санькину мисочку мне каши плюхнула. Котятам меньше дают. Пропал бы я без твоих забот, малыш.

– Пап, а с тобой поехать можно?

– Пока, пожалуй, нет, – подумал вслух Король. – Мы теперь назад, до ближней стрелки, где начало ремонтного участка. Вот после полудня – в другую сторону. Тогда, может статься, и возьму, если мама разрешит.

– Разрешит, – уверенно улыбнулась Береника. – А я тебе картошечки припасу.

Глаза у Короля стали совсем грустными. Он и сам полагал, что сегодня не стоит рассчитывать на домашний обед. Кивнул, тяжело выдохнул целое морозное облако огорчения и пошел прочь. Береника добежала до тропки, вычищенной к лесу, закричала по снегу вниз с насыпи и миновала полосу вырубки у рельсов, двигаясь почти что боком: вычищено оказалось совсем узко, в одну лопату.

Из снежного желоба по плечи высотой было приятно нырнуть под низкие ветки елок. В лесу снега сразу стало меньше, его вал ловко и цепко держали кустарники опушки. Береника смогла отойти достаточно далеко, перебираясь от ствола к стволу. Остановилась, радуясь свежей и чистой природной тишине. Шумы нехотя просыпающегося паровоза, голоса ремонтников, стук молотков, прибывающих новые доски, восстанавливая хвостовой вагон, – все удалилось, отодвинутое мохнатыми лапами ельника. Здесь стволы скрипели, радуясь преодолению ночной стужи. Снег шуршал с веток тонкими струйками, сеялся серебром на платок и телогрейку.

Береника стащила варежку и пошарила в кармане, разыскивая остатки запасов семечек. Лена называла кормление птиц тратой времени и расточительным чудачеством. Король слушал молча – ругали ведь в первую очередь его – и обязательно покупал новый бумажный кулек на ближайшей станции. Едва ладонь с семечками раскрылась, к ней сверху, из гущи веток, упали несколько синиц. Откуда птицы узнавали про угощение, для девочки остава-

лось загадкой. Почему они, дикие, брали с руки и не боялись – тем более. У Сани не брали, что доводило его до слез...

Жалкие остатки содержимого кулечка были уничтожены в пару минут. Виногато вздохнув, Береника жжала замерзшую ладошку, и птицы тотчас вспорхнули вверх, исчезли. Правда, их голоса еще достаточно долго звенели поодаль, и оттого трамбовать в ведерке снег было гораздо веселее. Сверху Береника бросила несколько гроздьев ягод калины, укрывшихся под снежной шапкой от птичьего аппетита. Сладкую, промерзшую ягоду мачеха любит – глядишь, и перестанет сердиться на мужа. Она ведь шумит только для виду, а на самом деле – обиду прячет. Если повезет, успокоится к обеду, сама велит отчима искать и звать к столу. Ну если не повезет, то вынужденная голодовка Короля растянется до ужина. Береника вздохнула.

Родная выгородка встретила спорым стуком ножа, мелко рубящего ничтожные остатки сала. На печке шкварчала картошка. Мачеха заметила калину, улыбнулась, прихватила ловким движением всю и стала обгрызать прямо с кистей, облизываясь и довольно вздыхая.

– Ну давай, – велела она, закончив лакомиться, – просись на дрезину.

– Пустишь?

– Ха, тебе лишь бы не работать, – весело укорила мачеха. – По уму, надо бы не пускать. Зачем сало украла? И не смей бормотать, что оно твое! Что в дом принесла, то наше, общее.

– Прости.

– Ну все бабы его жалеют, даже эта пигалица, – возмутилась мачеха. – Ростом мой Колька на полголовы ниже Михея, а попадают в него все взгляды, чтоб ему... И я туда же, если разобраться...

От собственных выводов мачеха впала в задумчивость. Отхватила от шкурки сала кусочек, сунула за щеку. Пожевала, неодобрительно изучая сковороду с картошкой.

– Обед поганцу не воруй, – строго приказала Ленка, сопровождая каждое слово стуком ножа. – Сама соберу. Иди оттирай чугунок, не пищи под руку! И скажи ему, что вечером будут вареники с картошкой. Если ты ее до своих покатушек успеешь перечистить.

После полудня отчим деликатно постучал в стенку вагона, оповещая, что дрезина готова отправиться в путь. Береника подхватила пузатую миску с картошкой, укутала и побежала к дверям. Мачеха вслед невнятно фыркнула, в своей обычной манере беззлобно, но шумно желая споткнуться и оставить «паразита» без обеда.

На платформе дрезины топтались, возбужденно сопя, двое приятелей Михея, только что закончившие наваливать мешки с углем и крепить их. Сам помощник Короля шептал на ухо отчиму нечто весьма важное, то и дело толкая его локтем в бок. «Великая тайна!» – усмехнулась Береника и сунула отчиму миску. Тот оживился, принялся и утратил последние остатки интереса к шепоту.

– Дядя Михей, вы подбиваете папу ехать на станцию? – предположила Береника. – Так ведь далеко!

– Нет, всего-то до ближнего разъезда. – Огромный, похожий на медведя сосед по вагону склонился и заговорщицки подмигнул: – Я посчитал дни, там сегодня торжище. Каждый год оно бывает. Белолесский уезд везет орехи, мед да сало. Краснохолмский – табак, крупу...

– И наливки, – обличающе прищурилась Береника.

– Разумница эдакая, – хмыкнул в усы Михей. – И наливки тоже. Это уж кому что требуется. У нас вот имеется небольшой избыток угля. Кой-какие мелочи полезные из города.

– Как же они без дорожницы торгуют? – удивилась девочка.

– Через пути кидают, – не вполне понятно объяснил Михей. И добавил, видя недоумение Береники: – Между прочим, их твой папка надоумил шесть лет назад, место указал и условия разъяснил. Кто на шпалу не заступил – тот еще в своем уезде. Там удобно, дорога

вровень на пути выныривает из Краснохолмья и обрывается, а дозора нет, места-то дикие, пустынные по зиме.

– А вещи, нарушившие границу уезда, не приносят темную удачу? – высказала еще большее удивление Береника.

Отчим доел картошку, блаженно вздохнул и поставил пустую миску на платформу. Кивнул, отпуская грузчиков и давая начало движению. Пояснения он излагал уже на ходу, поскольку сытость всегда способствует хорошему настроению и общительности.

– Смотря что кидать. Ножи – нельзя, любые предметы длительного пользования – нежелательно. А вот простое, что быстро израсходуется, очень даже можно. Конечно, сломать зуб об орех, перекинутый через пути, несколько проще, чем об честно купленный, но это при определенных условиях, и то не факт. Мелкие удачи и неудачи ни на что не влияют и вообще поглощаются погрешностью.

– Чем? – не поняла Береника.

– Дочь, – Король прочувствованно выдохнул пар, – я, как мне вспоминается, в колледже ни разу не смог нормально сдать зачет! А ты туда же, спрашивать... Что думаю, то и сказал. В целом торг безопасен, пока он невелик. Точка.

Береника кивнула и стала смотреть по сторонам, повернувшись спиной к ветру, то есть против хода дрезины. Рельсы льдисто блестели, облака медленно уползали на восток, освобождая синь небес для красивого солнечного вечера. Уголь в прорехах больших мешков лоснился сыто, маслянисто. Люди на дрезине двигали привод дружно и умело. Все выглядело так привычно, что не требовало вопросов. Детям, которых любезно согласились взять в дорогу, полагается молчать и восхищаться. Михай крикнул, предложил прибавить ход. Скоро он скинул тулуп, от толстого свитера грубой вязки шел пар. Беренике достался сначала один меховой кожух, а затем и второй. Отчим ощутил жару гораздо позже. Он уставал медленно, хотя выглядел куда более легким и сухощавым, чем большинство работников ремонтного поезда. Вот и теперь дышал ровно, смотрел вперед спокойно и двигался плавно, вполсилы. Успевал оглядываться по сторонам, подсвистывать, окликая свиристелей, обирающих рябину, или хрипло каркать вóрону, ошарашенному наглостью чужака.

Под грудой меха было так тепло, что Береника закуталась плотнее и стала смотреть вверх, в зимнюю стылую синь небес, чем-то неуловимо похожих на хорошее сало. Хотя бы потому, что небо – слоистое. Тут вот голубое, за жирком тонкой тучки – уже зеленоватое, после второй прослойки – вовсе с желтизной. А по низу – опушенное темной щетиной леса, как корочкой. Дрезина шла на север, солнце медленно клонилось влево, на счастливую сторону Короля.

– Пап, а разве не лучше закупать на рассвете, пока светлая удача густа? – спросила девочка.

– Кому как, – подмигнул тот. – Суевериям я предпочитаю здоровый торг и разумную цену. Но ты права: начали они с самого утра. И мы спешим не напрасно, боимся, как бы не застать лишь последки торжища. Впрочем, уже близко, успеем.

– Пап, а удача и судьба – они одно?

– Эх хватила, – хмыкнул Михай.

– Сложный вопрос, – порадовался Король. – Судьба – штука странная. Она, если разобраться, не у всех и имеется – настоящая. На том, как я припоминаю, и построена магия паутины удачи, делящей страну на уезды. Все, кто по селам да деревням сидят, привязанные к месту собственным страхом, не создали и не выстрадали истиной судьбы. Разве это судьба – слепо следовать первому же указанию, выданному самим рождением? Коли крестьянин, то и паши до смерти, не разгибаясь! Раз князь или граф – кланяйся и танцуй на балах. Это не судьба, а заведомый отказ от выбора.

– И что?

– Отказ развиваться и выбирать создает омут застоя, – нахмурился Король. – Кажется, у магов он именуется резервом неосуществленного. Те, кого Вдова награждает, из него черпают удачу, а те, кого казнит, – беды. Точнее не скажу, не тяни губы, затевая свое неизбежное «а если»!

– Прости. Мне и так хватит сказанного, чтобы было над чем подумать.

Король довольно блеснул глазами и присвистнул, требуя замедлить ход. Длинная дуга поворота вынесла дрезину на бесснежную высокую насыпь, огибающую большое застывшее озеро. От него поднималась накатанная санями дорога со свежими следами. Летом здесь нет пути – вода отрезает его. А теперь, по льду, посильно пробраться к разъезду, который из окна скоростного поезда неприметен. Пройдет снег – и снова будет казаться, что люди тут месяцами не появляются...

Береника распахала тулупы, каждый пододвинув к хозяину, и повернулась вперед, сев по ходу движения. У самых путей сновали люди, уже хорошо заметные. Девочка рассмеялась. Еще бы! Только что двое бодро раскачали крупного барана и метнули через рельсы. Винторогий умудрился взбрыкнуть на лету, ловко боднул покупателей, вывернулся из веревок и рванул к лесу! Что беглецу сильнее помогло, гнилые пути или темная удача, наверняка станет предметом долгих обсуждений. Один из ушибленных участников торга подхватил топорик и помчался в лес – догонять упрямо живое мясо.

– На племя куплен, – не согласился Король с мыслями дочери. – Они полагают, если сбежит и будет пойман как якобы ничейный, то прежнему месту уже не сохранит принадлежности и от происков удачи освободится. В чем-то правы. Хотя, как мне кажется, этот баран им и без чужих происков достаточно крови попортит.

– Пап, а что мы маме купим? Она такая грустная...

– Праздник купим, – широко улыбнулся Король. – Баранов, сало, наливку. Будем гулять завтра весь день.

– Но дедушка...

– Ему табак, чтобы не ворчал, – великодушно согласился Король. – Начальнику поезда – наилучший лесной мед, он заказал. Хороший мужик, и за какие грехи его к нам, на северную ветку, да с такими слабыми легкими?..

Король вздохнул и обреченно махнул рукой, не желая продолжать фразу. И так все знают. Отвернулся, взялся еще раз деловито считать мешки.

Настоящий топочный уголь, сине-черный, жаркий и долгогорящий, в пределах границ Ликры попадал лишь на сталелитейные заводы Угорского уезда и в топки магистральных паровозов. Селяне знали как дороговизну, так и выгодность этого топлива и охотно предлагали в обмен на содержимое мешков свои припасы. Более прочих оживился белолесский коваль, возжелавший непременно заполучить весь уголь для своей кузни. Он шумел, демонстрировал подлым конкурентам по ту сторону путей пудовые кулаки, набавлял цену, норovia единолично снабдить путейцев всем, что они запросили. Михей в ответ с азартом показывал свои ладони-лопаты бывалого кочегара, ругался – и явно симпатизировал оптовому закупщику.

– У тебя нижний мешок худой, угля там – половина от должного, – напирал коваль.

– А баран твой моему тулупу дедушкой доводится, – не отставал Михей. – Он не жирный, не дери с него последние волосья, он просто с голодухи опух!

– Истинно молвлю: мне уже, почитай, без разницы, как удача развернется, коли тебе она морду не засинит, – возмущался селянин. – Ладно, добавлю малый горшок меда. Липового, слышь?

– Слышу, что липового, – невнятно намекал на подделку Михей. – Малый – это мне раз понюхать. Не годится! Эй, кто там пожилых овец давал, именуя их ягнятами? Мешок ваш!

– Все вы, сброд путейский, совесть паром высвистываете, – буркнул коваль и, обернувшись к своим, белолесским, нашел взглядом владельца овец: – Тебе со мной одним обозом домой ехать, помнишь ли о том?

Тощий мужичок с мелкими плутоватыми глазками поежился. Он, само собой, помнил... Коваль осмотрел овец, действительно упитанных и молоденьких, тяжело, всей могучей грудью, выдохнул. По мнению Береники, вышло не хуже, чем у настоящего паровоза. Из облака белой изморози донеслось:

– Свой кисет с табачком отдам. Он новый, только что перекинут, так что вреда вам не принесет. Ну?

Береника с интересом обнаружила, что деньгами никто не рассчитывался, каждая сделка состояла из чистого обмена одного товара на другой. Потому торг и тянется долго, обрастая странными и нелепыми условиями. В итоге коваль сверх оговоренного прибавил молочного поросенка. Гордо огляделся – больше нет у него соперников! – и расставил ноги пошире, готовясь ловить мешки. Сложил приобретенное в добротный крытый возок, любовно огладил, прощупывая уголь. Ровный, без пустой породы – баскольский сортовой.

Владелец овец выглядел, наоборот, расстроенным. Бормотал, что ненароком заступил на шпалу и оттого торг у него никак не идет. Скотина наилучшего откорма, а медовуха и вовсе безупречна, но, увы, и то и другое до сих пор здесь, на этой стороне путей...

Король утешил раздосадованных селян, показав им бумагу с печатью путейского мага, разрешающую легальные закупки «для крайних нужд пропитания и ремонта».

– Выходит, иногда заступать на шпалы полезно, – предположил он. – Веди овец. Впишем, деньгами оплатим, по всей форме бумагу выдадим. За медовуху, если хочешь, можем масло перекинуть.

– Осветительное? – понадеялся мужик.

– «Опаловый люкс», – кивнул Михей. – Заводской, наилучший, двойной яркости. Мы его... гм... в свою тару из большой цистерны перелили, так что не удивляйся виду бутылки. И лови бережно, раз заступил на шпалу.

Масло мужик ловил с усердием, позабавившим весь торг. И, само собой, не удержал. Спасибо, соседи попались независтливые – помогли, подхватили...

На обратном пути, поминутно проверяя веревку на рогах крупного барана, «опухшего от голода», девочка думала о странности менового торга. Она бы спросила отчима, но дрезину гнали полным ходом, не желая оставаться на путях после наступления ночи. Потому что каждому известно: это время наибольшего коварства Вдовы. И если ее способность приносить удачу порой вызывает сомнения, то вот умение сглазить – неоспоримо. Небо темнело, все более напоминая недобрый фиолетово-черный прищур из-под длинных еловых ресниц. Пути оказались целиком перекрыты частыми и густыми тенями, которые должны были вот-вот сомкнуться, но не успели: впереди блеснул прожектор, что означало приближение поезда. Михей охнул: неужели опять беда, ночной скорый ждут?

– Нет, – хохотнул Король. – Это моя Ленка переживает. Не знаю, как она умудрилась заставить деда фонарь паровоза зажечь, чтобы беду отогнать... Небось еще и к начальнику поезда сбегала, уговорила scomандовать снять один рельс, чтобы окончательно отвадить поезда с магами от нашего участка. Это верный способ, маги ощущают разрыв линии пути. – Голос отчима стал мягче и тише: – Рена, какая славная у нас мама, правда!

Утверждение не было вопросом и не требовало согласия, но Береника все же кивнула. Заметила еще один фонарь, поставленный у края рельса. Так обозначалось, что далее путь разобран. Дрезина замерла в нескольких метрах от желтого круга света. Мужчины быстро перебросили мешки поджидающим их людям. Обреченно орущих баранов отогнали и загрузили в пустой холодный вагон.

Начальник поезда, инженер средних лет, списанный в ремонтный состав по решению суда – говорили, за долги, – благодарно принял мед и подмигнул Беренике.

– Говорят, весь ваш пятый празднует, – сообщил он Королю. – Твоя жена делает бесподобные вареники. Стол ломится, даже мне небольшая порция перепала. Пойду попробовать, если еще хоть один уцелел.

– Завтра нам бы... – начал отчим.

– Знаю, – без удивления отозвался начальник поезда. – Празднуем ваше ночное везение. Из-под состава самой правительницы увернулись, шутка ли!

– Ох, еж... колючий, – нескладно удивился Михей, глянув на девочку. – Откуда весть?

– Мы телеграмму отослали, что путь разбираем, – буркнул начальник. – Заодно потрепались на ключе, то да се... Нет, Король. Не вполне мертва еще твоя удача, что бы ты ни говорил о ней.

Отчим задумчиво кивнул. Береника видела, что он не находил радости в упоминании о своей везучести, словно опасался радоваться. Впрочем, сразу встряхнулся, отгоняя сомнения, и зашагал к родному вагону. А там, в пустом и просторном жилище бездетного «шулера», уже выстроились единой линией столы, принесенные соседями. Вареники лежали нарядными высокими горками в трех мисках, достойных именоваться тазами. Король торжественно утвердил в середине стола горшочек с солеными груздями и, порывшись в карманах, передал деду табак. Корней при виде эдакого чуда едва не прослезился. Нырнув в закут, он вернулся с бутылью самогона, очищенного до прозрачности и настоящего на рябине. Ленка подхватила, суетливо пообещала найти настоящие рюмки. Вообще, неплохо получалось разливать в кружки, с чем все и согласились. Король взялся передать жене эту важную новость – и тоже исчез из-за стола. Жена Михея промокнула глаза, радуясь явному и столь трогательному, по ее мнению, примирению в семье соседей. Она предложила не ждать завершения поисков и начинать праздник.

– Да чего там искать, – возмутился Корней. – Все знают, где она прячет эти рюмки.

– В твоём возрасте, уж прости за прямоту, и правда нечего, – задумчиво проговорил Михей, нагружая в миску вареники. – А вообще... вдруг рюмки куда перебежали тайком?

– Рюмки? Перебежали? – обрадовался удивительной и сказочной идее Саня, допущенный к общему столу. – Можно мне тоже пойти ловить?

– Папа сам управится. – По лицу деда пробежала тень. – Он у нас ох как ловок. Ему, если по виду судить, и сорока нет, а уже обходчик, большой начальник. На меня и то покрывает. А позже, вот ведь умен, табачком задабривает.

Дед говорил очень тихо. Впрочем, в общем веселом шуме даже самых громких его сетований, привычных до зевоты, никто бы не разобрал. Кричали на весь вагон здравицы за удачу, так кстати блеснувшую в безлунной ночи, за завтрашнее продолжение гулянки, за сегодняшний торг. Как раз к этому возгласу и появились Ленка с Королем, который вполне ожидаемо заявил, что рюмки не нашлись! Он лично обыскал весь дом, но увы... Михей стал весьма неловко намекать на то, что поиск важнее результата. Король нахмурился, оглянулся на Беренику.

– Идите-ка вы с Саней отдыхать, – велел он. – Вам здешний шум не на пользу, да и время позднее. Рена, ты пока за печкой присмотри, а позже я сам займусь. Утром ты мне нужна отдохнувшая. Настоящее мясо жарят на березовых углях. За ними следует идти в лес, путь неблизкий.

– Все у тебя с затеями, – недовольно сморщился дед.

– Точно, без них не могу, – улыбнулся Король.

Береника сжала ладонь полусонного брата, переданного через стол, и пошла укладывать мальчика, не выказав ни малейшего удивления. А удивляться было чему. Взять хотя бы тот факт, что березовые дрова в вагоне лежали отдельной поленицей – и немалой.

Утро задумчиво изучало лес и пути, пользуясь скудным светом единственной лучины – малой тучки у горизонта, поймавшей первый блик далекого солнца. Утро нежилось и не спешило. Зимние дни коротки, ленивое солнышко долго отдыхает в пуховых облаках у горизонта. Да и не встает оттуда толком – лишь приподнимается и снова уходит по низкой дуге, задевая краешком каждую высокую сосну. Береника тайком от отчима подозревала, что оно боится упасть. Ледяное озеро неба слишком уж гладкое и скользкое. Вслух эдакую глупость девочка не высказывала – стыдно. В поезде детей обучали гораздо лучше, чем в любом селе или даже небольшом городе. Начальник поезда – настоящий инженер, дипломированный, он и завел нынешний порядок. Сам преподавал математику, физику и химию. Чистописанию, чтению и даже франконскому языку (для желающих вроде Береники) обучала его жена, тихая усталая женщина с грустным взглядом и, как ни странно, прямой спиной. Неожиданное сочетание качеств. Впрочем, чего еще ждать? Уже который год знает, что здесь, на севере, ее дорогой Михаил Семенович не жилец, для его легких единственное лекарство – жаркий, сухой климат юга. А вот осанку не теряет и голову держит прямо, не позволяя себе отчаиваться. Достойная уважения стойкость, так и отчим говорит.

Береника косилась на солнышко, пробуящее лучиком край ледяного омота небес, и пыталась поверить умным словам дяди Михаила, повторявшего, что солнце – огромное и мир без усталости кружит вокруг него, как мотылек возле лампы... Поверить в такое можно, привыкнуть – посылно, но вот представить себе...

Отчим принес две пары коротких широких лыж – точнее, снегоступов, – приладил ремнями к валенкам. Махнул рукой, указывая направление, и пошел себе через пути, налево, на свою любимую закатную сторону. Уже миновав опушку, Береника спохватилась:

– Пап, а топор?

– Рена, малыш, ты не проснулась? – хохотнул Король. – Умница моя, да здесь на сорок верст вокруг нет ни одной рослой березы! Елки, сосны на гривках, ольха, осина. Ты еще прикажи мне веревку тащить или мешок.

– И то верно, – смутилась девочка. – Дров у нас полно.

– Вот и спросила бы прямо, без мамкиных подначек, – предложил Король, – куда я тебя потащил в эдакий холод. А я бы отшутился. Потому что расскажу попозже, как дойдем до места. И ты изволь молчать, иначе горло застудишь.

Береника послушно проглотила ответ – и заодно новый вопрос. Идти налегке было замечательно. Лес оказался редким, рос он на пологом склоне огромного холма, плавно стекающего все ниже, к промерзшему болоту. На закатной стороне снег оставался темным, синим. Пушистые верхушки тощих елей, избавившихся от сухих нижних веток, усердно тянулись вверх и ловили розовые теплые блики рассвета на свои заснеженные лапы. «Словно у печурки греются», – подумала Береника, вздохнула и глянула на спину споро шагающего Короля. Вопрос так и вертелся на языке – аж щекотно! Но разве с папой поспоришь?

Он – Король. Одни в поезде говорят, что это прозвище из мира картежных игр. Высшая карта в них – «маг удачи», но этим именем едва ли кто согласится назваться без веских причин. Да и характер за «магом» читается иной. Холодный, излишне властный, расчетливый и даже спесивый. Не по отцовой, то есть отчима, мерке. Он живой, подвижный и решительный, он поездом распоряжается – но так весело и лихо, словно и правда от рождения наделен правом отдавать приказы. И делает это, учитывая интересы своего маленького «народа» – дикого, буйного, признающего лишь его власть. Порой добрую и потакающую прихотям, праздничную, как сегодня, а в иное время жестокую до крайности. Король не терпит пьяных драк, приводящих к серьезным ранениям, не позволяет воровать – во всяком случае, нагло, – вынуждает трудиться на совесть, безжалостно изгоняя лентяев.

– Пап...

– Как же это ты умудрилась молчать целых пятьсот метров? – притворно удивился Король. – Говори, но коротко.

– А почему я могу ходить и по правой стороне путей, и по левой? И через лес? Или все могут, но просто боятся суеверий?

– Почему – не знаю. – Король несколько сбавил шаг, поднял руку, приглашая нырнуть под нее. – Но мы идем как раз туда, где имеется кусочек ответа. Я, малыш, сперва полагал, что и мне не заказано ходить повсюду. Но в первый раз, нырнув под ветки правого леса, был укушен змеей. Во второй – чудом не лишился глаза. А в третий раз меня придавило елкой. Спасибо, чахлая была, мой позвоночник крепче оказался. Я глянул дальше в лес – и рассмотрел там немало крупных деревьев, старых, опасно накренившихся... Больше не рискую. Вдоль путей тянутся, как незримые нити, заклипания ограничения, старые, многослойные. Они подобны водоразделам. И если ручей моей жизни сбегает по этому склону, я могу изменить его путь, но повернуть вспять и вынудить течь вверх...

– А я?

– А ты, малыш, – облако, – улыбнулся отчим. – Это главное объяснение, которое у меня есть. Кроме него, только вопрос.

– Какой?

– Что, а точнее, кого можно вырастить из облака? – негромко проговорил Король. – Не исключено, что ты повзрослеешь и прольешься дождем, найдешь себе русло и применишь его ограничения. А может, и нет...

Король убрал руку с плеча дочери и снова ускорил шаг. Береника заспешила следом, изредка поглядывая на слабый, едва намеченный розовый завиток облака у горизонта. Мало ей того, что мир круглый и вращается, так теперь еще и она сама – облако... Девочка охнула, припомнив еще один рассказ Короля. Про омуты застоя и резерв неосуществленного. Туда и стекаются ручейки жизнью, если вдуматься.

– Пап, а магия что, как вода?

– Любая энергия подвижна и изменчива, – согласился Король. – Магическая – она для магов такое же рабочее тело, как вода для нашего паровоза. Пока она именно вода, нам от нее нет пользы. Вот если загнать в котел, нагреть, превратить в пар и использовать с умом...

– Ты сегодня сложно объясняешь.

– А разве тема простая? Ты еще спроси, что такое жизнь, как она связана с магией, удачей и прочим разным, и жди ответа из пары слов.

– Прости.

– Разве задавать вопросы запрещено? Не проси прощения за то, что делать можно и нужно. Откуда я знаю, что ты за облако? Я уверен в одном: не хочу, чтобы тебя загоняли в эдакую паровую машину магов и принуждали к работе на износ. – Король резко остановился и обернулся, его темные глаза показались Беренике непривычно грустными. – Я боюсь за тебя. Знаю, что детство у тебя получится короткое. Кто станет помогать моей Ренке, когда нынешнее место жизни – поезд – утратит свою безопасность? Вот потому я и решил рассказать толком, как я тебя нашел и что о тебе знаю.

– Не на путях? – вздохнула Береника.

– Нет, я солгал, так было проще и правильнее. По-настоящему же – здесь, пять с лишним лет назад, в самом конце осени. Топь еще была жидкой, а кустарник кутался в обрывки пестрой листвы. Первый снег упал, следы хорошо читались. Была ночь. Они прилетели оттуда, с юга. Их ждали, я издали заметил три костра, разложенные вокруг участка сплошной топи. Подобрался ближе, я ведь всегда отличался любознательностью.

Король невесело усмехнулся, достал нож и стал ловко резать лапник и набрасывать горкой на чахлый ствол поваленного дерева. Соорудил целый лежак, огляделся, подта-

шил пару крупных сухих веток, наломал мелочи. Береника помогала. Скоро костерок уже трещал, азартно вгрызаясь в смолистую еловую древесину, шипя хвоей. Сидеть возле огня было тепло и нестрашно, а вот слушать рассказ – холодно и жутковато. Вдвойне жутковато оттого, что вместе со словами Короля нехотя оживали, будто выхваченные фонарем из сплошного мрака, случайные обрывки прошлого. Эти тени шевелились, и узор их казался слишком чуждым, до головной боли и тошноты. До окоченения. Там, в прошлом, было невыносимо холодно. И темно. Нечто мешало видеть прежнюю жизнь, как не позволяло и помнить ее...

Король подбросил в огонь еще дров, обнял девочку за плечи и погладил по голове. Рядом с ним – человеком, которому она была обязана жизнью, пожалуй, больше, чем кровному отцу, – страхи не имели власти. Береника заставила себя дышать по возможности ровно. Она ведь выжила и выбралась, нет уже того холода и нет отчаяния.

– Вот и молодец, справилась, – похвалил Король. И негромко начал рассказ: – Дирижабль шел низко, над самым лесом. Как я понимаю, их всего-то три в стране – больших многомоторных, с жестким корпусом. Этот был с символом полиции магов на борту гондолы. Он завис, дождался, пока оба человека, поддерживавшие костры, обозначат себя, подобрал их и переместился к центру топи. Люк оставался открытым.

– А как маги могли тебя не заметить? Опять же недалеко, на путях, стоял наш поезд. – Береника очнулась окончательно, обрела способность думать и рассуждать.

– Поезд прошел напрямик до станции, нам так велели. Я спрыгнул на ходу. Договорился, что меня подберут через неделю, на обратном пути. Мне взбрело в голову поохотиться на лису. Своей рыжей Ленке шубу хотел подарить... Так что господа из магической полиции позаботились о том, чтобы поблизости никого не было. А маги самого дирижабля... Видишь ли, они обычно делают контроль разомкнутых маршрутов, так это называется, насколько я припоминаю. Они полагают, что любой человек должен откуда-то прийти, войти в контрольный периметр и затем покинуть его. Я не делал ни того, ни другого. К тому же эти, у костров внизу, магами не были. Так, недоучки и наверняка из полиции. Рассказываю дальше. Дирижабль подобрал людей и завис над топью, точно между двумя кострами, выровнявшись по третьему, контрольному. Тогда тебя и сбросили вниз. Высота была изрядная, метров семь – десять. Они ни в чем не сомневались, явно проделывали подобное прежде или имели точную инструкцию. Маги сразу погасили костры и сформировали внизу заклинание. Специфическое, из раздела пси-магии. Я ведь говорил тебе, что базовых уровней дара у магов три?

Береника кивнула. Она прекрасно помнила все наставления Короля. И это – тоже. В высшем колледже магов на втором курсе учеников делят на группы по склонностям и степени одаренности. Самые привилегированные и малочисленные – это заклинатели сущего, или маги удачи, их единицы по всей стране. Именно они ближайšie слуги и исполнители воли Вдовы, ее советники. Чуть ниже – пси-маги, способные воздействовать на эмоции отдельного человека или же целой толпы. А общая масса, девять учеников из десяти, – стихийные маги, управляющие с различной степенью успешности огнем, ветром, водой и твердью.

Присутствие на борту дирижабля настоящего пси-мага дает основание говорить, что полет имел большое значение. Береника улыбнулась. Улыбка вышла бледной и кривоватой. А как можно радоваться такому вниманию к своей персоне? Смертельному вниманию! Девочка плотнее прижалась щекой к тулупу Короля, прикрыла глаза и попробовала собрать воедино разрозненные осколки воспоминаний.

Она не помнила полета. Наверное, чем-то опоили или применили магию. Зато падение вниз отпечаталось в сознании в нелепых, мельчайших подробностях – и теперь всплыло из небытия. Ужас слепоты – перед глазами клубилась темная пелена. Удаляющийся звук мерного безразличного голоса, мужского, низкого и властного. Всего три слова было брошено

ей вслед сверху: «Твоя удача умерла»... Ледяной ветер, чувствительный удар – она упала в стылую грязь лицом вниз и сразу утратила возможность дышать. Ничего не осталось во всем мире, кроме чудовищного холода, оплетающего тело илистыми щупальцами болота. Потому что ее удача умерла и сама она тоже тонула. Пока не ухватилась за соломинку. Шепот, кажется, родился в сознании, он был требовательным, почти злым, зато небезразличным...

– Ты позвал меня, – тихо обрадовалась воспоминанию Береника. – Точно! Ты меня окликнул нынешним моим именем. И велел барахтаться, потому что нельзя умереть прежде смерти.

– Я сразу понял, что твое упрямство безмерно и способно вытащить из любого болота. Я старался в тебя верить, малыш. Это ведь очень важно, чтобы в такой момент хоть кто-то верил в лучшее. Они не просто лишили тебя того, что зовется удачей, а привязали магией тебе на шею тяжеленный камень темного проклятия. Но ты справилась!

– Мы.

Король рассмеялся, встряхнул дочь за плечи. И стал рассказывать дальше. Как он стал кричать в полный голос, когда дирижабль скрылся, как собрал новый костерок на еще теплом пепелище прежнего, сигнального. Береника кивала, с ужасом и изумлением прослеживая свой путь через топь, обозначенный рукой Короля. Слепую, с вывихнутой рукой – она это вспомнила точно, – в немыслимом осенью легком домашнем платье... От кочки к кочке, по единственной ниточке тропки, вьюном уворачивающейся от омутов, пlyingунов, ненадежных кустов и обманных гривок...

– Пап, а как я могла выбраться на берег, если маги такого уровня старались да и погода помогала? Опять же болота я не знаю.

– Чутьем и упрямством, – улыбнулся Король. – Моя заслуга лишь в том, что я дал тебе новое имя. Уж прости, первое попавшееся, оттого оно и получилось такое странное... Сперва чуть не позвал «Черника», потом землянику припомнил, но кое-как успел исправиться. Прежнего твоего имени я не ведаю, да и ты его, возможно, никогда не узнаешь, оно утонуло вместе с проклятием.

– И я должна верить, что ты не маг? – усомнилась Береника.

Король задумчиво усмехнулся, сощурился, подвигал плечами. Он прекрасно понимал, что сам затеял этот разговор, но, как выяснилось, вовсе не желал давать ответы на любые вопросы, которые могут прозвучать.

– Ладно, сдаюсь, – выдавил он наконец. – Когда я крался к болоту, магом не был. И сейчас тоже – ни-ни. А понадобилось жизненно – и вдруг нашарилось, привычное, как нож за голенищем. Сам об этой странности думал много раз. Кстати, с того времени я постепенно стал вспоминать свое истинное прошлое, полноценное. Вроде как проснулся. Не до конца и не во всем, но зато твердо знаю: да, я учился в колледже магов, высшем столичном. И вроде бы свалил со второго курса. Это был, я думаю, последний шанс выбраться оттуда без потерь. А вот как я туда попал и что делал позже... Одно скажу точно: меня тоже прокляли. Только тебя на отъеме удачи, а меня – по-иному. Вот они, рельсы, – единственное, что осталось мне в жизни. И место, и судьба, и приговор...

Король стащил рукавицу и задумчиво изучил шрам, толстым темным рубцом накрывающий линию жизни. Береника тоже взгляделась внимательнее: точно рельсы! Шрам сдвоенный, широкий и очень прямой. Он идет по гладкой припухлости «насыпи», и в него не упирается ни одна, даже самая тонкая, черточка ладони.

– А нас с тобой, наверное, наши прежние домашние похоронили, – ужаснулась девочка.

– Скорее всего, – нехотя согласился Король. Натянул рукавицу, встряхнулся и улыбнулся: – Только зря! Так что отчаиваться рано, может, еще найдемся-встретимся. Настоящую судьбу себе соорудить ничуть не проще, чем проложить большой магистральный рельсовый путь. Мы ведь стараемся, дочь?

– Очень, – гордо согласилась Береника и тоже рассмеялась, поскольку долго грустить рядом с Королем просто невозможно. – Пап, спасибо, что ты не назвал меня ягодой. Была бы я по имени-отчеству какая-нибудь Клюква Королевна, вот ужас! А мама в расстройстве звала бы кислятиной и оскоминой, с нее станется.

Король фыркнул, виновато развел руками:

– Мама умеет придумывать прозвища, точно. Дальнейшее не вижу смысла рассказывать подробно. Выволок тебя из топи, как только стало можно дотянуться. Здесь, у костра, оттер, в куртку свою завернул – и бегом к охотничьей избушке, есть тут одна поблизости. Оттуда через четыре дня – к поезду, ты еще бредила, без сознания была. Я наврал всем про пути, про то, что заметил на насыпи, что ты выпала из поезда... Ленка помогла, спасибо ей. Документы я тебе позже сделал. Настоящие! Купил в другом ремонтном поезде метрику умершего ребенка. Чуток подправил. В двенадцать лет самым законным образом мы эту метрику сменили на первичный паспорт. И числишься ты Береникой Соломниковой. Смешно, правда? За соломинку из болота вытащил – и эдакая фамилия тебе досталась простым случаем.

– А у тебя что записано в документах?

– Людям с такими шрамами документы не полагаются. Для меня нет ни имени, ни чего-то иного, что с ним связано. Я к рельсам накрепко прикован. – Король улыбнулся. – Зато здесь у меня есть дом, Ленка, Саня и ты.

– И тебя уважают, – заверила Береника.

– Крепко! Поэтому вставай, нам пора. Без нас не станут жарить и – тем более – делить. А лишнего получаса голодания мне даже друг Михей не простит.

Задолго до того как блеснул прогал вырубки около путей, Береника разобрала могучий, притягательный запах праздника. Смесь кострового дымка, запекаемого мяса, ольховых щепок коптильни, свежего хлеба... Не сговариваясь, путники обрадованно прибавили шаг. Обитатели поезда не стали ждать возвращения Короля, как он того опасался, а потому еда уже поспевала и никто не накопил гнева или обиды. Даже Лена, без сомнений, справедливо полагала, что в присутствии дочки ее Король глупостей делать не будет, а значит, не тратила нервы впустую, на ревность.

Вот и опушка. Уже слышны звуки гармонии. Певуны, все до единой битые Ленкой в разное время, умело раскладывали на голоса сложное плетение мелодии. Голос самой мачехи звенел и переливался: она, как обычно, вела, а прочие подстраивались. Король вздохнул и улыбнулся:

– Рена, ну какая у нас мама замечательная! И голос у нее безупречный.

– Пап, что же тогда...

– Дочь, это наши с мамой взрослые разговоры, не встревай, – строго предупредил отчим. – Я бы никого не взял в жены, кроме Лены. И в полной памяти, и без таковой – я твердо уверен. Этого тебе достаточно?

– А что мне остается? – попробовала напоказ обидеться Береника. – Дед сказал, что ты хуже кота. Пока всю сметану по чужим банкам не соберешь, не уймешься.

– Уж какой есть, – беззлобно хохотнул отчим и тут же виновато пожал плечами: – Дело ведь не только в моих личных недостатках, здесь еще и темная удача виновата. Моя сторона путей левая, Ленкина – правая. Даже летом мы не можем сбежать вдвоем из поезда. А дед, чем лясы точить и оговаривать, лучше бы выхлопотал себе отдельное жилье. Ему как машинисту полагается. А он вместо этого бессонницей мается.

Береника больше ничего не стала спрашивать: ей и так было ясно, что тема затронута ненужная и неверная. Выслушивать сетования деда Корнея тошно. Вот уж правда, до всего ему есть дело и для каждого на все случаи жизни готов совет – долгий, подробный, обстоя-

тельный, хуже самой черной бабской сплетни. Даже малышу Сане дед по осени пробовал рассказать, какой же подлый человек Король. Мальчик потом две ночи плакал. Мама Лена сердито и непривычно молчала. Дед тоже молчал, жевал губы и тер плечо. Он никак не предполагал, что за свою «доброту» будет пребольно излуплен, и, ко всему прочему, не зятем, а дочерью! Да еще с шумом, при соседях... И что спасать его прибежит Король, а мирить с рыжей воительницей станет сам начальник поезда, увещевая обоих тихим, хрипловатым голосом, спокойно, обстоятельно и неспешно.

Вспомнив про Михаила Семеновича с его бедой, Береника всерьез задумалась. Если она не утонула, если ее удача жива и даже велика, если помогает уворачиваться от самой смерти, то разве эдакое чудо можно беречь для себя одной?

– Пап, а я могу изменять то, что полагаю неверным и гнусным? Ну совсем гнусным, бесповоротно?

– Ответ на этот вопрос есть только в тебе самой, – сказал Король.

Он помолчал, нахмурился – опушка, уже вот она, а продолжать разговор при людях едва ли разумно – и быстро добавил:

– Чтобы менять удачу, надо сперва в ней чуток разобраться. Не в настоящей, природной, а хотя бы в нашей, фальшивой, созданной магами. Первый шаг твоего обучения понятен, именно так из общего числа учеников колледжа отбирают будущих магов удачи. Тот, кто способен научиться создавать или разрушать ограничения, ощущает и их наличие. Вот опушка, здесь проходит незримая нить. Я не ведаю, какая она. Но ты, возможно, однажды ее нащупаешь.

Мысль показалась Беренике интересной, но попробовать воплотить ее немедленно не удалось. От поезда уже кричали, заметив Короля, зазывали к кострам угощаться. Терпкий горячий запах праздника кружил голову, спазмом сводил желудок, вынуждал облизываться и глотать слюну. В поезде не знали настоящего голода, время от времени поражающего деревни. Здесь работали много и тяжело, поддерживая в порядке путь и наращивая его, когда для того приходило время. То есть исполняли важное для правительницы дело. А раз важное, то и оплачиваемое регулярно, и сносным снабжением обеспеченное. Но все же есть досыта, да еще мясо, тем более парное, приходилось нечасто.

Праздник! Как тут сосредоточиться и ловить невнятное, незнакомое и неведомое даже самому Королю ощущение нити, надвое разделяющей удачу? Береника принялась, в последний раз виновато подумала о начальнике поезда и его болезни.

Взгляд уже прыгал от одного костра к другому, радовался дивному, веселому дню – солнечному, тихому, прямо сияющему, вместившему столько интересного! Вон там, на опушке, выделяют шкуры. Подружка уже гордо машет над головой клочком меха – ей достался в полное владение! Малышня вьется возле Михея, взявшегося жарить на большой сковороде темную густую баранью кровь – это ведь тоже лакомство. У седьмого вагона танцуют, да так рьяно, что только снег летит. Ближе к хвосту поезда затеяли потешную драку. Король заметил, резко развернулся и пошел поглядеть, насколько шуточную, не появится ли ненароком ножик в чьей-нибудь руке...

Возле пятого вагона на опушке горел высокий и жаркий костер, отгораживающий праздник от влияния чужих удач и неудач. Давно известно, что в круге живого огня дурные влияния не так опасны. Под самой насыпью была устроена жаровня с отборным древесным углем. Саня, гордый и важный, прогуливался рядом и то и дело поворачивал прутья с нанизанным на них мясом: ему доверили ответственную работу. Иногда малыш косился на звонко смеющихся сверстников, пробегающих мимо, кочующих от костра к костру, облизывающихся, веселых и сытых... Береника хотела было отпустить брата, но заметила Ленку. Та подозвала ее и загрузила более нужной работой – усадила лепить пельмени. Один за другим: завернуть, защипнуть, уложить в миску... «Это до самого вечера», – прикинула Береника,

оценив размер баков с тестом и начинкой. Дело прекрасно занимало руки и освобождало голову для размышлений. Снова вспомнился рассказ Короля и сами события пятилетней давности. Удивительно, но страха или темной тяжести на душе от нового знания не накопилось. Властные слова могучего столичного мага уже не имели над ней силы. Зато в ушах до сих пор звучал и согревал тихой радостью голос Короля: «Прежде смерти не умрешь».

– Третий час сидишь и улыбаешься, – отметила мачеха, перегружая очередную порцию готовых пельменей в поддон, чтобы вынести на мороз. – Что тебе нашептал этот бездельник?

– Как он меня нашел и как ты согласилась взять меня в дом. Спасибо, мам.

– Точно бездельник! Согласилась, спасибо... Да я бы скорее его выгнала, чем тебя! Такую хорошулю, взрослую, умную и работающую, любая хозяйка с руками отхватит, – рассмеялась Ленка, погладила Беренику по щеке тыльной стороной испачканной в муке ладони. – Ренка, я всегда хотела девочку. Но твоя сестричка не выжила, она была слабенькая. В осень погасла, как лучинка... А тут он тебя приволок. Тихую, бледненькую, темноволосую – ну чисто с того света возвратил потерю мою. Не представляешь, как я обрадовалась! Тебя всем вагоном выхаживали. Всем поездом! Михаил Семенович на станции доктора вызывал, жена его мази тебе покупала, в город ездила. А ты – «приняли»... – Зеленые глазищи мачехи блеснули лукаво и весело: – Вся в отца, капризница, да еще с причудами! Ну заканчивай над пельменями горбиться. Остальное я отдам в четвертый вагон, у них детворы много, пусть суетятся. А нам и так достаточно. Хотя... погоди!

Лена убежала в комнату, тотчас вернулась и сыпала с ладони в последний пельмень мелкую красную бусину. Подмигнула, кивнула – заворачивай!

– Зачем?

– Так принято. Это вроде шуточного гадания. На денежное везение, если бисер красный, – сообщила мачеха. – По крайней мере, так у нас говорили, в слободе. Когда я была совсем маленькая, мы с родителями жили в пригороде, папа тогда учился на машиниста.

– В столице? – восхитилась Береника.

– До столицы оттуда еще верст сорок было, – отмахнулась Лена. – Я ее ни разу не видела по-настоящему, только через щель в досках вагона, когда наш поезд насквозь город проезжал.

Береника припомнила рассказ деда Корнея. Главные радиальные магистрали, все восемь, сходятся ко дворцу Вдовы. Ныряют в его ворота – и выныривают из ворот напротив. С одной стороны они, предположим, северные, а с другой уже относятся к южному управлению путей. Но что находится внутри стен дворца, никому не ведомо. Корней полагал, что там имеется большое депо, содержащее несколько личных составов правительницы.

– Вы ехали через дворец? – охнула девочка.

– Нет, конечно! – рассмеялась Лена. – По малой окружной, окраинами. Я сама чуть нос не прищемила, так к щели липла. Думала, и дворец рассмотрю, и магов, и саму эту ведьму бессмертную... А увидела только заборы, склады, запасные пути и несколько улиц. Закончила лепить? Вот и умница, иди и поймай нашего папу, хватит ему на чужие пляски плястись.

Король возник в дверях, словно подслушивал. Догадался, о чем шла речь, фыркнул и ловко подхватил жену на руки. Нашептал ей в ухо громко и внятно, настаивая на том, что пляски не так уж плохи и он намерен обойти все костры. Не один, с женой. Зря его опять заранее обсуждают: он не слышал, но уши-то горят... С тем родители и исчезли. Беренике пришлось самой выносить на мороз последнюю порцию пельменей, звать хозяек из четвертого вагона и передавать им тазы с остатками теста и начинки. Потом греть воду, отмывать посуду, приводить в порядок комнату, временно ставшую кухней и выбеленную мукой. И наконец пришло время ужинать обжигающе горячим, великолепно прожаренным мясом,

хвалить усердие брата, а позже – искать этого самого брата, сбежавшего пробовать чужие угощения.

Уложить Саню оказалось непросто. За день он накопил столько впечатлений, что спать не хотел совершенно. И сказки слушать – тоже. Он сам бормотал, зевая, посмеиваясь и щурясь. «Весь в папу, особенно когда так хитровато прикрывает веки», – подумала Береника, рассматривая Саню при тусклом свете масляной лампы. Вздохнула, погладила жесткие кудрявые волосы цвета сосновой коры: мамино наследство, у отца темнее и мягче.

– Дед сказал, – горестно выдохнул брат, выдавая свою боль, спрятанную глубоко, на дне души, – что Король нам неродной и это хорошо. Он папу не любит.

– Ты его не понял, – твердо и уверенно сообщила Береника. – Он просто имел в виду, что ты и на маму похож, и на папу – на обоих, а не только на кого-то одного из них. Ясно? Вот шея у тебя короткая, папина. Носик чуть вздернутый, мамин. Уши растопыренные – вообще дедовы. Глаза темные – папины.

– Как хорошо, что я просто ошибся, – улыбнулся Саня и успокоенно прикрыл веки. – Он иногда чудно говорит, сложно. Только ты и можешь разъяснить толком. Сегодня утром вот вы ушли, а дедушка взялся бормотать над бумажкой. Невнятно, и все про дядю Мишу.

– Про Михея?

Дышать отчего-то стало трудно, на глаза напозла темная пелена, словно вот-вот за шиворот прихватит рука и сбросит вниз, в ледяное болото...

– Не-а, про нашего начпоезда, – зевнул Саня. – Ничего толком не разобрать было. Я спросил, а он сказал, что хвалебное письмо пишет. Но читать вслух не стал, сразу в конверт убрал. Он хороший, дед Корней, только странный. Почему бы при всех не почитать?

Выложив сестре свое последнее тайное опасение и успокоившись, Саня зевнул еще шире и ровно засопел. Береника, наоборот, зябко поежилась. Еще несколько минут она лежала, пытаясь унять тяжесть на сердце и задремать. Сон сгинул, холод упрямо пробирал до костей вопреки усердию печки, загруженной углем...

Пришлось сдаться и поверить чутью. В конце концов, есть ли смысл теперь сомневаться, что оно имеется, настоящее и весьма сильное? Не хвалебное письмо написал дед и не зря спрятал. Девочка грустно усмехнулась. Белая бумага без слов – она чиста, как незапятнанная природная удача. Очень редко у людей получается сохранить везение, свое и чужое, испачкав лист чернилами. Темными словами беда притягивается вернее, чем заклинаниями самого сильного мага...

А если она умеет исправлять везение, то, может, теперь и настал единственный миг для дела? Саня сказал ей то, о чем более никому не ведомо. Завтра на станцию повезут почту, с самого утра. Значит, дед Корней уже ничего не поменяет в письме, он давно ушел к дальнему костру, в хвост состава. Там возьмется давать советы и тайком от дочери «добавлять полными стаканчиками головную боль» – так это называл Король, умевший пить, но не напиваться и, к полному недоумению и возмущению деда, ни разу не страдавший похмельем... Перебирая бессвязные обрывки мыслей и воспоминаний в голове, Береника встала, накинула телогрейку, сунула босые ноги в валенки. Подперла хлипкую входную дверь палкой и, не добавляя света, стала усердно перебирать вещи деда.

Его сундучок был невелик и стоял незапертым. Корней твердо знал, что никто не полезет и так, не принято это в доме Короля – трогать без спроса личные вещи.

Письмо выпорхнуло из-под обложки старой тетрадки в плотной кожаной корочке, хранившей дедовы записи относительно различных паровозов: расход угля и дров, предельное давление в котле, какие-то пометки по ремонту – и так далее.

Конверт был уже запечатан, но везение – штука особенная. Сегодня Береника твердо знала: случай крайний, жизненно важный. Раз отец смог, себя не помня, позвать ее, значит,

и она справится. Толстый сургуч аккуратно, не хрустнув и не раскрошившись, поддался под нагретым острием ножа, срезался чисто и ровно. Однажды она спросила отца, умеет ли тот вскрывать документы, и Король показал...

«Его высокоблагородию начальнику объединенного ремонтного управления путей...» – читала Береника, и холод студил ее кожу все сильнее. Глаза выхватывали лишь обрывки фраз, не желая пачкаться их витиеватой и гнусной полнотой.

«Сам же допускает сомнительный торг, а именно – на разъезде, желая получить мед для лечения...»

...по три дня не покидает вагона, бросая важные дела без присмотра...

...болеет крепко и оттого пользу делу дает малую...»

В конце письма дед прямо говорил, что сам он уже был представлен три с половиной года назад к должности замначпоезда и справлялся вполне успешно. Он здоров, имеет немалый опыт, не замечен в грязных делах и перед властью всегда был характеризован наилучшим образом. А вот уважаемому Михаилу Семеновичу самое время на покой.

Береника отложила письмо в сторонку и задумалась. Что делать? Сказать Королю... так у него и без того с дедом Корнеем отношения хуже некуда. Она видит, ее не обмануть показным миролюбием: дед откровенно побаивается своего зятя. Оттого и тих, и возмущается лишь на общих сборах, надеясь получить поддержку работяг. Он ведь, в отличие от начальника ремонтной бригады, не карает за леность, не лишает доплат. Наоборот, сочувствует. Самое обидное, что и начальнику поезда дед не враг, уважает его, по-своему ценит. Но желание посмотреть на Короля начальственно, сверху вниз, так долго росло, так упрямо копилось, что оказалось главнее и весомее любых иных доводов...

Маме тоже сказать невозможно. Дед ей родной, вырастил, всю жизнь был рядом. Опять же и без того в семье неладно – крутится Ленка меж двух самых дорогих людей и злится. То Корнея изругает, то Короля. Наконец, и Саню нельзя подвести! Брат выложил сомнения и подозрения не для передачи на сторону. Береника тяжело вздохнула, наспех перебирая в уме иные варианты, которых, по сути, не было. Михай? Только кулаками махать горазд, он во всем на стороне отчима. Сам Михаил Семенович? Не в этом случае.

– Управлюсь, – пообещала себе девочка, мысленно уговаривая голос не дрожать. – Я осторожно. Папа сказал, нельзя вмешиваться, не понимая ничего... Но и не вмешиваться невозможно. Так, вот листок. Вот письмо. Где оно совсем темное? Немножко подправлю, самую малость. Дедушка в чем-то прав: давно следовало бы написать, как болеет наш дядя Миша. И сколько он еще может принести пользы, и какой он прекрасный инженер. Как мы уголь экономим. Как он учит обходчиков и сам пути осматривает.

Доводы, высказанные вслух, казались куда более весомыми, чем невысказанные. Холод отчаяния отступил, затаился слабой ноющей болью под ребрами. Словно это у нее кашель и ей трудно вдохнуть ледяной воздух зимы. Пальцы побежали над строчками.

«Его высокоблагородию начальнику объединенного ремонтного управления путей...»

Береника улыбнулась. Хорошее начало, правильное, от него сразу дышится проще, будто юг уже рядышком. Что дальше? Указания на нынешнее местонахождение поезда, на то, как идет ремонт участка. Тоже неплохо. Надо лишь выбросить нелепое упоминание «моим радением» и вставить правду. Рабочие графики составляет начпоезда, он в людях прекрасно разбирается. Береника достала чернильницу, резко выдохнула, отбрасывая последние сомнения. Зачеркнула слова, лишая себя возможности оставить все как есть, и взялась усердно скрипеть пером, внося новые заметки ровным бисерным почерком поверх дедовых неодинаково наклоненных, подрагивающих и покачивающихся букв. «Не хотел ведь писать», – осознала Береника причину окончательной порчи почерка Корнея. Сам с собой боролся. Лживые слова и вовсе невнятно смотрятся, низкие палочки гнутся, горбятся – стыдно им...

Закончив переиначивать текст, девочка прочла его повторно. Попробовала представить, что она – дед Корней. Стал бы он так писать? Вот тут и тут – нет, не его речь. Снова пришлось менять. И опять. Потом проверять рукой: не болит ли внутри, за ребрами, не грозит ли бедой?

Гармошки за тонкой стенкой вагона утомились и попритихли, праздник сместился к хвостовым вагонам. Там, вдали, хохотали, пьяно орали песни не в лад, ругались, затеяв ссоры. Временами слышался характерный низкий рык Михея: явно лез разнимать. Береника кусала губу и уговаривала себя не спешить. Нельзя. Самое ответственное дело осталось – начисто переписать. Почерк дедов она знает в точности. Год назад Корней руку повредил, и она писала все лето за него отчеты. Даже расписывалась. И за Михея писала прошения да расходные бумаги на уголь, шпалы, инструмент. С грамотой у нее все ладно, в забытой прежней жизни явно были учителя. И даже наверняка, настоящая школа. Может, она в городе жила... Да и в нынешней жизни учат усердно, спасибо жене начпоезда.

Рядом со старым, замаранным исправлениями до нечитаемости письмом легло новое. Красивое, с ровными буквами, не пытающимися горбиться и таиться. Береника несколько раз погладила подушечками пальцев самые важные строчки, где указывалось на опыт дяди Миши и на его умение организовать работу. Ей показалось, что теперь строчки стали выглядеть притягательнее, на них взгляд задерживается сам.

– Хорошо я придумала, – похвалила себя Береника. – И дед именно так бы хотел написать. Он правду любит, просто осерчал. Надо было мне самой табак ему отдать, а так – у Короля из рук взял и снова нашел повод для обиды.

Вписанными внизу строчками, последними, девочка гордилась особенно.

«Один я себя не жалею ради блага страны. Готов с любым начальником работать, даже и худшим, лишь бы делу в пользу шло. Иные же боятся отеческой опеки нашего Михаила Семеновича лишиться, посему молчат и тем в могилу его сгоняют, как разбойники».

Дед однажды сказал именно эти слова, и она запомнила. Памятьливость ее очень кстати нынче пришлась.

Потренировавшись на обороте старого листочка, Береника поставила дедову подпись на новом. Внесла сегодняшнюю дату – а вдруг маг проверит? Нельзя лгать о времени составления бумаги, это выявляется сразу. Оттого ей и приходилось за деда составлять отчеты. Одну лишь незнакомую руку маг от искомой не отличит без дополнительных образцов писем, а вот время любой из них крепко чувствует, это всем ведомо. Подсохшее письмо девочка сложила точно так, как было сложено предыдущее. Сунула в конверт, повозилась, восстанавливая печать. На мгновение взвесила итог двух с лишним часов труда на ладони и зажмурилась от удовольствия. Хорошее письмо, теплое. Полезное. Правда, в душе скребется новая странная тревога. Король не раз повторял, что нельзя толкнуть камень под горку и надеяться, что он не увлечет с собой еще несколько. И нельзя заранее понять, каков окажется итог их движения. Но сделанного уже не изменить, камень она толкнула сознательно и сильно. Даже голова ноет от напряжения.

Береника вложила письмо в тетрадку, убрала ее на место и спрятала чернильницу. Еще раз осмотрелась, убеждаясь, что вещи лежат там, где им и следует. Вроде все хорошо и правильно, ничего она не переместила и никто не догадается о ее ночном деле. Осталось последнее. Открыть заслонку печурки и подарить огню исписанный ложью листок. Заодно можно добавить совочек угля.

Потирая озябшие колени и позевывая, Береника стащила телогрейку, положила на постель в ноги, приподняла край одеяла и ловко юркнула в тепло, к Сане под бок. Уже засыпая, девочка подумала, что с самого утра начнет учиться опознавать удачу не на ощупь, а с открытыми глазами, чтобы понимать последствия обвала, толкая первый камень. Потому что удержаться и не толкнуть однажды снова может не получиться.

Глава 2

Маг удачи

*Хорошим людям везет редко. Деликатность мешает им крепко
вцепиться удаче в хвост. Между тем пара помятых перьев еще никому
не испортила жизни.*

Леопольда Мильс, вдовствующая баронесса

Тягучий и длинный, резковатый, распугивающий звуки весны голос рожка сигнальщика прокатился вдоль путей. Повторился снова и снова. Значит, пора сворачивать работы: скоро время, выделенное под малый спешный ремонт, истечет. На подходе поезд. Весной движение, как и сама жизнь, оживляется.

Влажный ветерок пахнет теплом и клейкой листовенной зеленью. Он ласковый, он бережно расчесывает волнистые облака, укладывает их пряди волосинка к волосинке. Белые, легкие, не то что зимой. И плывут они над путями иначе, скользят легкими полутеньями, играют в салки с солнышком. А оно, северное, впервые рискнувшее выбраться высоко на чистую и лишенную льда воду небесного озера, сияет и смеется. Греет крышу вагона. Благодарь.

Я прикрыла глаза и вдохнула весну всей грудью. Хорошо... Звук рожка погас. Птицы выждали чуток и заголосили снова, наверстывая упущенное. Лес шевельнулся, дрогнул короткими листьями дивного молодого цвета, переливчатыми и глянцевыми, незнакомыми с пылью. Я ощущала лес кожей, а еще неведомым и живущим лишь в воображении способом. Слушала, как корни пьют влагу и питают зелень, как трава протискивается сквозь почву и прокалывает последние корки грязного льда в низинках, крошит его. Такая слабая, а одолевает, потому что упрямая и настойчивая. Это качество, достойное уважения. Мерзнет, жухнет, гнется – а воюет с самой зимой, величайшим страхом севера...

– Эй, папкина баловница, слезай! – крикнула мама Лена снизу, от путей. – Ишь манеру взяла на небо глядеть. Средь бела дня, когда и без лучины видать, что дел невпроворот. Пол грязный, штопка сама собой не делается, вязка тоже.

– Извини, мам. Спускаюсь.

И правда неловко: как это я ее одну оставила? Знаю ведь, что переживает. Вот-вот пойдет скорый, ей надо своих пересчитать и убедиться, что целы все и не на путях. Закроет нас с Саней и прочую детвору пятого вагона в этом самом вагоне, положит лестницу поперек широкой двери, чтоб не вывалились детишки, и начнет высматривать отца. За Короля она еще сильнее боится, я знаю. Потому что все говорят: проклятые Вдовой долго не живут, а шрам на папиной руке широк и темен...

Добежав до начала вагона, я быстро спустилась с крыши и юркнула в дом. Помогла маме поднять нашу лестницу-сходни, положить поперек, превращая в загородку. Вот мы и готовы к отправлению поезда. Саня тотчас просунул ноги между перекладинами лестницы и уселся на полу, глядя из вагона на лес и край насыпи. Мама встала рядом, еще раз глазами пересчитала нас, ребятню, – все семь душ пятого вагона здесь, целы. И гость вагона, Олег, тоже вот он.

– Да где же мой Колька? – предсказуемо расстроилась мама. – Три плети рельсов меняли и времени нам дали всего-то ничего, а ну как не успеваем! Ну что мы, единственный ремпоезд? Почему моему Кольке достается хуже всех? Вон восьмой ремсостав только и чинит глухие боковые ветки. Там если один поезд в неделю пройдет – уже много. А у нас строгое расписание, сетевой график маршрутный. Семенович-то еще утром сказал: подушку подмыло, отсыпка требуется. Трамбовка, подбивка...

Мама торопливо бормотала умные слова, много значащие для инженера, но для нее – лишь описывающие тяжелый и долгий труд отца и его людей. Бригада относительно небольшая, а дело спешное. Вдалеке, от начала ремонтного участка, усиливая подозрения, гудел по рельсам звук торопливо забиваемых костылей.

Из-за спины, от дальнего поворота, зычно взревел, обозначая себя, скорый поезд. Молотки застучали еще быстрее – и стихли. Саня поболтал ногами, прислушиваясь, кивнул и авторитетно заявил:

– «Зеленая стрела» идет. Лучший паровоз северной магистрали. Пятиосный, рекордный скоростник среди пассажирских, к тому же отменно тяговит. Дед Корней мне объяснил, что лучше этого только столичные, из дворцового депо. Или уж рекордисты Самого, но те и вовсе чудо...

Паровоз фыркнул совсем рядом, сбрасывая излишек давления пара и замедляя ход. Его машинист, само собой, знал про ремонтный участок. У нас ведь как? Порядок на путях налажен, все надежно. На любой станции записку передают, новости доводят до сведения машиниста. Для того имеется самое простое средство, надежное и не требующее остановки. Кольцо из ивового прута согнут, на нем бумагу закрепят – и держат как следует. Помощник машиниста спускается пониже, вывешивается вбок и ловит кольцо на руку. Очень умная система. Так что про наш ремонт знают.

Скоро тяжелый локомотив поравнялся с ремонтным поездом, и рельсы стали пружинить так, что вагон задрожал, покачиваясь. Мать снова выглянула наружу, беспокойно теребя свободной рукой ворот кофты. Я, поддавшись ее настроению, прикрыла глаза и стала изучать удачу. За зиму я этому неплохо научилась, даже отец похвалил, когда все объяснила.

Удача – она похожа на живой узор облачных теней, что бежит вместе со своим особым ветерком, меняется ежесекундно, сплетается и рассыпается. Порой бывают пасмурные дни и темные места, напоенные извечной тенью. Но куда чаще «погода» везения близ рельсовых путей ровная. Свет и тень чередуются, мелькают и движутся. Сегодня вовсе занято. Место хорошее, ясное, теней почти что нет, не дует тревожный ветер, не гонит темных облаков. Это я ощутила точно и обрадовалась, что сегодня не случится ничего плохого. Зато можно ждать странных и светлых новостей.

– Все хорошо, мам, – вслух подтвердила я.

– Вот и ладно, – сразу поверила мама.

До сих пор не знаю, что сказал ей отец о моем везении и моих способностях, но, кажется, немало: она в меня верит. Успокоилась, улыбнулась и пошла собирать на стол.

Наш старенький паровоз – путевские дети прозвали его «Букашкой», «Букашем», и имя прижилось, поскольку в обозначении серии есть буквы «Б» и «У», – вздохнул, сердито загудел вслед «Зеленой стреле», такой несолидной, шумной и поспешной, разбудившей его, пожилого, степенного и работающего. Мне он всегда казался очень похожим на своего машиниста, деда Корнея. Свистит, сердится, пыхтит на подъемах-тягунах, ругается и нудно стучит... А на деле – толковый, беззлобный и надежный. Только очень уж уязвляет его то, что есть в мире иные локомотивы... и, хуже того, дирижабли.

Неделю назад дед сидел весь день у Михаила Семеновича. С ужасом слушал про самобеглую коляску, прозванную с недавних пор по-новому, автомобилем. Ей, оказывается, рельсы не нужны! Она даже по столичным улицам ходит. У правительницы недавно появился свой гараж...

Дед сокрушался целый вечер, сетуя, что придуманное новшество чересчур опасно, дымно и вредно. А в глазах читался страх: вдруг паровозы, которым принадлежит вся его душа, однажды окажутся забыты ради нового чуда техники? Даже папа пожалел деда, сразу и полностью согласился с тем, что самобеглые коляски вредны, у них нет будущего. Но я-то вижу по глазам, что думает он иначе.

«Букаш» загудел повторно, короткими резкими звуками собирая к вагонам своих припозднившихся пассажиров. Лязгнула сцепка. Саня на правах внука машиниста гордо сообщил всей детворе:

– Славно тронулись, без всякого толчка. Дед – мастер!

Паровоз в последний раз оповестил окрестности о своем отбытии. В бестолковом третьем вагоне заголосили буйно и не вполне трезво, наспех считая детей и взрослых, зазывая пропавших. Им шумели в ответ соседи, сообщая, что Толька гостит в восьмом, а Петр – в четвертом... Колеса считали стыки рельсов все бодрее, легкий ветерок шевельнул мамины рыжие волосы, яркие, похожие на завитые в пружинки солнечные лучи. Я в очередной раз подумала, какая же мама красивая и складная. Она подошла, встала за моей спиной, теперь еще и погладила по голове. Сразу стало тепло на душе и радостно... А еще в сиянии ее волос странным образом копится небольшая и весьма уютная домашняя удача. Может, оттого и борщ у нас неизменно вкусный, и пельмени несравненные, и даже самая простая каша съедается без остатка и с аппетитом. Не от голода – а в удовольствии. Мама в любое дело душу вкладывает.

– Ну где этого паразита носит? – заново растревожилась она. – Мы уже ход набрали. Все тут, обед стынет.

По крыше вагона застучали сапоги, вымеряя ее от хвостовой сцепки к нашей двери. Мама фыркнула, пряча за показным возмущением радость:

– Все не как у людей! Хуже мальчишки по вагонам прыгает. Саня, иди ко мне. Он ведь и вниз сигануть способен, не думая и не глядя.

Брат послушно юркнул маме под руку. Вовремя – с крыши и правда прямо на ступеньки свалился отец. Он ловко перехватил поручни, качнулся вверх и сел на нашу лестницу, щурясь от сдерживаемого смеха. Мама и правда ругалась занятно. Раз пять обозвала любимым словом «паразит», потом припомнила «чертеняку». Дальше пошли бабушкины обороты с южным выговором – бисово отродье, вимпирь... Сама я бабушку не застала, но знаю, что дед Корней увез ее из села, стоящего неподалеку от южной ветки путей. И мама Лена, кажется, куда больше унаследовала от своей южной родни – яростный характер, неспособность копить обиды и столь опасную для женской части населения поезда готовность каждую минуту дать бой по самому малому поводу.

Выговорившись, мама вцепилась отцу в волосы и сделала вид, что хочет выдрать изрядный клочок. А потом рассмеялась, довольная смирением Короля, нагнувшего голову для удобства «трепки».

– Устал?

– Лен, да не с чего, – отмахнулся он. – Три плети, ребята все сделали быстро, на одном дыхании. Семенович сказал, телеграмма пришла. Нас спешно переводят на северо-западную ветку. Там большая стройка, вот где будем уставать. Нужно подсобить, а мы самые ближние к дуговой связке путей. А пока дней восемь отдыха.

Король сунул руку во внутренний карман куртки и извлек небольшой жестяной футляр. Бережно перевернул, извлекая с десятков слабых стебельков подснежника с мелкими, едва наметившимися бутонами цветков. Понятно – искал в лесу и едва успел запрыгнуть на площадку хвостового вагона. Футляром, а точнее, банкой тотчас завладел Саня. Еще бы! Целое состояние: узорная, со сложной выпуклой чеканкой, с золотой краской контура рисунка. Нач-поезда хранит чай в очень похожей банке. О ней знают и мечтают все мальчишки...

– Откуда? – Восторгу брата не было предела.

– Из «Зеленой стрелы» кто-то выбросил, – улыбнулся Король, подталкивая детей в спины и двигая всю семью в сторону вкусно пахнущего обеда. – Для богатых детей, Саня, это не сокровище, а мусор.

– Ну и дураки, – немедленно постановил Саня. – Жаль, крышку они зажулили.

– Деда попроси, новую соорудит, – посоветовал Король. – Корней – мужик рукастый.

Он сел, как и полагается, во главе стола и принялся жадно следить, как мама разливает темный, жирный борщ по тарелкам. Принюхался и уточнил, по южному ли рецепту изготовлен, на старом сале? Довольно кивнул, принимая свою порцию. А в глазах такие искры бегают – аж страшно. Я его знаю: сейчас еще что-то учудит. И буду я одна хозяйствовать до самой ночи...

– Лена, – строгим тоном позвал отец, вычистивший тарелку в две минуты, – у нас на сегодня намечено важное дело.

Мама, которая его повадку знает много лучше моего, фыркнула, искоса глянула на бледно-зеленые подснежники в маленькой кружечке, неопределенно дернула плечом, не высказав вслух никаких возражений или ехидных замечаний. Отец довольно кивнул.

– Надо сходить на склад и учесть осветительное масло, – предложил он повод, мало отличающийся от обычных в таких случаях.

– До трех не сочтешь без подмоги? – ядовито посочувствовала мама.

Она, как и я, знала: емкостей с маслом ровно три... Одна пустая, вторая ополовинена. Не далее как вчера я писала отчет для дяди Михея. Отец задумчиво нахмурился и исподлобья глянул на маму.

– Так весна, день еще короток, света мало, угар велик, – важно предположил он, сдерживая улыбку.

– Ну разве что угар... – задумалась она, накручивая витую рыжую прядь на палец. – У тебя или у масла? А, велика ли разница! Пошли учитывать, пока ты не нашел еще каких добровольных помощников. Ренка, дом и детвора на тебе.

– Понятно, – отозвалась я.

Не особенно сложное дело – привести в порядок посуду и весь вагон. Как только родители ушли, я запустила в наш закут приятелей Сани. Брат выставил на стол кастрюлю с остатками борща, разлил всем поровну. Васек, сын Михея, сбегал и принес кашу, Лёня добавил хлеб – и так далее. Не знаю, успели ли родители добраться до склада, а у нас уже вовсю шумел праздник. В середине стола стояла великолепная банка, и пацаны, не отрываясь, смотрели на нее. Советовали Сане наперебой, чем можно заполнить столь красивое вместительное для детских сокровищ.

Я напекла им картофельных драников, потом вскипятила воду и засыпала в запарник горсть сухого, звонкого шиповника, залила его. Пусть радуются. К тому же Саня – он такой же непредсказуемый, как и отец. Может вот прямо сейчас учудить на правах хозяина дома и богатого владельца сокровища такое, что практичный дед только охнет...

Горка драников в миске быстро таяла. Ели обжигаясь и не дожидаясь, пока печево остынет. Так вкуснее. Мой любимый брат щурился, явно копируя папу. Все чаще посматривал на Олега, самого маленького и шуплого за столом, – тот на полгода младше брата, в зиму болел и вовсе ослаб, только теперь начал поправляться. Мама Лена его подкармливает. Обитает Олег в восьмом вагоне, родителей у него нет, только дед и бабушка, зато не слишком старенькие. Наша жизнь – она особенная. Удачи и неудачи у нас куда контрастнее, чем вне полотна рельсовых путей. Папа Олега был неплохим подбойщиком. Еще ему, ловкому и крепкому, доверяли вышибать клин, запирающий снизу бункер с песком или щебнем для отсыпки. Всегда успевал отпрыгнуть. А вот по осени – опоздал... Олегова мама непохожа на мою, она не стала ни убиваться, ни беречь родного дитя. Просто ушла в новую семью, в другой ремпоезд. Бывает и так.

– Олег, – молвил мой безнадежный брат важно, точно как папа недавно. – Я дарю тебе банку. Это честно. Ты мне меч из палки выстругал, а я ничем не оплатил. Ты стругаешь лучше всех, у тебя рука крепкая, уверенная. Банка мировецкая, не для пустяков. Вот и храни

в ней инструмент: ножик, точило и прочее, что для работы важно. Крышку нам дед Корней соорудит.

Что я говорила? Вот вам и весь Саня, каков он есть. А попробуй они отнять эту дурацкую банку у него всем скопом – защищать станет до последнего и умрет, но не отдаст. Как же, младший Король! Драться его, надо признать, папа учит с настоящим азартом. Восьмой год Сане пошел, а до чего же взрослый мальчишка, не зря в нашей вагонной ватаге младших пацанов верховодить умудряется. И не по злости или хитрости, скорее по уму и этой странно-притягательной щедрости души...

– Саня, вы посуду уберете? – спросила я, хотя ответ знала.

– Само собой, – обрадовался брат. – Иди гляди на облака.

Он меня тоже неплохо знает, но на сей раз ошибся. Я собрала отложенные в сторонку драмики, хлеб, поплотнее укутала порцию каши, разместила ее на дне корзинки. Надо проведать деда. Раз нас срочно переводят на запад, он будет до ночи бессменно гнать «Букашку». Наш паровоз не особенно скоростной, его выпускают на главный путь только тогда, когда есть свободные «окна» в графике. И, раз мы снялись с места так внезапно, то теперь пытаемся всеми силами не отстать чересчур быстро от «Зеленой стрелы». Может, до ночи продержимся, а если повезет, то и до утра. Впереди большая станция, пассажирский состав там остановится и потеряет время, а мы – нет.

Все знают: лучшие в мире паровозы делают у нас стране. Когда полвека назад в других странах о железной дороге для дальних перевозок и знать не знали, у нас она уже существовала. Мне отец рассказывал. Порой я полагаю, он вообще знает обо всем на свете, только усердно делает вид, что забыл большую часть сведений. А может, и правда забыл... Проклятие Вдовы – штука непонятная, жуткая. Недавно я подкралась к Королю, пока он спал, и без спешки изучила шрам на ладони. Черный он для чутья. Такой черный, словно тянет на себя все невезение мира, а удачу выпивает и отдает рельсам. И бежит она по правому пути в столицу. Как вода бежит, споро и ровно, с «холма» везения – в темную «низину» дворца. Папа проснулся, застал меня за размышлениями, и пришлось во всем признаться. Он выслушал и согласился, что, может, Вдова силу берет из светлой удачи. Больше ничего не сказал. Зато про рельсы изложил все подробно: что строить их начали семьдесят лет назад, еще под конную тягу, что было это в первые десятилетия власти Вдовы и что маршрут для магистралей выбирали не купцы и не инженеры, а только маги удачи!

Смотрели, как правильнее разрезать страну на уделы, чтобы каждый стал застойным озерком. А рельсы, такие прямые и острые, взрезали нетронутый наш край и изменили течение энергии, направив ее нужным образом. Светлая, как мне кажется, течет к столице. Темная волнами бежит оттуда к нашим границам. В любом малом или большом конфликте, с оружием или без, соседям нашей Ликры фатально не везет, вязнут их войска в паутине удачи... Конечно, это не самые точные сведения. Мы ведь не из полиции и газет их получаем, а сами вылавливаем из слухов и разговоров, такова жизнь в ремпоезде, столица от нас далеко.

Занятая своими мыслями, я выбралась в тамбур. Осторожно открыла дверь соседнего вагона и шагнула туда, в полумрак возле лестницы. Не глядя шагнула: я ведь деду обед несу, руки заняты. А смотреть надо было. Думаете, так просто в нашем поезде быть дочкой Короля? Особенно если твоя мама регулярно и с неизменным успехом бьет всех баб, рискнувших хоть разок покоситься в папину сторону...

– Та-ак, вот и она, Королевна чумазая, – пропела Алеся. – Гляньте, губку закусила, носик воротит, мы ей не пара. И то правда, мы тут родились и выросли.

– Гы, ее-то на путях нашли, – хихикнула вечная потатчица Алеси, рыхлая и неопрятная деваха из десятого вагона. – Ей мозги отморозило в зиму.

– Точно, – охотно подхватила тему Алеся. – Иначе знала бы: на пути только гулявые бабы детей подбрасывают. Которые за деньги...

В глазах у меня стало темно. Совсем темно, по-настоящему. Я с ужасом поняла, что готова их обеих просто убить. Прямо здесь. Но должна пройти мимо и отнести деду его обед. Машинисту сейчас тяжело как никому. Котел давно выведен за предел нагрузки, жара адская. Только успевают следить за водомерным стеклом, чтобы не упустить уровень и не загубить машину. Наверняка и уголь кидают два кочегара – один стоит на подаче, второй собственно на площадке перед топкой. Нельзя мне тут время терять.

– Аленька, душечка, – ласково улыбнулась я, стараясь не скалиться и не шипеть. – Подожди, пока я деду обед отнесу, дело-то важное, сама понимаешь. А потом мы про мою маму все толком выясним. Ты уж не уходи.

Обе дуры захихикали и пообещали, что дождутся меня. Ну не знаю... Я бы на их месте давно уже шлепала подметками в свой десятый. Меня-то что бояться. А вот если узнает ненароком мама Лена...

Я прошла вагон насквозь и миновала второй тамбур. Вежливо постучавшись и позвонив в звонок, шагнула в седьмой вагон – в прошлый раз на большой станции его переместили сюда по распоряжению деда: чуть подалее от паровоза, чтобы потише и воздух почище. Это ведь вагон начпоезда. После отправки того злополучного письма про болезнь дяди Миши и его бесполезность Корней места себе не находит. Как отдал конверт, так и принялся себя грызть. Смотреть страшно. Я сколько раз порывалась сознаться, что текст переделала, но все не решаюсь. Мало ли что из моей запоздалой откровенности выйдет?

– Здравствуй, Береника. Корнею Семеновичу обед собрала? – Начпоезда открыл дверь купе-кабинета и улыбнулся мне, тихонько, чтобы никому не помешать, крадущейся мимо.

– Здравствуйте. Именно так, дедушке.

– Оставь моему помощнику. Детям сейчас не место на паровозе: спешим мы, сама понимаешь.

– Он сразу отнесет?

– Обещая, – по-свойски подмигнул мне дядя Миша. – Приходи опять, когда станцию мируем. Расскажу, как там дед и в целом куда движемся. Опять же есть у меня к тебе небольшое дельце.

Я кивнула, передала корзинку с припасами и пошла в хвост вагона, щупая в кармане свинчатку. Ее где-то раздобыл Саня и подарил мне. Он всегда полагал, что это очень полезная вещь, особенно для тощей пигалицы, не умеющей по-настоящему за себя постоять. Не так уж и ошибался, как выясняется. Ну не любят меня наши девочки. А точнее – бабы малолетние. Такой уж поезд собрался: пацаны – прекрасные, я с ними в войнушку играю, в магов и воров, в лапту. А с девчонками накоротко, до настоящей дружбы, не схожусь. Как шутит папа, знающий и это, я просто не люблю лузгать семечки. И плевать на чистый пол не обучена.

Они никуда не ушли. Ни Алеся, которая меня на полгода старше, ни ее тупая подружка Тоня, корова неполных пятнадцати лет. Обе ждали, занимаясь тем самым важным бабским делом – сплевывая шелуху семечек на пол. «Интересно, что на них вдруг накатило?» – мельком подумала я. Прежде до таких непростительных слов не доходило. Я вообще понятия не имела до сего дня, что могу захотеть кого-то убить.

– Пришла дослушать про свою дешевую мамашу? – уточнила Алеся.

Разговаривать с ней я не стала. Их двое, и они сильнее, все равно мне быть битой, тут дело не в удаче. Но хоть раз заехать ей, чтоб гнусью своих слов подавилась! Видимо, что-то у меня в лице было такое... необычное. Алеся смолкла и вроде бы даже заколебалась. Я же шла не останавливаясь, совершенно деревянным шагом и выпрямила сжатую в кулак руку

точно таким способом, как отец показывал Сане. Сперва левой махнула повыше, а потом правой – вниз, под ребра. Получилось хуже некуда, она все угадала. Но не все успела.

Потому что мир слегка изменился и тени удачи-неудачи поплыли прямо у меня перед открытыми глазами. Это оказалось восхитительно удобно! Алеся шагнула левее, тень накрыла ее бок, и я успела достать его. Потом, следуя светлому островку везения, резко сжавшемуся, метнувшемуся вперед и вправо, я прыгнула к стене и скользнула вдоль нее. Крепкий короткий хруст древесины, проколотой шилом, – вот и все успехи здоровенной коровы, подруги Алеси. Пока что так...

Рука Тони задержалась, норовя вытащить завязшее в доске жало. Тень накрыла ее лицо. И я, следуя новому движению света удачи, вцепилась обеими руками в толстенные косы и рванула их вниз, к своему колену.

Оклемавшаяся Алеся уже висела у меня на плечах и старалась смять, стащить вниз, на пол. Снова я заметила светлый кусочек пола и шагнула туда. Развернулась, ударила эту дуреху в спину. Видимо, сильно. Стало тихо. Тоня всхлипывала, больше не пытаюсь меня лупить.

– Еще раз шило увижу – точно убью, – пообещала я, все еще не осознавая до конца, что говорю и что делаю. – Да, я приبلудная и не тут выросла. Но я Королевна, сами сказали. И вам придется с этим смириться.

Дверь вагона резко открылась, на пороге стоял Васька, сын Михея, – старший хулиган из Саниной команды. Ему уже девять. Просто стоял и смотрел, улыбаясь очень нехорошо и всем своим видом давая понять, что видел и слышал он достаточно. Жаловаться старшим, в чем-то обвиняя меня, бесполезно. Хотя и без того только окончательная дура стала бы вмешивать в дело Лену или Короля!

Мелькание света и тени перед глазами утихло. Мир снова выглядел обычным, вполне нормальным. Дышалось тяжело, на вдохе донимала тупая боль. Похоже, одна из моих обидчиц все же достала кулаком. Почему-то ныло ухо. Я заинтересованно ощупала его, едва покинув чужой вагон и ступив в свой. Кровь...

– Занозы, – коротко пояснил Васька. – Ты щекой по доске проехала неудачно, умыться надо.

Я молча кивнула. Сил не осталось. Запоздалый страх донимал дрожью и душил слезами. В коридор выглянул Саня, проволоком по полу отцову запасную куртку, сунул в руки и, обняв меня за пояс, повел домой. Сам он при этом сиял так, будто лично одолел всех врагов и заслужил великую награду...

– Ты целиком в маму, – сообщил брат, усадив на кровать, усердно и неумело кутая мои ноги в одеяло и поправляя куртку на плечах.

Прозвучало, смешно сказать, очень здорово. Страх куда-то уполз и там затаился, теперь меня колотило от хохота. Я похожа на маму Лену! Я, такая тихоня, вечно считающая облака, – на неродную по крови маму, первую красавицу в поезде и вообще, наверное, в целом свете. И почему похожа? Потому что у меня здоровенная царапина на щеке, а у этих дурех синяки будут и того цветастее.

Саня мое веселье воспринял спокойно, напоил теплым шиповником, вынудил лечь на высокую горку из всех наших подушек и даже уложил на лоб здоровенное мокрое полотенце. Точно так делали, когда в зиму болел Васек, – брат заметил это и отнес к числу полезных и целебных действий.

Мне и правда помогло. Щека потихоньку перестала болеть, прохладная ткань ей понравилась. Мысли в холодке тоже пришли в относительный порядок. Я прикрыла глаза и попыталась осознать, как это вышло, что я видела удачу ясно и совершенно отчетливо! Вывернулась из-под удара шила. А могла теперь лежать там, в темном тамбуре, истекая кровью... Если бы они вообще оставили меня в поезде! От последней догадки холодок ужаса пополз за

шиворот капель влаги. Намекали ведь, что я пришла и не здесь родилась. Неужели готовы были извести совсем?

– За что они так? – вслух удивилась я.

– Так ясно: за Петьку, – рассудительно сообщил Вася, наполнив чайник водой и заново ставя его на огонь. – Тоня с ним женихается, прямо подкарауливает. А Петр сказал, что любая другая была бы ему интереснее. Вот хоть малявка Ренка.

– Кому сказал? – уточнила я, чувствуя себя окончательно глупой.

– А кто его знает, – раздумчиво почесал затылок Вася. – Все так говорят.

Я закрыла глаза и ни о чем не стала спрашивать. Дожили... Девятилетний Вася и мой брат неполных восьми понимают в жизни поезда куда больше, чем я. Значит, Алеся в чем-то была права: я тут чужая. Обитаю в вагоне, работаю как все, одеваюсь как все, смотрю на те же деревья и облака... Впрочем, кто на них еще глядит? Люди редко поднимают голову от привычного: шпал, рельсов, молотков, тарелки с обедом... Петя вот, оказывается, что-то углядел во мне. Видимо, то, что мне, дурехе, скоро четырнадцать. А мама вышла за папу в шестнадцать с небольшим. Моя мама Лена в тот год была старше меня нынешней всего на пару лет...

Додумавшись до такого, я села в постели и ошалело огляделась по сторонам. Хихикнула глупо и жалобно. Так мама-то встретила кого? Короля! Подобный один на всей земле. Их судьба свела, которая выше любой удачи, это папа правильно сказал.

Мне в голову прежде не приходило, что где-то за горизонтом, на одной из шпал бесконечного рельсового пути, сидит и моя судьба. Неопознанная. Между прочим, рассмотреть ее непросто. Я ведь знаю, что, когда отец попал в поезд, он был худ, болен и изможден. Мама так и рассказывала: «Черный, изломанный и страшный, как чертенька после встречи с кодлой подвыпивших ангелов». Вера в Бога у мамы странная. Точнее, никакая. Она полагает, что достаточно быть хорошим человеком, а уж есть рай или нет – это забота высших сил, коли они имеются. Если нет – ей и без их сомнительной и малозаметной опеки на свете не холодно и не скучно.

Зажмурившись поплотнее, я попробовала представить свою судьбу с конопатым, широким лицом Петра. Замотала головой. Спросили бы нормально, я бы сама им этого жениха уступила. Он привязывает к поезду с его худшими обычаями навсегда, лишая настоящей судьбы вернее, чем черный шрам на руке Короля.

Не знаю, сколько бы я еще лежала и думала ни о чем, но паровоз свистнул и сбавил ход, минуя станцию. Я вспомнила данное дяде Мише обещание вернуться ближе к вечеру, выслушать про деда и заодно решить некое дельце. Пришлось встать и приводить себя в порядок. Саня выслушал, важно кивнул и непререкаемым тоном законного сына Короля заявил, что он меня проводит. «Дожили!» – второй раз за день пожаловалась я самой себе. Защитник сестры готов к бою...

Истратив несколько минут на попытки его переубедить, я сдалась. А то поспорю еще чуток – и сопровождать меня станут всей малолетней бандой, тайно. То есть ползком по крышам вагонов, с перочинными ножами и даже, возможно, деревянными мечами. Мама сказала, что я отвечаю за пацанов и никаких опасных шалостей быть не должно, а что может быть хуже ползанья по крышам на полном ходу поезда?

– Хорошо, – сдалась я, и Саня гордо подбоченился. – Ты идешь со мной. Твоя дикая вольница, вся до последнего негодника, немедленно начинает мыть полы и гонять пыль со столов.

– Годится, – согласился победитель.

– Меч оставишь дома, вымоешь уши, наденешь новую рубашку, перочинный ножик сдашь на хранение Олегу.

– Ты зверски строгая, – уважительно посмотрел на меня Саня и пошел мыть уши.

Я тоже переделалась поприличнее, завязала ленточку на волосах низко, чтобы пряди легли свободнее, прикрыли уши и ссадину на щеке – хотя бы частично. Мы пошли в седьмой вагон такие умильно-аккуратные, что Вася с Олегом долго и бессовестно ржали вслед на два голоса, советуя совершить что-то окончательно позорное. Например, привязать Саньке бантик на его роскошные кудри темной бронзы, чтоб «совсем девчонкой стал».

– Вернусь – я им покажу девчонку, – заверил брат, сжимая кулак и грозя им через плечо, не оборачиваясь. – Рена, а дядя Миша ничего из математики у нас спрашивать не будет?

«Свои страхи есть у каждого», – подумала я, перебираясь по узкому, разорванному надвое мостику над вагонной сцепкой. Подала руку брату, он презрительно фыркнул, но помощь принял. «Букаш» снова набрал ход, так что кидало изрядно. Эту часть путей мы должны были ремонтировать до середины лета. И, как я понимаю, состояние действительно плохое, ровность никудышная. Здесь немало болотистых участков, насыпь подмывает чуть не каждый год. Но, вопреки столь очевидным делам, нас спешно гонят куда-то вдаль, на запад. Может, там авария? За все время моей жизни в ремонтном составе ничего похожего ни разу не происходило, но дед Корней аварий помнил немало и порой рассказывал о них Сане. Про сошедшие с рельсов вагоны, про пожары, размытые пути и даже жуткие столкновения. . .

Мы без приключений, никого не встретив, добрались до седьмого вагона. Вообще, его полный номер 12407РС, нумерация единая для всего парка страны, но мы используем в разговоре лишь последние две цифры, этого достаточно. Сейчас «семерка» прицеплена третьей от тендера. Перед ней «двушка» – место и номер совпадают. А перед «двушкой» – двенадцатый, там комнатки отдыха деда Корнея и его помощника, койки для сменных кочегаров и жилище мастера-ремонтника.

Дядя Миша ждал нас в том же купе-кабинете, где я застала его утром. На большом столе лежала карта, немедленно поглотившая все внимание Сани. Она затмила собой даже знаменитую банку с чаем! И сам чай, приготовленный для нас в шикарных стеклянных стаканах, угнездившихся в начищенных серебряных подстаканниках. Брат чуть не смахнул всю красоту, глядя карту пальцами. Он проследил магистральный северный путь до самого моря – холодного и потому, наверное, не синего, а серого, постучал пальцем по точке с меткой-флажком, вопросительно глянул на начпоезда и смутился, виновато дернув плечом:

– Здравствуйте, дядя Миша. Простите, я засмотрелся.

– Садись, гляди, мне не жалко, – улыбнулся Михаил Семенович. – Ты все верно рассмотрел. Это наше нынешнее место. Отправить нас утром хотели во-он туда, аж на край этой карты. Десять дней пути, мы ведь должны всем скоростным поездам уступать дорогу.

– Зато именно мы ее делаем, эту дорогу, – утешил начпоезда мой брат. – А как там дед?

– Пока неплохо, – задумчиво кивнул Михаил Семенович. – Рена, как только домой вернешься, отправь ко мне папу. Видишь, какое дело: на станции нам передали новый приказ. Не просто идем до ближней дуги и по ней к западу, а срочно, полным ходом. Самым полным! Нам не позднее утра выделяют второй паровоз, чтобы состав подтолкнуть. Король, как я понимаю, все Корнеевы премудрости усвоил. Пусть подменит старика в ночь. Отдыха машинисту не видать: не будет у нас длительных остановок теперь очень и очень долго, только для набора воды.

Начпоезда стал неспешно сворачивать карту, бережно сгибая по складкам бесполезную для нас часть – север, море, затем пролегающий за путями восток со всеми его болотами. Саня помогал. Теперь он уже освоился и рассмотрел стакан в подстаканнике. Прозрачный! Блестящая маленькая ложечка звенела по его краю, а под доньшком подстаканника имелись гнездо в столе и специальный захват, чтобы тряские пути не сдвинули сокровище к краю, помогая темной удаче толкнуть на пол и разбить. . .

– И крышечка мировецкая, – вздохнул брат, это он уже про банку с чаем. И ее рассмотрел!

– Да, достойная вещь. – Глаза начпоезда явно смеялись, но лицо оставалось серьезным. – Одна беда, друг. Пустая банка-то... Выпил я весь чай.

– А вы шиповник в нее положите, – посоветовал брат.

– А я тебе ее подарю. – Начпоезда щедрым жестом выставил убранную было банку на стол. – Ты и решай, что в ней хранить. Пойди в соседнее купе и обсуди эту важную тему с моим помощником. Кажется, у него есть шиповник. стакан твой тебя дождется, я потом в него нового чая налью, горячего. Ладно?

Саня не сразу поверил, что в этот день его личная детская удача может быть так светла и густа. Две банки! И одна другой краше... Торопливо кивнув и невнятно бормоча длинную благодарность, он сполз с высокого сиденья и пошел себе, держа банку высоко, обеими руками. Мне пришлось открыть перед ним дверь, чтобы не расшиб лоб. И закрыть – тоже.

Устроившись у стола, я попробовала наконец чай. Замечательный, крепкий и сладкий, с медом. Начпоезда тоже отхлебнул из своего стакана. Вздохнул и начал излагать дело:

– Береника, ты, наверное, знаешь, что у меня есть дочка, почти что твоя ровесница?

– Слышала. Ее зовут Тамара, ей пятнадцать с половиной, учится где-то далеко отсюда.

– Именно так, уже три года учится, а до того жила в доме моей сестры. Я поговорил с твоим папой. Мы вместе решили, что тебе было бы хорошо в той школе и что Томочке нужна подруга. Видишь ли, она тихая, болеет часто. Мы с женой боимся, как бы ее не обидел там кто.

Дядя Миша замолчал. Я тоже молчала. Странное это состояние... Все по-прежнему: и поезд наш стучит по стыкам рельсов, как обычно, «Букашка» старается вовсю, я знаю каждый звук и шорох состава. А вот сижу и понимаю, что мир, мой личный мир, уже меняется. Поезд идет по прямой, но моя судьба отыскала папиными усилиями стрелку и удаляется от знакомых путей, от привычных людей, от всей нашей семьи...

– Расстроилась? – Дядя Миша заметил мои сомнения.

– Нет, – призналась я. – Наоборот! Учиться – это хорошо. Просто я задумалась. Неожиданная перемена, и немалая.

– Школа у Томочки хорошая, – заверил начпоезда. – Она в небольшом городе, близ юго-западной ветки путей. Если ты согласна, мы отправим тебя туда, как только закончится эта внезапная гонка. Кажется, случилась большая авария. И, как я понимаю, не обошлось без магов. Телеграф не работает на среднем участке западной дуги, а это пять сотен километров! На перемычке меж магистральями тоже нет связи. Но авария временная, все наладится. Ты пока собирайся, с мамой еще разок обсуди подробности. У нас впереди больше месяца до твоего отъезда. Томе я уже написал, она обещала с тобой позаниматься, чтобы осенью ты положительно сдала экзамены. По их итогам тебя зачислят в группу. Может, на второй курс. А если все сложится удачно, то даже на третий, вместе с моей дочкой.

Михаил Семенович засуетился, достал из ящика большой конверт из плотной дорогой бумаги и передал мне, объясняя, что это прислано для меня от Тома. Описание города, рисунки, программа колледжа. Он все говорил, и я отчетливо видела: переживает за дочь. Наверное, ей там ужасно одиноко. Тотчас возникла холодная и неуютная мысль о разлуке с мамой, отцом, Саней, дедом... Долго, всю мою жизнь, сколько я ее помню, внешние обстоятельства оставались гладкими, словно колеса судьбы катились по участку, только что почищенному самим Королем. Как-то оно будет там, за стрелкой?

– Опасаешься уезжать? – догадался Михаил Семенович.

– Не знаю, – ответила я. – Но мне очень интересно. К тому же папа не уважает тех, кто боится нового.

– Твой папа – очень славный человек, – грустно кивнул начпоезда. – Но сейчас тебе самое время пожить своей жизнью. Мне кажется, ты не создана для нашего поезда. И даже твоя мама думает так же.

Дверь шумно распахнулась, в купе влетел Саня, покрасневшийся, бурно дышащий, обнимающий свою банку, сыто бряцающую чем-то металлическим. Кивнул нам, водрузил сокровище на стол и вернулся, чтобы прикрыть дверь.

Но не успел: в проеме уже стоял Король. И глаза у него были такие холодные, что по спине пробежал озноб. Взглядом отец ощупал меня, задержавшись пристально на поцарапанной щеке.

– Так, мало нам аварии на путях, – мигом догадался начпоезда. – Что еще?

– Рена, забери Саню и иди домой, – спокойным тоном велел отец, вполне довольный моим здоровым видом. – Все хорошо, Михаил Семенович. Я уже разобрался, больше ничего дурного сегодня не приключится. Авария серьезная?

Саня охнул и закрутил головой, глядя то на отца, то на начпоезда. Авария! Кому-то это беда, а ему – великое событие в жизни. Брат нехотя покинул купе, лишь наличие банки и ее загадочное содержимое примирило его с недостатком сведений о происшествии. Мы добрались до дома, обнаружили там маму, безмятежно напевающую одну из любимых южных песен, тягучих, красивых, со словами, искаженными нездешним выговором.

– Сегодня никого не стану слушать, – заявила мама, едва мы вошли. – Спать! Хватит уже событий для одного дня. Срочно, немедленно и молча вы съедите ужин – и гэтть под одеяло!

Саня засопел, погладил банку и бережно встряхнул. Мама умело не заметила этого робкого намека на наличие важных дел. Хуже того, изловила брата за ухо и переместила к столу. Меня тоже изловила, внимательно осмотрела царапину и неопределенно хмыкнула.

Каша с поджаренными корочками оказалась вкусной, как все мамины кушанья. Пока ела, я странным образом осознала, что день и правда был длинный и хочется лечь спать. Потому что это отнюдь не худший способ переварить события, позволив им слегка отдалиться... Мы улеглись. От хвостовых вагонов донесся короткий гудок чужого паровоза. Потом, сразу, два длинных и снова короткий. Состав резко вздрогнул. Саня охнул и сел, вцепившись в одеяло. Глаза у него стали круглыми от изумления. Мама решительно толкнула моего брата в лоб, заново укладывая.

– Мам, так ведь это «Стрела», – пояснил брат.

– Да хоть сам «Черный рыцарь»! – Мамины глаза сошлись в узкую щель. – В этом вагоне я главнее. И я велела спать. Утром насмотришься, не уйдет, раз взялся нас толкать.

Последние слова она сказала чуть мягче, погладила по головам нас обоих и плотно задернула шторку. Прошла по нашей комнатке, закрыла дверь и постучала к соседям. Брат толкнул меня в бок и хихикнул в шею, желая сообщить нечто важное.

– Ух и крепко сегодня синяков прибавилось в поезде! – шепнул он в самое мое ухо.

Прав. Даже не сомневаюсь. Я поплотнее укутала его, подоткнула одеяло под спину и закрыла глаза. Как я буду спать там, в этой их школе, без стука колес по рельсам? Лучшая колыбельная, и думается под этот звук тоже прекрасно.

Утром, еще не открыв глаза, я прислушалась к сегодняшней «погоде» для удачи. Не особенно пасмурно. Так, средненький день, обычный. Разве что впереди и слева копится здоровенная туча. Далеко и от этого непонятно: может, копится, а может, уже рассасывается. Не наша она и нас не задевает. А кроме того, чихать мне на удачу. Это я ночью решила, обдумав вчерашнее. Темная полоса, светлое место... Для драки видеть удачу и неудачу неплохо. Для жизни – нет. Знай я заранее, что в тамбуре ждет беда, не пошла бы, сидела бы дома и дергалась в сомнениях. И этим лишь оттянула бы нехорошее, не решив проблемы и оказавшись настоящей трусихой. Однажды на станции я видела девочку лет семи. Красивую,

в розовом платье с кружевом, богатую. Она шагала рядом с няней и усердно переступала через щели в камнях, стыки досок и малейшие трещинки. Как пояснил мне дед нелепую, спотыкающуюся походку сгорбленной и усердно всматривающейся в дорогу девочки, она боялась накликасть беду, наступив на темное или на край. Удача ведь гораздо полнее и вернее там, где поверхность ровна и нет сколов.

Я удачу отчетливо вижу, нет смысла отрицать явное и проверенное, но я не намерена ходить, спотыкаясь и перепрыгивая, охая и горбясь. В общем, пока дело не дошло до крайности, до общей большой беды, чихать я хотела на свои нелепые способности. Надо жить обычной жизнью.

Мамы в комнате не было. Я собрала завтрак, разбудила брата, спящего в обнимку с ценной банкой. Не иначе ночью нащупал и подтянул поближе, а может, вообще не спал, перебирал сокровища в темноте. Вон как зевает! Но аппетит не утратил.

В тонкую дверь постучал Вася. Не дожидаясь ответа, скользнул внутрь, сел к столу, выложив на него три крупные картофелины – заказ на новые draniki, полагаю, – и увидел банку. Косясь на нее, принял тарелку.

– Рена, что творится, не представляешь, – сказал он. – Тетя Лена ночью баб собрала и велела им самим решить, чем считать вчерашнее, глупостью или преступлением. Эти две негодяйки признались, что хотели тебя с поезда скинуть. Ужас, все просто за головы хватаются. Алесю мне не жаль, она ненормальная. Тонька же просто дуреха, понимаешь? Ей уже пятнадцать, а ну как сдадут в полицию...

Судя по всему, он повторил слова тех взрослых, которых успел выслушать и подслушать, да еще и от себя добавил. Мне новости не понравились, «полиция» – слово плохое. У нас в поезде потяни за одну нитку – такое вытащишь... Все знают. Так живем. Люди здесь собрались самые случайные, кто-то в бегах, иные из деревни ушли, от голода спасались. Папа вон проклят. Михаил Семенович сослан за долги. Ремпоезд – этим все сказано. Впрочем, и Тоня с Алесей хороши. Есть ведь неписаное правило, призванное ограничить буйство. Нельзя доводить дело до большой крови. И еще не принято драться вот так, тайком подкараулив да еще вдвоем на одну, с шилом...

По доскам коридора застучали шаги. Мама и еще кто-то. Ленину походку я всегда отличу от других. Она легкая, быстрая и в ней слышится отзвук танца. Мне бы так научиться ходить!

Мама вошла и села, следом протиснулись мои обидчицы и их матери.

– Ну! – весело и зло велела Лена.

– Рена, – всхлинула Тоня из-под тряпки, закрывающей половину лица. – Как решишь, так и будет. Виноваты кругом и сознаемся. Я у тяти самогона добыла, мы для смелости и хлебнули. Ну потом уж плохо соображали, что делается. Сдуру удумали невесть что.

– Ренка, или мы их в полицию, или по-простому, весь поезд мыть, – сообщила мама. – Понятно?

– Пусть моют, – охотно согласилась я. И мстительно добавила: – Особенно Алесенька. Весь паровоз и тендер – это для нее.

– Тряпку в руки – и айда умнеть, – неожиданно поддержала меня мама Алеси. – Ишь моду взяла, шилом в людей тыкать! Я бы не простила. Сколько мы с тобой, Ленка, воюем, а ведь все у нас потом ладно и спокойно. Без гнилоты.

С тем они и ушли. А мне досталась вся штопка, накопившаяся за последнее время. Оно и понятно: поезд идет без остановок. Поэтому в самый раз делать дела, до которых в иное время руки не доходят. Санина команда до ночи самозабвенно сравнивала банки и делила добытое у помощника Михаила Семеновича. Свечные огарки, пара оловянных солдатиков, старинное огниво, красивые медные пуговицы, яркие стеклянные шарики непонят-

ного назначения – чего там только не было... Дня не хватило, и Саня отпросился к Ваське на всю ночь, чтобы продолжить учет ценностей. Так что я спала одна, по-королевски, на широченном лежаке, при двух одеялах и паре подушек.

Утром меня разбудил папа. Он сидел на краю постели и задумчиво щурился.

– Рассказывай, – велел он коротко и уверенно.

Папа точно знает, когда происходит нечто странное, и умеет слушать. Само собой, он первый догадался, что без нового умения я бы никогда не вывернулась из эдакой неприятности. Выслушав про темные пятна и светлые участки, про то, как я видела удачу с открытыми глазами, он кивнул, словно иного ответа и не ждал.

– Через тени теперь не переступаешь?

– Да нужны они мне!

– Вот и славно, – сразу успокоился он. – Если станешь всю жизнь за удачей бегать, неизбежно превратишься в полнейшее ничтожество. Бояться грозы – удел слабых.

– А что больше – страх или храбрость?

Я даже зажмурилась. Давно мы с ним не играли в эту нашу игру – вопросы без простых ответов. Разучилась я спрашивать, что ли? Да вроде нет.

– Страх гораздо больше, – охотно отозвался отец. – Он огромный, он может, как ночь, погасить весь свет. И он для всех, единый и тяжкий, а вот храбрость мала и легка, потому что у каждого она своя, посильная ему одному.

– И что же делать, если совсем страшно?

– Но ты ведь вернулась в тот тамбур, – хитро усмехнулся Король. – Это очень по-моему сделано, дочь. Если боишься, надо себя наизнанку выворачивать, а от страха не бежать. Впрочем, и головы не терять. Прости, пора мне. Три часа отдохнул – и снова к деду. Для тебя есть поручение, с тем и заглянул. Важное!

Голос отца сошел до тихого шепота. Он нагнулся к самому моему уху и еще раз прислушался, нет ли кого поблизости.

– Приглядывай за удачей впереди. Чую я, маги там невесть что натворили. Как бы бедой не обернулось. Например, мы с дедом оба будем видеть путь, а его на самом деле и нет, весь подмыт. Называется «полная иллюзия», для создания на большой площади требуется минимум три пси-мага высокого класса. – Отец потер лоб, явно удивляясь, откуда в голове взялось только что сказанное. – Маловероятно троих тут застать, но на душе у меня гадко. И чутью своему я верю.

Он встал и быстро ушел, не дав мне времени даже отозваться. Пока я одевалась и причесывалась, пока завтракала и мыла посуду, от паровоза добрался бледный, осунувшийся и какой-то совсем старый дед Корней. Наспех поел и лег, прямо свалился на кровать.

– Тяжело, – признал он, пока я стаскивала с его ног сапоги и накрывала одеялом. Вздыхнув, дед добавил без обычной задиристости, уже сонно: – Король молодец. Спокойно отоспаться могу, дело он, паразит, знает.

Интересно, это он у Ленки нашей научился из слова «паразит» похвалу делать? Или она переняла отцову манеру?..

Я снова мыла посуду и лениво гадала. На более серьезные размышления не было сил. Отец велел смотреть за удачей, и я старалась. Получалось нечто странное. Словно далекая темная гроза стояла на месте, а мы шли к ней, подбираясь все ближе. Широкие тени прокатывались через пути тяжелыми волнами. Густая, как студеной снег вьюжной ночи, темная удача летела зло и стремительно, подгоняя волны. Она пронизывала наш поезд, не замечая его и не троя себя на нас, ничтожных. Разве что у кого-то печка угасла или молоток на ногу упал – в общем, мелочи.

«Букаш» загудел, стравливая пар и требуя притормозить у толкающего нас второго паровоза. Тот отозвался охотно и звучно. А ведь прав Саня: так умеет петь только «Зеле-

ная стрела». Неужели все настолько плохо, что нам выделили наилучший паровоз? Поезд закрипел, притормаживая. Сейчас помощники машинистов выглядывают в обе стороны, вывешиваются, пытаюсь рассмотреть, не загорелись ли буксы. Опять тормозим, сильно мы сбросили ход. Состав шевельнулся, проходя стрелку. Тарелка вывернулась из-под пальцев и звонко разбилась об пол. Туча темной удачи, которую я недавно сочла далекой и неопасной для нас, теперь стояла впереди, прямо по курсу. Огромная, беспросветная, скрученная в тугую спираль, находящаяся в непрерывном внутреннем движении и в поиске жертвы. Кто мог так ею управлять? Вот выбросила вперед плеть тьмы, и другую, и третью. Не взглянув на осколки тарелки, я хрустнула по ним ботинком, подбежала к двери вагона и высунулась наружу. Впереди, что и без всякого везения видно, клубилась бешеная, чернильно-лиловая гроза. Мы шли прямо в нее, пока еще подсвеченные солнцем, быстро тонущим в мареве ближних облаков.

Мне казалось, что внутри грозы натянут канат, который хрустит от напряжения, готовый лопнуть. Кто бы ни управлял тьмой, он предельно утомлен, вот-вот утратит контроль. Тогда эта клякса вполнеба станет просто облаком. Концентрированное невезение осядет темными промоинами на путях, упадет на лес ударами шквала – и сгинет, растворится в обычной дурной погоде...

Солнце в последний раз попыталось вырваться, полоснуло лучами по тучам, разрезая узкий прогал, и сгнуло. Сразу стало темнее и мрачнее. Я все стояла и смотрела вперед. Видела, когда «канат» лопнул, ощутила, как единая туча останавливается и начинает распадаться на мелкие весенние грозы. Мама подошла, поймала меня за плечо, заставив шагнуть в вагон, и плотно прикрыла дверь.

– Ты больше часа тут стоишь, – пояснила она. – Я уже тарелку выбросила, пол подмела, заодно тебя отругала и простила. Пошли шиповник пить. Что тебе доступно, ты и оттуда углядишь, не донимай себя попусту.

– Надо ведь еще папу предупредить, если вдруг...

– «Если»... «вдруг»... Он запретил подобные слова еще зимой, – весело припомнила мама. – Сиди не дергайся. Тонькина мать мне творога выделила, настоящего, свежего, представляешь? У них родня живет недалеко от места нашей последней стоянки.

В подтверждение своих слов мама торжественно выставила на стол сырники. Запахло сразу так восхитительно, что я думать забыла про все «если» и «вдруг». Горячие сырники, круглые, в коричневатом узоре масляной хрустящей корочки... Мне досталось два. Потом в дверь всем скопом втиснулась Санина команда, нюх на вкусности у них удивительный! Так что куда делись остальные сырники, даже мама, наверное, не успела заметить.

– Вот же бесенята! – Брови Лены грозно сошлись у переносья. Дождавшись, пока вечноголодные дождуют последние сырники, она закончила фразу: – А ну геть отсюда!

Ребята исчезли как стайка воробьев. Я достала конверт, о котором совсем забыла в мутном водовороте последних событий, высыпала из него исписанные аккуратным почерком листки, открытки, рисунки, тонкую книжечку в мягкой обложке. Мама вздохнула и кивнула, сердито поправив прическу.

– Знаю. Не хочу тебя отправлять! Ты моя, родная, не желаю отпускать. – Она сникла и подвинула ближе рисунок летнего сада со скамеечкой и фонтанчиком. – Только Коля прав, не для поезда ты. Все здесь тебе чужое, я вижу. Семенович сказал, вдвоем вам разрешат приезжать к нам на лето. И даже зимой Новый год дозvoлят справить.

– То есть отпускаешь.

– Да. – Мама сердито согнала случайную слезинку. – Что мне остается, если наш Король сказал – надо... Читай давай, что эта Тома пишет тебе.

Мама подперла рукой щеку. Она сама и писать, и читать умеет. Но делает и то и другое с огромным трудом. Выучилась не так давно у Короля и временами слегка стесняется

своей малограмотности. Хотя ее ничто не может сделать менее великолепной в глазах нашего семейства.

– «Милая Бэки, – начала я. – Ты прости, но я решила, нельзя звать будущую подругу так бессмысленно, как велит порядок, – сударыня Соломникова. И придумала тебе имя, которое будет вполне подходящим для правил и традиций нашей школы. О ней для начала и расскажу. Живем мы неплохо. В каждой комнате размещаются две воспитанницы. Сами же дома просторные и теплые, в два этажа. Стоят они в большом старом парке...»

Я прервала чтение и беспокойно вслушалась в тучу. Кажется, она стала гораздо ближе... И в ней появилось нечто опасное именно для нас. Мама догадалась, что дело плохо, и быстро натянула вязаную верхнюю кофту:

– Пошли к отцу. И не спорь, одну к паровозу близко не пущу. Там теперь жарче, чем в аду. Тятя совсем спекся.

Мы вышли в коридор. Мама громко, не останавливаясь, велела Сане сидеть и не высываться. В комнате Михея дружно разразились клятвами, которые ничего не стоили. Потом нас догнал одинокий голосок брата:

– Я за них отвечаю.

Мама улыбнулась и успокоенно кивнула. Саня – человек в важных делах серьезный, он таких слов зря не скажет.

Мы прошли три вагона, миновали, взобравшись по железной лестнице на узкую боковую дорожку в верхней части, и сам тендер, черный и горячий, напоенный угольной пылью и свежей копотью. Лоснящийся от пота кочегар, на миг разогнувшись для отдыха, кивнул маме. Он оперся на лопату, устало выдохнул – и снова стал бросать уголь ближе к передней площадке. Лена крепко прихватила мою руку и пошла вперед. Спустившись до последней ступеньки, оставила меня возле проема двери и шагнула на площадку. Оттерла в одно движение – только она умеет так распоряжаться людьми – второго кочегара у топки и махнула отцу, сидящему на месте машиниста.

Тот немедленно встал, прошел через площадку и шагнул ко мне. Был он весь горячий, даже от одежды шел пар. Лицо красное, глаза с лихорадочным блеском.

– Что чувствуешь? – спросил быстро и жадно.

– Изменение. Часа два назад в туче был такой... канат. Потом он порвался, а теперь впереди нечто вроде пропасти. Совсем темно.

– Далеко отсюда?

– Минут десять хода, – неуверенно предположила я.

– Черно на путях или по всей округе? Поперек или просто пятнами?

– Вот так. – Я быстро нарисовала на полу две линии рельсов, пересекла их чертой, с одной стороны от нее, ближе к нам, изобразила большую кляксу. Задумалась и пояснила: – А с другой... да там вообще не видать ни зги!

– Ясно, – не усомнился отец и обернулся к помощнику: – Больше никакого угля. Пока идем на тяге «Стрелы». Как она подаст сигнал – тормозите до остановки, переложив реверс.

– А приказ?... – удивился парень, глядя вслед Королю, уже забравшемуся на крышу и бегущему по вагону к хвосту поезда. – Эй, а приказ-то чей?

Мама хмыкнула и поманила его пальчиком. Парень обернулся и кивнул: мол, слушаю.

– Король тебе что, не начальство, деточка? – ласково уточнила моя мама, снова выбираясь на площадку.

Она была на голову ниже рослого помощника машиниста, но парень обреченно тряс линиялым чубом и отступал перед неподражаемым натиском этой женщины, до самых кончиков ногтей уверенной в себе, нынешней моей правоте и безграничной власти Короля. Мама загнала парня к котлу, презрительно фыркнула и обернулась к кочегару у топки, скалящему зубы, удивительно белые в сплошной черноте угольной пыли, покрывающей кожу.

– Саша, чем тут тормозят, помимо мозгов этого недоумка? – поинтересовалась она.

– Нельзя... – охрип помощник.

– Недобитого недоумка, – поправились мама. – Стой где стоишь. Я тебе не дам угробить весь поезд этим твоим приказом. Телеграф не работает, они понятия не имели, что пути размыты. Ясно?

Кочегар кивнул куда быстрее помощника машиниста и подошел ближе, на ходу поясняя, как спустить давление и каким рычагом перевести тягу в обратный ход, на торможение.

Никому не интересная, я выбралась на площадку. Дышалось тяжело, воздух ошпаривал легкие. Я прошла к месту помощника у переднего края площадки, возле самого котла, и выглянула вперед, крепко обхватив обжигающие кожу поручни.

По виду самый обычный путь. Ровный, гладкий, полого уходящий вниз, в большую долину. Отчетливо прослеживается сдвоенная нить рельсов, сбегаящая по склону, текущая вниз стальным ручейком. Потом она тянется по ровной, плоской насыпи, огибает холм, теряется за ним ненадолго и выныривает, чтобы взобраться на дальний склон... Но вот как раз подъема нет! Мне стало холодно даже в этой невыносимой жаре. Картинка перед глазами прыгала и двоилась. То я видела обычное – ровный путь и блик на рельсах, то настоящее, но скрытое – лежащий на боку и еще слегка дымящийся остов большой самоходной дрезины. А за ним, в той же длинной косой промоине, подобной вскрывшейся язве, – сошедший с рельсов паровоз незнакомой формы, стремительной, с дополнительными обтекателями над котлом и на колесных арках. Кажется, дед показывал мне картинку с изображением очень похожего чуда. Звалось оно «Летучий рок» и принадлежало столичному депо магов.

– Путей нет... – Я удивилась хриплости своего голоса. – Там, вот там...

– Все в порядке с путями, – с нажимом заверил помощник.

– Семен, прими умника, – рявкнул в недра тендера кочегар своему напарнику и швырнул туда слабо вякнувшего «умника». Обернулся к маме: – Лена, ты не переживай, лучше одна остановка мимо приказа, чем последняя стоянка в кювете для всех нас, от стариков до самого малого дитяти. Король ничего не делает зазря.

– Рена, немедленно домой. – В голосе мамы звучал металл, и я сочла, что спорить с ней теперь нельзя, отвернулась и пошла. Вслед донеслось: – Бегом! И сообщи Михаилу Семеновичу про остановку.

Пришлось молча кивнуть и прибавить шаг. В «семерке» и так заметили, что «Букаш» притих. Начпоезда столкнулся со мной в дверях, задумчиво выслушал малопонятные пояснения о промоине и о том, что мне кажется и видится, обнял за плечи и толкнул по коридору к родному вагону:

– Иди, я тебя слышал и понял. Побуду тут, у себя в рабочем купе, пока Король не объявится. Полагаю, у него есть причина для принятия столь серьезного решения.

Я благодарно кивнула и побежала дальше. Гудок «Стрелы» застал меня у двери нашего вагона. Я едва успела закрыть ее за спиной и отшатнуться в сторону, когда резкое торможение бросило меня к стене. Где-то разбилась еще одна тарелка, жалобно взвизгнул плохо забитым гвоздем сундук, толкая тонкую стенку и норовя переехать к соседям, в другую комнату. Заскрипели и засвистели тормоза. Выругался дед Корней, просыпаясь и не соображая пока, что происходит. Мы всё катились вниз по склону, не в силах преодолеть инерцию набранного хода. Темная удача впереди густела, жадно тянула к нам щупальца, пока что получая лишь жалкие крохи жертвований – битую посуду, трещины в перегородках, синяки и ругань...

Когда стало возможно двигаться, преодолевая толчки и рывки, я заспешила к двери закута Михея. Дед чуть не сбил меня с ног, молча и торопливо шагая к головному вагону, то и дело хватаясь за стены, когда нас кидало особенно зло.

Я добралась до двери, открыла ее и успокоенно выдохнула. Саня сидел на полу, тер ушибленное колено и ругался до ужаса взросло, запрещая своей ватаге любые движения, а самому себе – даже малейшее любопытство. Увидев меня, он обрадованно смолк.

– Впереди промоина, пути порвало, – быстро пояснила я.

– Это мелочь, – авторитетно заверил брат. – Папа остановит поезд. Судя по всему, он успел предупредить этого столичного ротозея, машиниста «Стрелы».

– Именно, – согласилась я, устраиваясь на полу рядом с братом.

Саня чуть помолчал, слушая писк и свист. Теперь «Букаш» работал вовсю, тормозя нас. А «Стрела», наверное, вообще встала, ей проще, она наверняка больше не находится в общей сцепке.

По крыше загремели знакомые шаги – папа спешил к нашему паровозу. И как он умудрится удержаться там, наверху, когда так ужасно кидает? Даже по движению понятно: путь совсем негоден. Если бы мы не начали тормозить заранее, уже здесь нас сорвало бы с рельсов.

– Подушка подмыта, – подтвердил мои подозрения Васек. – Еще чуток – и рельсы загуляют, как вареная лапша.

Полагаю, про лапшу он придумал сам: вон как гордо огляделся по сторонам. Кстати, всем сравнение понравилось. Особенно сейчас, когда уже понятно, что мы живы, целы и угроза схода с рельсов миновала. Я припомнила свои движения во время рисования темной удачи. Линия поперек путей, пятно-клякса перед ней и точка в стороне. Туда я оперлась пальцем и сперва решила, что это случайность. А вдруг нет? Отцу бы сказать, но у него и без того дел хватает. Вряд ли созданная магами иллюзия сейчас цела. Значит, стал заметен сгоревший остов дрезины и лежащий на боку паровоз магов. То есть всем взрослым не до нас...

– Саня, есть важное дело, – осторожно сказала я, чувствуя себя предательницей. Мама-то велела сидеть тут! – Впереди, в промоине, лежит состав. Его люди могли уцелеть, надо проверить. Только это могут оказаться нехорошие люди.

– Ясно, – кивнул брат коротко и уверенно, в очередной раз подражая отцу. Нахмурился, глядя на свою команду: – Играем всерьез в воров и магов. На глаза врагу не показываться. При первой же угрозе возвращаться к поезду, звать дядю Мишу или Короля. Дальше сотни метров от пути не удаляться. Вася, ты берешь на себя правую сторону, твоя удача там светла, с тобой те, кто таков же. Я осмотрю левую. Никакого игрушечного оружия, иначе не сообщайте, что дело нешуточное. Ждите меня внизу, у двери.

Его послушались молча и сразу. Брат без удивления проследил, как я ворошу вещи и достаю из ящика дедов пистолет. Машинисту полагается оружие, вот только хранить его следует не так, а под замком.

– Ты ведь чуешь, где искать, – сказал брат. – Тебя ни разу не удалось отследить во время игры в прятки. Вся удача целиком твоя, я знаю.

– Может, и так.

Я завернула тяжелый пистолет в тряпку. Стало страшно, от промасленного металла ощутимо веяло холодом и злой удачей. Саня недовольно фыркнул, быстро скинул тряпку, снял оружие с предохранителя, показав мне, недотепе, где таковой находится и как работает. Снова укутал жуткую вещь.

– Не переживай, я же рядом, – в неподражаемой манере сына Короля заверил он. – Идем.

И я послушно пошла следом за ним. И это при том, что я практически вдвое старше его, не должна никого втягивать в гнусное и неверное дело, а сверх того – обязана безвылазно сидеть в вагоне. Васька уже увел своих пацанов. Наша банда из пяти недорослей (двое прибежали из соседнего вагона) ждала на насыпи. Такой мокрой, словно здесь час назад

текла целая река, которая принесла песок, коряги, намыла слабой весенней травы и старой, сухой прошлогодней, набросала листьев и веток и сгнула... Олег свистнул издали: он уже пробежался вдоль насыпи и обнаружил след, ведущий в лес.

Я в последний раз огляделась, надеясь увидеть поблизости хоть одного взрослого. Какое там! Те уже облепили чужой поверженный паровоз далеко впереди, за краем промоины, шумят и перекликаются. Отсюда все кажутся мелкими, как мухи. Не до нас им... И ждать невозможно, я почему-то в этом убеждена.

Мы ссыпались-соскользнули в илистый мокрый песок, увязли по щиколотку, сразу же промокли и испачкались. Чавкая ботинками при каждом шаге, побрели к лесу. Я указала брату то место, где ощущала беду. Он кивнул, не задавая новых вопросов, и самые опытные «воры» в нашей игре, Саня и Митька, первыми скользнули в кустарник и потащили нас, выбирая сухую и удобную тропку, отводя ветки, убирая сушняк и вслушиваясь. Звуки поезда постепенно стали тише, а впереди обозначились голоса. Два бубнили невнятно и монотонно. Третий резко и зло каркал время от времени.

Оказавшись у края полянки, мы увидели еще больше. Их было не трое, а четверо. Один человек, сухой, среднего роста, пожилой, со стриженными под корень волосами стального тона, устало сидел на земле, опираясь левой рукой о корягу вывернутого елового ствола. Дышал он тяжело, с присвистом. Правая рука дрожала от слабости, но пока была достаточно уверенно вытянута вперед. Ее ладонь, раскрытая в сторону троих стоящих дугой противников, словно отделяла их от старика. Я ощущала своими способностями, что он действительно обороняется, изо всех сил держит сжимающееся неровное пятно светлой удачи. И прочие о ней знают!

Рослый молодой мужчина – он как раз каркает иногда, будто ворон, проверяя удачу, норовит пробить ее темным копьём проклятия и поигрывает пистолетом машиниста, весьма похожим на мой, то есть дедов. Двое возле него непрерывно бубнят, не отрывая глаз от страниц небольших по формату, но толстых и увесистых книг, удерживаемых обеими руками.

– Все равно сдохнешь, – внятно сказал ворон. – Отдай мне тайну, и я уйду. Из уважения к учителю оставляю тебе жизнь, слово мага.

Саня рядом задохнулся от восторга. Живой маг-злодей! И, если повезет, сестра сейчас сделает из него отличного дохлого мага-злодея... Я прямо слышала его мысли, нелепые и, поверьте мне, бесшабашно веселые!

– Не получишь, не по тебе это знание, – тяжело, едва различимо, шепнул старик.

– Тогда проверим снова твою удачу, – уверенно предложил ворон.

Он прицелился и выстрелил. Странное дело! Он знал, что не попадет, как знали об этом и я, и сам старик... Последнему промаху стрелявшего стоил немалых сил, рука задрожала еще заметнее.

– У меня еще два патрона, – сообщил злодей. – У тебя не осталось ни капли сил. Я вижу. Значит, прострелю тебе плечо и заберу с собой. Туда, где допрашивают умеючи. Отдай, ну что ты жмешься... Мои пси-маги все равно выпотрошат тебя. Изжарят мозги.

Мне стало страшно, точно как тогда, в тамбуре вагона. Потому что не стрелять сделалось невозможно. Возле сидящего старика озерко удачи сжалось до жалкой лужи, которая быстро сохла, то есть темнела... Я развернула тряпку и подняла обеими руками тяжеленный пистолет. Саня деловито подставил под ствол рогульку – и откуда только взял!

Не знаю, хорош или плох этот старик, но наши с ним цвета удачи одинаковы. То есть то, что светло для него, и мне видится светлым. А вот с прочими у нас нет ничего единого, они мне противны. Ворон издевается над своим же учителем злобно и с явным удовольствием.

Мои мысли прервал брат, отвесив чувствительный подзатыльник. Шепнул в ухо, требуя не дышать и целиться, совмещая метки мушки. Ага, много я в них понимаю. Зато в удаче кое-что смыслоу. Я повела рукой, примеряясь к ее советам. Старик обалдело, иначе не ска-

жешь, уставился на свою ладонь. Потом на врага, вокруг которого темнело так явно, что не заметить было нельзя, если умеешь видеть. Ворон – не умел. Я закрыла глаза, чтобы зрение не мешало решиться на страшный шаг, и позволила рукам и удаче сделать то, что следовало. Грохот оглушил меня, а отдача, о которой я в свое время слышала, швырнула назад. Но руку еще цепко вело везение. Может, и не мое, а старика, даже скорее всего. Оно было достаточно хищным и опытным, оно выплевывало пулю за пулей, пока сухие щелчки не застучали впустую.

– Рена, ну ты эта... амазонка! – вспомнил слово Саня.

Шумно вспомнил, в полный голос. Я осторожно приоткрыла один глаз. Над полянкой, высоко и чуть в стороне, плыл сизый дым. Воняло преотвратно. Удача бежала ровно, обыденно, бледненькими реденькими кудряшками облаков. Над самым носом укоризненно качалась еловая лапа.

– Кто же вам, дети вы непутевые, оружие дал? – возмутился поодаль старый маг. – Это же форменное безобразие! Так нелепо и окончательно не везет даже круглым дуракам! А я, между прочим, числюсь умным. И дипломы имею по указанному поводу, всю стенку ими заклеил, на обоях изрядно экономлю.

Он прошел к нам и появился в поле зрения на фоне неба, отчего выглядел огромным и солидным. Поклонился мне, лукаво щурясь и пряча смех.

– Ректор высшего колледжа магии, Марк Юнц, – сообщил маг, подавая руку.

Неудобно как-то. Я его спасла – а вот лежу как бревно и панически боюсь глянуть на поляну. А вдруг я их всех насмерть перебила?

– Вот еще! – рассмеялся маг. – Живы, ничего с ними не сделалось. Вставай, хватит причитать и ныть.

– Я что, вслух? – ужаснулась я.

– И громко, – заверил Саня, подставляя плечо. – А сперва визжала так, что все капли с веток обсыпались. У меня уши заложило. Дедушка Марк за сердце схватился. Потом мы их связали, подлецов этих. И тут ты наконец унялась, перестала хлопать глазами и орать.

«Подлецы» обнаружились на поляне, именно там, где столь уверенно, победителями, стояли недавно. У каждого изо рта торчала здоровенная еловая шишка, обсасываемая с младенческим усердием. Полагаю, выплюнуть ее мешала магия, поскольку ни удерживающих веревок, ни ниток я не заметила. Их руки были стянуты впереди, возле груди, в молитвенно-удивленном положении. Правое плечо ворона плотно обхватывала повязка. Я в него воистину удачно попала! И не убила, и обезвредила на славу. Бывшие бубнильщики, явно маги типа «пси», имели совершенно сходные повязки. Только у одного таковая была на правом, а у второго – на левом плече.

– В пистолете сколько пуль? – тупо уточнила я. – Семь?

Все трое зачмокали, облизывая шишки и явно сглатывая вместе с иглами, семечками и смолой немало занятных слов.

– Пять, – утешил меня Саня. – Две ты всадила в книжечки. Я же говорю – амазонка. Ни единого промаха. Дедушка Марк, а мы этих типов теперь удавим или зароем живьем? Я к тому, что за лопатой бежать далековато.

Кровожадности в характере брата нет, а вот ядовитости – предостаточно. Спросил он хорошо, с достойной случая выжидательной наивностью. Младший пси поверил сразу и едва не проглотил свою шишку, даже попробовал бухнуться на колени и замычал, отыскивая взглядом ректора.

Собственно, именно теперь до меня дошло: ректора! Милый, добрый дедушка Марк – он и есть ректор столичного колледжа. Настоящий и едва ли не самый сильный в стране маг удачи. И возможно, именно тот человек, который выгнал из колледжа папу. Шикар-

ные сапоги ректора, пошитые из светлой замши, совершенно противоестественно сухие и чистые, уже выдавливали влагу из кочки, на которую я тупо уставилась.

– Стрелять тяжело, – посочувствовал мне маг. – Тем более девочке, тем более такой милой и порядочной. Но ты справилась, все живы. Хватит себя грызть! Сядь вот на пенек...

– ...Съешь пирожок! – Брат был явно в восторге от дедушки Марка, он не каждому берется подыгрывать. – Ее зовут Береника. И когда она так смотрит в одну точку, то это не значит, что она молчит от страха. Она что-то обдумывает про вас.

Маг силой усадил меня на пень и пристроился рядом, на корточках. Заглянул в лицо, потормошил за плечо. Убедившись в осмысленности ответных действий – моих охов и кивания, – усмехнулся и поманил брата:

– Вы явно заводили банды. Давайте излагайте толком, как сюда попали. По порядку, понятно?

Саня задумчиво глянул в небо, потом на елку, на пленных и на бесподобные замшевые сапоги. Вытянул губы трубочкой, посвистел, потоптался. Честно пожал плечами – и ткнул пальцем в меня:

– Я маленький, врать не умею, а что следует вам по-честному сказать, дедушка, еще не сообразил. Пусть Ренка отдувается. Она старшая, папа ее обожает и считает умницей.

Митя и Олег покатались со смеху, ректор кое-как сохранил остатки серьезности, кивнул и с новым интересом глянул на меня. Ну что тут скажешь? Спасибо, братик! Удружили... Я повторила путь Саняного взгляда: в небо – на елку – на сапоги. Не помогло.

– Мы услышали выстрелы, – попробовала я самую простую идею.

– Не годится, – посочувствовал ректор. – Вот тот гаденыш – мой ученик, имя его Дмитрий, но звать его предпочитает Демитрусом. Он и поставил стену односторонней звуковой проницаемости. Мы паровоз слышим, а там, на путях, не разберут и выстрела из пушки, если таковой раздастся на этой поляне. Давай дальше. Можешь пропустить след, вы не могли его случайно найти, мелькание одежды в ветках тоже не пойдет. Начни с того, почему ваш паровоз вообще стоит на путях. Я гнался за этими подонками так рьяно, что не тратил себя ни на какую магию, кроме прямого трассирования следа. Мой машинист сам стихийный маг с четвертого курса, и он пил эликсир двойного зрения, но наш «Летучий рок» лежит на боку, мы не успели затормозить.

– Плохи дела, Рена, – ехидно посочувствовал мне брат. – Выход такой: или говори правду, или опять падай в обморок.

Когда Саня так откровенен, вывод можно сделать один и сразу: он считает человека однозначно хорошим. Даже, судя по тому, как охотно жмет к боку мага, – мировецким... А я не могу и не умею видеть людей сразу и верить им с полуслова. Хоть плачь! Сейчас эти подлые типы перемигнутся и сообщат мне, что в обморок падать поздно, поскольку смотреть будет слишком недостоверно...

– Саня, бери палку поострее и гони пленных к опушке, – посоветовал маг. – Твоя банда справится с охраной опасных врагов?

– А что им потом будет? – прищурился брат.

– Тюрьма как минимум, но скорее каторга, – честно ответил маг. – Они пытались украсть у нас то, что могло дать повод к большой войне и стать ее новым оружием. Дмитрий, бывший мой ученик, золото получал из-за границ Ликры. И за это золото он на задних лапках танцевал перед канцлером Прустом и его агентами. Меня, старого, тоже хотел к музыке пристрастить...

Блеклые водянисто-голубые глаза мага блеснули настоящей злостью, смешанной с застарелой болью. И мне показалось, что следует ему поверить. Не может так переживать из-за ученика, предавшего колледж и страну, окончательно плохой человек. Саня думал так

же. Он выбрал палку поострее и от души стукнул по шее Дмитрия, вынуждая подняться с поваленного ствола и топтать к размытым путям.

Ректор обернулся ко мне, слегка улыбнулся:

– Давай поговорим спокойно и без лишних ушей. Я не намерен передавать сведения о тебе кому-либо, хотя для меня совершенно очевидно, что ты – одна из птиц удачи, как вас зовут. Чудом не замеченная и не пойманная людьми Диваны и магической полицией. Я не собираюсь разрушать это чудо. И я временами далеко не в восторге от решений нашей правительницы, ее приказы бывают спонтанными и непоследовательными. Тем не менее я учу детей магии. Это длинный разговор, и я готов изложить свою позицию, если надо. Но все-таки сперва поясни, как вы остановили поезд? Удачи для этого маловато. Удача – она вроде указателя на дороге. Ходить сама не умеет, за нее трудятся упорство и воля. Кто тебе помог? Я должен знать теперь же! Они либо хорошие люди, либо тайные агенты, тебя же подстерегающие.

Марк Юнц смолк и устало нахохлился. Сидеть ему было неудобно и неуютно, руки опять дрожали, ректор страдал от озноба и слабости. Он нуждался в лечении и уходе, но держался и упрямо ждал моих пояснений... И я ему окончательно поверила. Встала, жестом предложила занять мой пенек и даже накинула ему на плечи свою вязаную кофту. Дрожал этот Марк все сильнее, короткий прилив сил, вызванный внезапным спасением, иссяк.

– Судя по всему, меня почти убили пять с лишним лет назад, но я выжила. Спас мой нынешний папа, взял в семью и с тех пор оберегает. Он проклят Вдовой, у него шрам на руке. И он никакой не агент, даже не смейте так думать. Он все про меня знает. Сам велел смотреть, есть ли впереди темная удача. И остановил поезд он же.

Марк Юнц кивнул, слабо улыбнулся сквозь новую волну дрожи, более похожей теперь на судорогу.

– Имени не помнит? – тихо уточнил маг.

– Нет. Мы все зовем его Королем.

– Ничего себе прозвище, – заинтересовался маг и резко обернулся к кустам, вскидывая слабую руку.

Кажется, в этом странном мире появился еще один человек, полагающий, что он должен опекать меня и спасать, – дедушка Марк... Приятно. Прямо на душе потеплело.

Король вынырнул на поляну, хмуро глянул на нас. Нехорошо прищурился, изучая мага от макушки до подметок. Окончательное мнение составил еще быстрее, чем Саня, и негромко рассмеялся.

– Ренка, ты умудрилась и тут найти подмогу! Страшная штука – детская незащищенность... особенно для порядочных людей. Здравствуйте, ваше благородие господин Юнц.

В поклоне папы чувствовалось веселое шутовство. Того и гляди, сударем окликнет. У нас ведь как? В обычной жизни если сосед и приятель, значит, сударь, а чуть к официально-сти потянуло – уже господин, да еще с добавлением звания или должности.

– Не изволите ли поиграть в паровозик и покататься на чумазой королевской шее? – продолжил шутку отец.

Ректор хрипло и как-то неловко проглотил комок. Прокашлялся, с недоумением рассматривая Короля, и молча кивнул. Идти своими ногами, папа оказался прав, он уже не мог. На шею отец его сажать не стал. Бережно подхватил на руки, как ребенка, и понес в сторону путей.

– У нас в хвосте стоит под парами «Зеленая стрела», – сообщил на ходу Король. – Изволите забрать именем высокой магии?

– И что, пожилому человеку нельзя уже отдохнуть одну ночьку в тепле? – капризно удивился Юнц. – Кар... э-э-э... да как же тебя там? Король, да?

– Вроде бы, – заинтересованно прищурился отец. – Хм-м, вам известны иные варианты моего имени? Это, кстати, не вы меня выгнали со второго курса колледжа? Подробностей не помню, но такое возможно. Или не со второго, но я учился в колледже, точно.

– Ты ровно ничего не должен помнить, если шрам широк, – задумчиво сообщил маг.

Папа тотчас остановился, прислонил мага к стволу ближнего дерева, раскрыл ладонь и показал шрам. Маг удивленно хмыкнул:

– Ты разговаривать связно и то не должен... хотя упрямство – оно порой сильнее магии. Одно скажу, чтобы не спугнуть возможное, но маловероятное: если неснимаемое проклятие сбоят, тем более нет смысла проявлять пустое любопытство. Столь плотно укутанное прошлое без крайней нужды не расчехлить. А колыхнула его ткань эта вот птичка Береничка... И запомни, если подобное посилено снять, то лишь ей одной.

Отец заинтересованно шевельнул бровью и не стал задавать новых вопросов. Я слегка отстала и шла последней, суетливо сминая ткань и усердно стараясь как можно лучше спрятать пистолет. Почему у меня его до сих пор никто не забрал? Потому, что всем по-прежнему некогда.

По краю насыпи туда-сюда метался, ужасно хромая и поминутно хватаясь за голову, совсем молодой парень в черной кожаной куртке с наплечной нашивкой магического депо. Не иначе машинист «Летучего рока». Увидев нас, он попробовал спуститься в илистую промоину, но был непочтительно изловлен за шиворот Михеем. Кстати, своевременно: нога у парня неловко подломилась – и он стал заваливаться в грязь. Помощник Короля подхватил парня, уволок, посадил на ступеньку вагонной лестницы, ведущей в тамбур, и загудел своим низким голосом, советуя не суетиться: худшее-то позади. Поблизости стайкой кружили Санины малыши, им один вид великолепной кожанки уже был в радость.

– Учитель, – судорожно выдохнул парень, снова вскакивая навстречу поднимающемуся по насыпи Королю, а точнее, ректору у него на руках, – простите, моя вина. Придавило углем – пока выбрался, пока досюда доплелся. Как в бреду, и шел я по той стороне путей... Меня мальчишки из леса вывели, без них бы и не доковылял. Стыдно. Отчисляйте, куда я не годен.

Марк Юнц с сомнением хмыкнул, попросил усадить его на ту же лестницу и заинтересованно рассмотрел понурого ученика. А следом и Ваську, гордого и сияющего: ведь всамделишного мага спас, – значит, не хуже Сани! Потом ректор едва приметно шевельнул рукой – я заметила лишь потому, что снова блеснула удача.

– Метки для поезда ты развесил? – мягко, но настойчиво уточнил ректор. – Почему такие тусклые?

– Я? – удивился обладатель куртки и даже зажмурился от недоумения. – Тусклые?

Впрочем, если он и был нелучшим магом, то учеником оказался вполне толковым, сообразительным и надежным. Покрутил головой, обнаружил метки – пару красных поперечных лучей, перекрывающих путь возле промоины. Я восторженно охнула. Никогда не слышала и не предполагала, что маг может совмещать талант удачи и способности пси. Все вокруг поверили своим глазам! И мгновением позже стали дружно толковать о том, что метки слабые, на фоне неба тусклые, а на фоне леса и вовсе едва различимы, что молодой маг – недоучка и точно схалтурил.

Только я-то с паровоза смотрела вперед и знаю: не было меток! Сам ректор Марк их создал, сам и поселил в сознании путейцев сомнение, извращающее память. Обошлось ему содеянное недешево – серый сидит, в законченного старика превратился за пару минут, на коже проступила уродливая желтизна.

– Простите, учитель, – громче и увереннее взвыл недоученный маг, осознавая отведенную ему Юнцем роль. – Виноват. Сил не хватило, надо было ярче их сделать. Я поторопился,

а после меня уж засыпало углем, сознание поплыло – и вот не удержал плотность свечения... Но вы же знаете, оптика не моя специальность.

Блеклые глаза ректора взирали на догадливого ученика с благожелательной укоризной, и тот старался вовсю, шумно каялся, наполняя уверенностью и деталями новую память путейцев. Теперь все сознавали: лучи были тут уже давно, но никем, кроме Короля, замечены не были.

От хвостовых вагонов, слаженно хрустя гравием, стали надвигаться шаги нескольких человек. Я обернулась вместе с прочими нашими – и увидела их. Шли впятером, и первым – машинист, вооруженный очередным пистолетом. Видимо, сегодня такой день: решительно все с оружием... Внешность машиниста «Стрелы» была незабываемой. Потому что так разукрашивать синяками – Михай шепнул об этом громким, гудящим басом – может только Король. Светло-серые глаза в темно-лиловом обрамлении сплошной припухлости – зрелище яркое и памятное.

– Ты арестован, мерзавец! – издали рывкнул обладатель безупречных синяков. – Под суд! На каторгу, если я тебя на месте не застрелю. У меня приказ! Мы...

– Ух ты, весело-то как у вас, – слабо, но искренне обрадовался ректор. – Прямо не хочется вмешиваться. – Кар... э-э-э...

– Король, – догадался поправить отец.

– Ага, Король, – кивнул Марк. – Без некоторых отчисленных стало так скучно в колледже, ну не могу не пожаловаться! Лешенька, мальчик мой, посмотри и поучись, как полагается бить морду. Хотя бы имей в виду, к чему следует стремиться... Почти двадцать лет в колледже нет классических синяков. Я тоскую.

Машинист «Стрелы» предоставил отличную возможность для изучения «классических синяков», поскольку рассмотрел мага и замер на полушаге, с нелепо перекошенным лицом и пистолетом, нацеленным прямо в господина ректора... По мере того как машинист осознавал последний факт, его кожа все более приобретала ужасающий, неравномерно синий тон.

– Может, помрет? – понадеялся Саня, выныривая откуда-то из-под вагона и подавая ректору теплый чай с медом в здоровенной, толстостенной кружке. – Дедушка Марк, вы его крепко магией душили? Так ему!

Ректор заинтересованно глянул на своего спасителя, выпил настой, похлопал по ступеньке, приглашая моего расторопного брата сесть рядом, и обнял мальчика за плечи, не позволяя снова убежать.

– Учитель, я пойду воспитаю этого? – предложил младший маг, восторженно рассматривая синяки. – О сигнальных лучах расскажу, зрение его проверю, о приказе растолкую... и все прочее. Когда мы отбываем?

– Ты и подслеповатые невежды – немедленно. Доберешься до работающего телеграфа, вызовешь сюда группу пси. Адресата ты знаешь, ему и сообщи, иную полицию и прочим в дело не вмешивать, – строго приказал ректор. – Я дождусь вас тут. Пострадал я, едва дышу. Опять же пленным нужна охрана.

– И как сильно торопиться вам на помощь? – задумался догадливый ученик.

– Весьма усердно, укладываясь в целые сутки, – отозвался Марк Юнц.

– Завтра к ночи ждите, – твердо обещал молодой маг, отбирая пистолет у машиниста «Стрелы» и разворачивая его самого лицом к паровозу. – Все сделаю как следует.

Он ушел, толкая в спины своих новых подчиненных. Со стороны «Букашки» подошел Михаил Семенович, вежливо поклонился ректору, представился и пригласил занять гостевое купе в своем вагоне. Юнца уложили на удобные носилки, укутали в шерстяное одеяло и понесли. Ректор слабо махнул нам всем левой рукой, точнее, отмахнулся от нас, признавая,

что нуждается в отдыхе. Санину ладошку он крепко сжимал правой рукой, и брат гордо прошествовал мимо взрослых, сопровождая носилки.

Ну и пусть! Я прижалась щекой к папиному плечу. Сунула ему в руку пистолет, наконец-то избавляясь от опасной штуковины, и подумала, что колледж магии должен быть неплохим местечком. Судя по всему, у ректора есть толковые ученики, а мой папа, кажется, когда-то был любимым и незабвенным. Старик так смешно каркает, глядя на него. Что бы это могло быть за имя? Карп? Фу-у, хуже Клюквы... Может, прозвище? Тогда и вовсе не угадать. Отец, накрыв рукой плечи, повел меня домой.

– Давай попробуем спокойно пообедать, – предложил он. – Потому что, я полагаю, потом нас позовут в «семерку».

– А чего он в Саню вцепился? – запереживала я.

– В школу при колледже по особому распоряжению Юнца берут с девяти лет, если не ошибаюсь, – поморщился Король. – Кажется, господин ректор рассчитывает улучшить качество столичных синяков в перспективе. Рена, что мы скажем маме? – Он вздохнул и виновато повел плечом. – А уж что скажет нам наша мама...

Мама о далеких перспективах пока не задумывалась. Она уже подмела с пола осколки трех чашек, разбитых при торможении, разогрела обед и ждала нас, вывесив на ручку двери полотенце, выставив рядом здоровенный таз и ведро с прохладной водой. К обеду допустила полчасом позже – чистых, наряженных в свежее и праздничное. Погрозила отцу жирно блестящей ложкой:

– Что хочешь делай, хоть ректору синяки ставь, коль они ему в радость, но мою Ренку и эту Тому переведи в наилучший пансион. Знаю я тебя, чертеняку бестолкового, для себя просить не умеешь. А надо! Глянула я и письмо, и рисуночки. Школа ее – натуральное дерьмо. Девочке там плохо. Ренке будет не лучше.

– Лена...

– Что – Лена? – всерьез взъелась мама. – Я только правду сказала. И читать уметь не надо, чтобы понять: плакала она над письмом. Девчонок поселишь за внутреннюю окружную, от столицы не далее пятидесяти верст, или этих новых «километров», которыми велено считать уже десять лет. Все понял? Не справишься, сама займусь. Осветительное масло проверять мы горазды, а вот родное дитя пристроить к делу – не в силах.

Мама гордо поправила волосы и едва приметно подмигнула мне. В своей победе она не сомневалась. И ей очень нравилась, мне ли не знать, безропотность Короля, принимающего к исполнению более ни для кого не разрешимые поручения. Ее поручения!

Мне стало тепло, к горлу подкатил горячий меховой шарик. Я прекрасно знаю, что здесь считаюсь родной, но все равно каждый раз тихо радуюсь праву называться дочкой Лены и Короля, быть частью этой семьи, лучшей на свете, несмотря на проклятие, на наш нищенский быт, бесконечную дорогу и тяжелую работу, присутствие всяких там Тонек и Алесек... Ну кому я стану задавать свои вопросы в пансионе? Я с тоской глянула на отца. Он, кажется, понял и грустно улыбнулся. Ему ведь тоже будет скучно без меня, а скоро и Саню увезет хитрюга ректор.

– Чай у Михаила Семеновича попьете, – сказала мама, с немалым огорчением рассматривая трещину на чашке. – Надо отца попросить, чтобы устроил в полках крепления для посуды. Надо же, моя любимая, мама подарила.

Лена жалобно глянула на Короля. Склеивать трещины нельзя, в них все равно останется след темной удачи, надломившей целостность предмета, подточившей его суть. Возникнет ущерб: испортится настроение после чаепития, участятся ссоры в доме. Угостить незнакомого человека, вынести ему воду в надтреснутой чашке – это в нашей стране прямое оскорбление, не меньше.

– Нет в ней ущерба, – пожалала плечами я, рассматривая чашку. – Может, показать дедушке Марку?

– Покажи, – согласилась мама.

Бережно завернув чашку в чистое полотенце, он передала ее мне, и мы с отцом пошли в седьмой вагон, каждый со своим поручением. Полагаю, что мое – важнее. Подумаешь, тот пансион или другой. Я дочь Короля, не пропаду, и плакать мы с незнакомой Томой не станем, отучу. А вот жить возле столицы... ну ладно, себе могу сказать, но шепотом: побаиваюсь. Если Юнц раскусил меня в одно мгновение, не окажутся ли излишне глазастыми и иные маги? Опять же день за днем на одном месте, постоянно общаясь с одними и теми же людьми. А ну как рассмотрят они мою излишнюю везучесть?

– Пап, стоит ли нас переводить в столицу?

– Малыш, ты плохо понимаешь, что такое город, – отозвался отец. – Мама у нас мудрая, она права. В убогом и малолюдном захолустье ты заметна, как единственная сортовая роза в заброшенном саду. Большой город набит людьми, там друг к другу относятся без внимания. Порой соседей по имени не знают, в лицо не опознают. Ты просто не стреляй в пансионе из пистолета, не устраивай показательных драк и не играй в карты.

– Но папа, я никогда...

– Именно, – хохотнул Король. – Пока за картежным столом не замечена. Прочее же ты проделала блестяще. Даже для поезда слишком приметно, настолько, что я буду изо всех сил стараться ускорить твой отъезд к Тамаре.

Пришлось молча кивнуть. Он прав, как всегда.

Гостевое купе встретило нас полнейшим невниманием к самому факту нашего появления. Ректор полулежал на диване: ворох подушек за спиной, огромная медная грелка в ногах, сам укутан парой шерстяных пледов – розовый, сытый и помолодевший. Саня пристроился рядом, рассыпав по пледу свои сокровища из знаменитой банки. И вместе с новым дедушкой восторженно наблюдал за ожившим оловянным солдатиком. Тот по команде брал на караул, щелкал каблуками и поднимал к губам рожок. Стекланные шарики, сверкая и испуская разноцветные лучи, крутились хороводом по пледу. На пуговице переливалась карта рельсовых путей. Свечной огарок имел на кончике фитиля негасимое синеватое холодное пламя...

– Так мы твердо обо всем договорились? – уточнил Марк, глядя брата по кудрявой голове.

– Слово, – веско кивнул Саня, выворачиваясь из-под руки. Он же не маленький!

– Я тебя заранее запишу в группу, – улыбнулся ректор. – Пропуск не потеряешь?

– А маме и говорить не надо? – возмутилась я.

Саня глянул на предательницу-сестру исподлобья. Ничего, пусть помучается. Кто меня заложил с потрохами сегодня на поляне? «Я маленький, ее спросите...»

– У меня же будет профессия в руках, – сразил нас Саня наповал. – Мама скажет, что папа не умеет просить за детей, а родную кровь надо пристраивать к достойному делу.

Отец согнулся пополам и кое-как нащупал диван, задыхаясь от хохота. Я застыла в нелепой позе. Ведь практически дословно, ну что тут скажешь в ответ?

– Паразит, – ласково похвалила я его. – Иди домой, порадуй маму. Только прежде уточни у своего нового дедушки, может ли он склеить чашку.

Я развернула полотенце и передала ректору дорогую для мамы вещь. Юнц пробежался пальцами по краю, ощупал ручку и погладил доньшко:

– Ущерба не опасаясь?

– Вот еще! Никакой темной удачи в ней нет. Просто мы резко затормозили.

– Все верно, – согласился он, усердно потер трещину ногтем, словно старался ее сколупнуть. И точно – хрустнула, скрипнула и исчезла.

– Спасибо.

– Заодно заклил на неразбиваемость, – великодушно сообщил Марк Юнц.

И я окончательно уверовала в то, что он очень хороший человек. Разве плохой с его-то возможностями и званием станет вообще и тем более теперь, в крайнем утомлении, тратить силы на старую чашку, солдатиков и пуговицы? А еще рисковать своим положением, спасая ремпоезд от внезапного нашествия полиции, да еще не обычной, а самой опасной, с магами и дознавателями. Можно не сомневаться: сегодня ночью никто не будет спать. Михей уже теперь обходит вагоны и безжалостно собирает все «нелегальное», требует разыскать паспорта и разъясняет, кому и что следует говорить. Ищет убежище для недавно принятых людей со сложным прошлым и тех, кого могут отослать после проверки по разоренным неурожаем голодным селам. Михаил Семенович просматривает документы и уточняет отчеты, дед и мастер-ремонтник сверяют записи по обслуживанию паровоза – и так далее. Отец выйдет из этого купе и тоже присоединится к сосредоточенной и несуетливой спешке. Маг дал нам много времени – целые сутки, а то и больше. Настоящее чудо!

Саня быстро и ловко собрал пуговицы, огарок, солдатиков и прочие мелочи. Сунул коробку отцу, доверяя ему переноску этой ценности. Завернув чашку в полотенце, поблагодарил мага и искренне, коротко и по существу рассказал о судьбе и пользе чашки, нашей единственной материальной памяти о бабушке. Еще раз пообещал непременно прибыть в школу, попрощался – и ушел, обеими руками удерживая чашку.

– Ка... Король, – преодолел привычку к иному прозвищу ректор, глядя на отца. – Девочку надо немедленно удалить из поезда. Немедленно! Расследования не избежать, я лишь отсрочил его. Общаться с магами ей ни к чему, с их тайной полицией – тем более. Идеи есть?

– Пансион. Мы собрались отослать Рену в Синильский уезд, в компаньонки к дочери Михаила Семеновича.

– Не годится, там климат ужасный, засуха, только что началась эпидемия тифа... а сверх того совершенно нет нормальных заведений, – поморщился ректор. – Завтра вернется мой малыш Лешка. Пусть Береника к тому моменту соберет вещи и будет готова. Дам письмо, Лешка проводит, там заберет вторую девочку и вернет обеих куда следует. Место надежное, директрису я знаю с юности, она замечательный человек. Опять же столица рядом, если что – и сам пригляжу. Пока же девочки покатаются на красивом, богатом поезде месяц-другой, чтобы их никто не мог разыскать. С другой стороны, путешествие – вроде не бегство, а подарок от меня в знак благодарности.

Юнц подмигнул мне и снова глянул на Короля с той же странной тоской, что и при первой встрече. Наохлившись, выше натянул плед, до самой шеи:

– А вот ты... ты влип! Судьба твоя здесь, но удача запропала. Найдется – обрадуешься ли? Смотри не потеряй семью, вернув память целиком. Неравноценная будет замена, один твой Саня чего стоит!

– От удачи, если она судьбе помеха, отвернуться нетрудно, – отмахнулся отец. – У нас в семье, как вы заметили, ущерба никто не опасается.

– Верно. Иди, Король. Я чудовищно устал. Если засну, то очнусь не раньше завтрашнего полудня. А ведь у меня еще осталось невыполненное обязательство перед Береникой. Я задолжал ей целую жизнь, представляешь?

Папа кивнул, погладил крышку коробки и встал. Задумчиво оглянулся на мага, явно пытаясь вспомнить хоть что-то связанное с этим человеком и вообще с прошлым. Кажется, не удалось, он отвернулся и покинул купе. Ректор столичного колледжа некоторое время молчал, глядя на закрывшуюся дверь, и глаза его блеснули подозрительно влажно.

– Он вам случайно не родной? – испугалась я.

– По крови – нет... – вздохнул Марк Юнц. – Но ведь и ты не родная Королю, да много ли от этого меняется? Таких учеников у меня больше не было. И не будет, наверное, разве

что Саня. Спрашивай, птица. Я создал заклинание тишины, нас невозможно подслушать. Все, что угодно, спрашивай, иного времени не представится. А уж после, завтра, я тебе расскажу одну сказку. Точнее, быль. Просто никто и сам толком не знает, насколько правдивую версию прошлого он излагает... Чем больше времени утекает, тем глубже дно и тем сложнее рассмотреть его рельеф, скрытый тенями забвения и илом лжи.

Я благодарно кивнула. Спрашивать все, что угодно! Вот счастье привалило... И главное – у меня огромное множество вопросов. Я посмотрела на мага, и большая часть любопытства испарилась. Я же не агент тайной полиции, чтобы пытаться человека. Он едва сидит, глаза сами закрываются, кожа снова пожелтела и сморщилась...

– Как мне не стать добычей магов?

– Пока ты не вмешиваешься в удачу активно, им тебя не видно, – задумался Марк. – Оттого вас проще заметить, когда вы еще дети. Вы желаете несбыточного и ни в чем себе не отказываете. Изучай тени и свет удачи, но не пробуй их перемещать. А уж если выбора не останется, учти вот что: на магистральных рельсах ты – невидимка. Здесь текут столь могучие реки удач и неудач, здесь так плотно сплетаются нити судеб разных людей, здесь происходит столько событий, что вычислить тебя фактически невозможно. По крайней мере, не получится сразу обнаружить воздействие и точно указать место. Да и установить личность по слепку следов магии едва ли возможно.

– Как мне стать тем, чем я должна стать? И вообще...

– Девочка, это и есть самая большая тайна магии удачи, – устало улыбнулся ректор. – Та, о ключе к раскрытию которой спрашивал Дмитрий.

Марк Юнц покосился на пузатый фарфоровый чайник. Я торопливо налила заварку, густо сдобрила медом, перемешала и подала ему. Придержала, помогая пить, не поднимаясь с подушек. Он благодарно кивнул, тихо, едва слышно, рассмеялся и поманил меня пальцем.

– Нет ключа, – шепнул он. – Такого, каким он его себе представляет. Потому что нет теперь во всем мире ни одного истинного состоявшегося высшего мага.

– Мага удачи?

– Да что ты, – скривился ректор. – Глупости все это! Личная, карманная удача – она как пламя, к которому летят глупые мотыльки. Одни всю жизнь танцуют на безопасном расстоянии, не ведая красоты света. Иные глупы и сжигают крылья, не понимая сути света. Настоящая птица удачи не для себя приманивает везение. Она освещает путь жизни, помогает вовремя обогнуть здоровенные опасные промоины, не увязнуть в большой войне, загодя скопить запасы к неурожаю. Много всего. Птица видит свет и тьму – сверху, с высоты полета, а высший маг с ее ведома их слегка шевелит. Я не знаю, как тебе учиться и чему. Полагаю, твой папа в этом больше понимает, он ведь уже научил тебя многому.

Приятно слышать, что Короля так ценят и уважают. И что я сама признана не совсем безнадежной. Ректор зевнул, усердно потер щеки – и снова зевнул.

– Вы еще обещали сказать, почему служите Вдове, – напомнила я.

– Я не Вдове служу, а Ликре, – возмутился Марк. – Только ей! Да, по происхождению я арьянец, что нетрудно понять по имени, но мой род живет тут уже два века, мы выросли в эту землю корнями и считаем ее своей родиной. Без магов Ликра погибнет. Думаешь, Арья, из которой происходят мои предки, не готова нас уничтожить? И не одна она! Мир жесток. Магия на сегодня – основа паритета. Знаешь такое слово?

– Знаю. Как полагает мой брат, паритет – это когда у обоих драчунов заранее носы чешутся и потому кулаки не спешат сжиматься.

«Дедушка Марк» немедленно впал в умиление от образованности своего новоявленного «внука». Даже ненадолго проснулся, оживился, захихикал и закивал. Снова зевнул.

– Я учу магов для нашей Ликры. И очень надеюсь, что однажды воспитаю настоящего высшего, а он найдет свою птицу. Тогда Вдова обретет покой, а мы ощутим интересные и трудные перемены в своей жизни.

– Почему она позволяет вам быть ректором, вы ведь не особенно скрываете...

– А знаешь, как становятся ректорами уже в течение восьмидесяти лет? – снова оживился Марк.

Я усердно замотала головой – откуда мне это знать? Он довольно улыбнулся и рассказал. Точнее, заснул достаточно быстро, но я успела понять смысл странного обычая. И всю дорогу домой пыталась представить себе его в действии.

Оказывается, первым ректором высшего колледжа и создателем самой системы нынешнего магического образования Ликры, наиболее полного и результативного – так сказал Марк – среди всех аналогичных в разных странах, был некий господин Фридрих фон Гесс. Сын последнего из великих магов нашего мира, весьма некстати умершего за два года до прихода к власти Вдовы. Нет, никакого покушения или иных происков – ему было сто двенадцать, весьма почтенный возраст по любому счету, даже магическому. Сын унаследовал многие способности и тайны своего великого отца. И, пользуясь этим, проклинал созданный собственными усилиями колледж, когда его изгнали в ссылку по указанию новых властей. Лет десять никто и не догадывался о наличии проклятия, пока был жив Фридрих. Он умер в возрасте девяноста семи лет, мирно и благопристойно, в окружении потомков. Был похоронен на тихом сельском кладбище.

Через сорок дней после смерти призрак почившего господина ректора с шумом и помпой, сразу после заката солнца, въехал в кабинет нового ректора... И стал во всех делах «помогать» преемнику. Громко давать советы. Править приказы и экзаменационные ведомости. Проверять порядок в студенческом общежитии, изымать из библиотеки и портить бесполезные книги – и так далее. По словам Марка Юнца, упорства живого ректора в борьбе с покойным хватило на две недели. У его заместителя – еще на десять дней. Прочие держались не дольше. Год колледж лихорадило, его дважды переводили в новые здания, но призрак с неизменным успехом вселялся в свежеремонтированный начальственный кабинет прежде, чем живой владелец помещения.

С тех пор ректором становится только тот, кто выдерживает экзамен у Фридриха фон Гесса. И никакие происки дворцовых магов удачи, приближенных к Вдове, вкупе с ее собственным талантом и усилиями иных специалистов не могут изменить это правило. Покойный ректор вне любых рамок и правил... Я представила себе этого восхитительного призрака – и рассмеялась. По словам Марка Юнца, внешне господин фон Гесс невысок и подвижен. А еще – весьма общителен. Любит обсуждать попойки, проказы и драки, наблюдая за ними. Бессовестно подсказывает студентам, которых считает толковыми. Сводит с ума угрозами разоблачения агентов, присылаемых разными ведомствами для пригляда за опасным колледжем...

Я все еще улыбалась, толкая дверь нашей комнаты. Папа заметил, подмигнул в ответ и снова вернулся к изучению бумаг. Рядом вздыхал Михай. Еще бы! За ночь надо привести записи о запасах в полное соответствие с самими запасами. Пришлось молча юркнуть за шторку, в свой закуток. Саня уже спал – такой день! Я и сама чувствовала, что валюсь с ног. Закрывает глаза и взлетела в сон, как обычно. А чему удивляться? Я ведь, оказывается, птица.

Глава 3

Два цвета удачи Короля

Дарование удачи всякому страждущему без крайней в том потребности и детального рассмотрения запроса есть смертный грех для мага. Сравним он лишь с приучением слабого и безвольного существа к питию водки. Впрочем, и сильных людей отравы зеленого змия и яд незаслуженного успеха способны низвести до состояния ничтожнейшего.

Марк Юнци, ректор высшего столичного магического колледжа Ликры

– Саня, домой! – Звонкий Ленкин голос далеко разнесся по кустистой лощине, укрытой от материнского взгляда розовым вечерним туманом.

Осень уже устала гадать на удачу в погоде, обрывая листья. Сухие, хрустящие листья. Удача – штука странная. Неоднозначная, оттого, наверное, и гадание получается столь длительным и ненадежным. Дождей нет, для путейцев это хорошо. Длинная плеть рельсов в низине изрядно попорчена временем. Работы много, и выполнять ее под ледяным ноябрьским ливнем, переходящим в снегопад, трудно и даже мучительно.

А каково селянам? Хлеб толком не налился, колоски без влаги остались тощими и низкими, яровые во всем Краснохолмском уезде нехороши. Теперь гибнет в сухой земле озимь... После единственного дождика пошла было в рост – и надорвалась, зачахла, сгорбилась. Вдвойне ужасно то, что рядом, на другой стороне насыпи, в нескольких верстах, замокает белолесский овес. Уже и магов звали, и телеграмму в столицу отправляли – нет ответа и нет избавления от напасти с погодой. Удача густа дважды, и оба раза тон ее темен. Селянам остается лишь вздыхать.

Саня взбежал по насыпи, напоследок махнул рукой Олегу, зазывая в гости на вечер, и побрел домой, шаркая подметками по гравию. Приятный звук, отчетливый. К тому же так можно двигаться гораздо медленнее. А домой идти не хочется, там лежат толстенные книги, убивающие одним своим видом. Кто мог предположить полгода назад, чем обернется доброта дедушки Марка? Да все тем же – спорной удачей, полосатой! Что бело для колледжа и полезно для будущего, то черно своей изнанкой, каждодневным трудом. Думал ли он, что придется бороться с нелюбимой математикой? Да ладно бы одна она! Привык, даже нашел интересной – отец помог. Так с лета стало еще хуже: ректор прислал новые учебники и программу занятий. Он, видите ли, полагает, что настоящий маг обязан знать основы медицины и психологии. Так эти «основы» весят килограммов семь! Спасибо Олегу, не предал и не бросил друга. Ловит несчастных лягушек и сам их режет вместе с Саней. Ему даже нравится. Он наспех пролистал самую тоненькую книжку и пришел к выводу, что его отца, погибшего под осыпью гравия, можно было спасти. Если бы в поезде имелся настоящий врач, само собой. Теперь Олег убежден, что такой врач будет. Для людей это жизнь. А вот лягушкам – смерть...

– Уроки сделал? – уточнила мать, указывая на полотенце. – Ведь вижу – не сделал.

– Я сейчас займусь.

– Саня, тебе уже восемь, – строго и серьезно сказала Лена. – Ты дал господину Юнцу слово, даже не спросив моего мнения. И что, твое слово на поверку – пустой звук?

Лена заинтересованно изучила виновато склоненную макушку. Улыбнулась, добавила полполовника борща в большую тарелку. Жаль ведь пацана. Из кожи вон лезет, чтобы выучиться и поступить в настоящий столичный колледж. Ей ли не знать: сын высчитал еще

в начале лета, едва получил первые книги, что должен сдать экзамены исключительно на «отлично». Тогда ему выделяют стипендию, которой хватит на оплату пробного семестра для Олега в школе при медицинском колледже. Иных возможностей стать врачом у мальчика нет и никогда не будет. Вот и возвращаются оба домой засветло, ограничивая себя в играх. И с утра сидят, и после обеда. Более того, к Королю на ремонтный участок ходят редко, только по необходимости.

– Как Ренка? – спросил Саня, закончив до блеска чистить хлебом опустевшую тарелку. – Нет писем?

– Ты же знаешь, почта будет в конце недели, и никак не раньше, – грустно отозвалась Лена.

За полгода она так и не смогла привыкнуть к отсутствию дочери. Временами потерянно озиралась, словно надеялась разглядеть знакомую тоненькую фигурку. Путалась и ставила на стол лишнюю чашку...

Скрипнула дверь вагона, по коридору медленно и неуверенно прошаркали сапоги Корнея. Машинист шагнул в свою комнату, молча миновал стол и улегся на лавку, отвернувшись лицом к стенке. Тяжело вздохнул, повозился, скорчился поплотнее – и затих. Лена бросила тревожный взгляд, достала покрывало, накинула отцу на ноги, села рядом.

– Неможется тебе? Ноги крутит, дождей ждать? – спросила Лена, осторожно глядя отца по плечу. – Или опять желудок жжет?

– Нечего меня жалеть, – буркнул Корней. – Сдохну – одним паразитом на свете меньше станет. Он кашляет, а у меня ребра ноют. Я-то думал: жилы порвем, после магических безобразий вдвое раньше срока пути восстановим, так Михаилу Семеновичу зачтется, в жизнь пойдет... Так они вона – дешево отделались. А почему? Да потому, что я зачернил ему всю удачу.

Корней натянул покрывало так, чтобы оказаться под ним с головой. Саня испуганно вынырнул из детского закута, глянул на мать: о чем речь? После памятного спасения мага удачи, достойного господина Юнца, в течение месяца возле состава крутились странные люди. Что-то изучали, проверяли, по десять раз прочесывали лес и зарисовывали промоину, близ которой стоял состав, постепенно приводили в порядок путь и продвигались по нему на запад. Наконец, в разгар лета, Михаил Семенович получил толстый конверт, доставленный вестовым из столицы. Его долговое дело пересмотрели, обвинения сняли и даже постановили в полном объеме выплатить жалованье за последние три года службы. Небывало щедрая благодарность, и все ощущали за ней руку мага Юнца.

– Тятя, – жалобно вздохнула Лена, переходя на самый ласковый тон. – Вы не рвите себе сердце. Я знаю, вы за нашего начпоезда самого ректора Юнца просили, в чем тут чернота и злой умысел? Опять же Михаил Семенович рад, к пользе пошла просьба.

– Точно, зови батьку на «вы», как чужого, – то ли попрекнул, то ли посоветовал Корней.

Хотя знал, так его Лена обычно именует, стараясь выказать уважение и порадовать – по традиции юга, откуда происходит ее мама. Дед завозился, сбрасывая покрывало, запутался в нем и расстроился окончательно. Дождавшись, пока дочь поможет сесть и уберет ткань, тяжело махнул рукой. Было видно, что губы его жалко дрожат.

– Донос я написал в зиму, – едва слышно выговорил Корней, глядя на свои руки, мнущие кисет с табаком. – Спьяну, со зла... Все надеялся, что он затеряется, что не заметят и не рассмотрят. А они рассмотрели! Прибыли только что. Курьерская паровая дрезина из самого главного управления. Там, на путях, стоит, в мой паровоз только что не упирается. Три эдаких лощеных столичных хлыща вышли, ни слова никому не молвили и в «семерку» – шась! При них пакет...

Корней прижал руки к животу и сложился пополам, упираясь лицом в колени, словно прячась от боли. Лена охнула, схватила чашку, наполнила тепловатым старым травяным отваром, упала рядом с отцом на колени:

– Ты отхлебни глоточек, полегчает. А я, дуреха, все гадаю, отчего у тебя язва так расшалилась. Пей, не скрипи зубами. Ну какой из тебя доносчик, прекрати себя корить! Обойдется. Может, они по хорошему поводу, положительному.

– Со светлой удачей в ночь не суются на порог, – безнадежно замотал головой машинист. Кое-как выпил пару глотков и вздохнул чуть свободнее.

– Я Рене говорил про твое письмо, – тихо признался Саня. – Дед, она у нас такая... она непременно всю удачу повернула к светлому. Вот увидишь. И вообще, дядя Миша на хорошем счету, такого одним письмом не перевернуть. Он и работать умеет, и с людьми ладит. Ты ляг, а я сбегаю возле «семерки» покручусь и подслушаю.

Корней не успел ответить. По дощатому полу от ведущих в вагон сходен загремели сапоги – сразу несколько человек уверенной поступью двинулись к дверям комнатки Короля. Первым в проеме появился Михаил Семенович. Он охнул и посторонился, пропуская важного человека в светлом кителе с золотой нашивкой фельдкурьера.

– Вот он и есть Корней Семенович, – сообщил начпоезда, указывая на деда. – Приболел, язва у него. Однако и теперь, как видите, паровоз в полной готовности и исправен, все штатно. Вы уж, очень прошу, еще раз при нем зачтите, хотя бы суть, коротко. Пусть порадуется.

Фельдкурьер – рослый, благообразный мужчина с военной выправкой и модной короткой щеткой бородки на скулах – охотно кивнул. Щелкнул язычком глянцевого папки, великолепно ловким жестом извлек бумагу и стал читать звучным голосом, низким и торжественным:

– «...рассмотрев же совокупность сего письма, полученного нами весьма своевременно, и итогов работы по авральному ремонту путей на дуговой связке Краснохолмье – Шабричи, смогли прийти к следующим ниже выводам. А именно: признать работу ремпоезда налаженной чрезвычайно успешно, инженерные расчеты – исполненными без всяких погрешностей. Сроки же оных работ оценить как исключительно скорые, сие при малом расходе материала, его грамотном подвозе и надлежащей проверке качества. Сверх того, ровность пути и профиль его замечательно хороши.

Учтя указание машиниста Суровкина на состояние здоровья господина Донова и нашу сугубую потребность в инженерных кадрах на южной нитке пути, развиваемой теперь повышенными темпами, предложить указанному инженеру место начальника ремонтного подразделения дороги...»

Курьер убрал листок в папку. Снова звучно щелкнул ее корочками, улыбнулся по-своему, без казенной холодности и вопросительно глянул на начпоезда:

– Довольно ли? А то витиеватый слог, там на полночи чтения.

– На полночи мы иное дело найдем, – бодро пообещал Михаил Семенович, пробираясь к своему машинисту мимо стола. Сел рядом с Корнеем на лавку: – Как твоя язва? Помешает праздновать? Стол-то уже накрыт, я бы тебе дела сразу передал. До весны далеко, а в зиму всем не до нас... не до вас. Пока поработаешь замначпоезда.

Корней потрясенно закашлялся, мотая головой и с присвистом вдыхая воздух. Если бы не поперхнулся, все в комнате разобрали бы, а не один Саня: дед шептал, что, кроме Ренки, некому эдакую беду перевести в благо. И спасибо ей говорил, смахивая с глаз слезинки. Но удача не подвела – не расслышали опасных для Береники слов. Слезы же сочли нормальной реакцией старика, растроганного успехом своих хлопот. Лена быстро принесла парадную куртку машиниста и накинула отцу на плечи. Михаил Семенович бережно поддержал под

левый локоть, помог встать. Фельдкурьер приобнял за правое плечо – и Корнея увели на праздник.

Поздним осенним утром, под нахмуренным, серым небом, готовым в один день превратить затянувшуюся золотую осень в серое предзимье, паровая дрезина дала длинный гудок, прощаясь с «Букашкой», и увезла смущенного эдакой невозможной спешкой Михаила Семеновича в столицу для ознакомления с обязанностями и оформления перевода на юг. На новом месте ему предполагалось передать в подчинение три ремпоезда и дополнительное новое оборудование для укладки путей. Там, на юге, как успел пояснить курьер, совсем подобревший после соленых груздей и клюквенной наливки, особенно важно поставить начальником человека совершенно порядочного и лишенного склонности к воровству.

Слегка пьяный от наливки и еще более от своей невозможной, шальной удачи с переименованным доносом, дед Корней стоял на рельсе и махал вслед. Многие стояли. Саня забрался на верхние мостки паровоза. Король обнимал Ленку за плечи и громко, развлекая народ, обещал ей слушаться во всем деда, который теперь явный глава семьи и большой начальник. Кочегар Саша обиженно мял кепку и невнятно ругался. Где еще найдется такой славный начпоезда, как Семеныч? И как можно было с ним отправлять Михея, без него ведь совсем тоскливо станет...

– Нельзя было не отправлять, – твердо заверил Корней на правах нового начальника, хотя всего лишь повторял слова Короля, сказанные ночью самому Михею. – Люди на юге попадаются недобрые, а ну возьмутся нашего Семеныча изводить? Тут ему никто лучше Михея не пососедействует. Опять же надежное тому досталось место и хлебное: распорядителем при большом начальнике.

– Согнется здоровяк над бумажками, – хихикнул женский голос от края насыпи. – Исчухнет.

– У него Васька растет, освоит грамоту сполна и поможет отцу, – отозвался Корней, после чего обернулся к пестрому собранию: – Ну чего встали? Я теперь туточки главный. И я пока не сказывал, что нынче не работаем, а праздник устраиваем.

– А мы догадливые, – буркнул кто-то из мужиков, улыбаясь.

– Тогда вон к Королю стройтесь, он вам даст указания, – велел Корней, глядя на зятя сверху вниз, начальственно, но без прежней желчной обиды. – Он ведь у нас ремонтной бригадой правит.

И покатила жизнь по тем же путям северной ветки железной дороги не хуже прежнего. Выпал снег, ударили морозы, что сделало движение на магистрали более редким. Ремонты стали спокойными, неспешными. И оттого, что трудно работать в зиму, и потому, что время есть, «окна» в расписании велики. Довольно часто удается полностью вывести из общей схемы движения участок пути на весь срок его восстановления, сохраняя движение по второй нитке общей насыпи. Для Корнея работа замначпоезда была тяжела, но ему помогала запасливость склонного мыслить на перспективу Михаила Семеновича, заготовившего планы на сезон. Еще бывший начпоезда передал Королю свои записи и расчеты по прежним ремонтам – типовым, как он сказал. Разбирая их, дед Корней наконец-то научился без ехидства и обиды общаться с Королем и сполна оценил его цепкий ум. Поверил, что зять вовсе не мечтает загрести себе все почести, а его насмешливая манера – не в обиду и без затаенной злобы. И лихость его не так сильно похожа на воровскую, как казалось прежде.

«Букаш» пыхтел, выдыхал пар то в снежно-серое небо, плотно укутанное тучами, то в голубое сияние морозного дня, сверкал начищенной медью отделки под белым холодным солнцем и тащил поезд на север, до самого конца длинного участка. Затем, после перецепки

и загрузки материалами на большой станции, назад, на юг, этим ускоряя для своих пассажиров приход весны.

Когда синева неба обрела легкость и глубину, а солнышко разогрелось и наловчилось взбегать все выше на небосвод, пришло первое тепло. Растопило сугробы, помогло наполнить любимую Ленину чашечку, используемую в качестве вазы, свежими подснежниками. Король усердно набирал самые красивые – белые мелкие, крупные пушистые синие с золотистыми бархатными тычинками, нежные и трогательные бледно-розовые. Лесная зелень густела и наполняла воздух совсем уже летним уверенным шумом. Пришло время сменить подснежники на ландыши. Вечером они особенно густо и сладко пахли, наполняя тихой радостью уюта всю комнату.

– «...Пансион у нас замечательный, хоть и строгий. За ворота выпускают только в выходные, и то днем, на оговоренное время и не поодиночке... – Лена упрямо читала письмо от дочери сама, желая получить столь важные слова напрямую, вместе с настроением, водившим руку и оставившим след, пусть малый, в почерке и стиле. – ...Моя подружка Тома – чудо, она с виду хрупкая и по здоровью слабенькая, но человек в душе толковый, неломучий...»

– Какой человек? – восхитился странному слову Саня, охотно откладывая учебник и украдкой поглаживая великолепное вечное перо, присланное сестрой.

– Вроде ивы, – отозвалась Лена, для верности подчеркнув ногтем место на листке, чтобы не потерять его. И продолжила чтение: – «...гнется, но не теряет веры в хорошее и не боится бед. С ней легко. Устала я за зиму с обучением, так и скажите Сане: не меньше, чем он. Нагоняла группу, зато с осени смогу посещать занятия уже вместе с Томой. Мы теперь до смешного богатые, дядя Миша шлет нам деньги, и мы их смело тратим. Я сверх того пристрастилась к одной весьма занятой игре, которую мне папа не запрещал и даже наставница наша против нее не возражает. И, как выяснилось, игра к тому же выгодная...»

– Ну почему я не запретил ей все игры, а не только карточные? – притворно ужаснулся Король, заглядывая через плечо жены в текст и норовя поскорее его пробежать глазами до конца.

Получив за нетерпение по носу, ойкнул и сел рядом с Корнеем. Дед сиял, сентиментально вздыхал и крутил в руках присланную ему в подарок великолепную серебряную табакерку, отделанную чернью и чеканкой, с плотной, чуть выпуклой крышкой, небольшую и очень удобную. Нюхать табак он не особенно любил, но в крайних обстоятельствах, когда нет кисета и все запасы подошли к концу, табакерка – настоящее спасение! Корней повторил эту мысль вслух уже по крайней мере трижды. Торжественно уложил сокровище в нагрудный карман, похлопал по ткани... и тотчас вытащил вещь снова, чтобы еще разок рассмотреть.

– «...хотела всем настоящие подарки присмотреть... – читала далее Лена, – ...но толковых сразу не отыскалось. Потому отсылаю пока такие. Пап, сало в столице ужасное, ничуть не идет в сравнение с сельским. Может, вы там купите кусочек к холодам поближе и мне перешлете?...»

Лена охнула, опустила руки с бумагой и обернулась к мужу. Вид у нее стал до смешного несчастный.

– Их плохо кормят! – заподозрила беду дочери Ленка и побледнела так, как могут бледнеть лишь рыжие – до синеватого оттенка. – Она похудеет, и так ведь словно пруттик, ну что останется? Одни глаза...

Король сочувственно кивнул и попробовал ловко утянуть письмо из ослабевших пальцев, но немедленно получил по руке. Снова притих и даже взялся глядеть в стенку и насвистывать, изображая полное безразличие к чтению. Ему дочь прислала карманный хроно-

метр, вещь весьма полезную для столь ответственного работника – начальника ремонтной бригады...

– «... Кормят нас хорошо, сытно... – прочла Лена и заулыбалась, постепенно розовея и успокоенно вздыхая. – ... Только не умеют они варить борщ, как мама. И в пельменях ничего не понимают, и в сырниках...»

Дальше Лена читала молча, все более мрачней. Король нахмурился, беззвучно скользнул к столу и заглянул-таки через плечо.

– Не приедет летом, – коротко сообщил он содержание недочитанной части письма. – Не может свою дорогую Тому одну отпустить к Михаилу Семеновичу. О, Лен, смотри, этот резвый маг-недоучка Алексей опять едет с ними. Как полагаешь, он по просьбе Юнца старается или сам проявил инициативу?

– Приехал бы сюда, я бы ему показала инициативу, – тихо пообещала Лена. – Девочке и пятнадцати лет не исполнилось. Ей в куклы играть следует.

Король рассмеялся. Невинная шутка удалась: напрасно оклеветанный молодой маг далеко и не пострадает, а долгожданное письмо – рядом. Когда Лена сердится и переживает, она начинает трогать воротник и поправлять волосы, плотно свитые в кудри самой природой. То есть оставляет ненадолго без присмотра послание от дочери, что облегчает совершение кражи. Король завладел текстом и взялся читать его заново, громко и с выражением: все равно соседи слушают, это ведь общая радость – почта. В комнату постучал Саша, новый помощник Короля. Пришли и остальные. Лена быстро расставила кружки, уместила на середине стола большой бумажный пакет со столичными конфетами, выложила несколько открыток. Отобрала у Сани книгу и выдала ему взамен чистый лист бумаги.

– Заодно проверишь новое перо, – предложила она. – Пиши ответ.

Чай, присланный Береникой, пробовали и хвалили. В текст ответа каждый старался добавить хоть пару слов от себя. И праздник был замечательно теплым. Лишь одно омрачало веселье, делая радость несколько натянутой.

В толстом буром конверте с большой печатью прямо сегодня, с прочей почтой, добралась до поезда официальная новость. Скоро прибудет сюда инженер, некий Фрол Кузьмич Сушков. В поезде о нем прежде никто не слышал, поскольку он не с этой ветки путей. Все ждали перемен, и никто всерьез не рассчитывал, что перемены эти будут к лучшему. Корней вполне разумно предполагал, что человек едет с доходного западного направления на север не по причине повышения. Король хмурился и того сильнее: пятьдесят три года новому начальнику – и написано, что прибудет без семьи. Странно. Да и чутье не особо тепло отзывается на новость. Уж если по чести признать, оно остро и уверенно ждет беды... Лена поправляла кофту и думала с тоской, что с новым человеком ее мужу, весьма вероятно, будет сложно сработаться. Не каждый начпоезда поймет, как много дано Королю, какой он порядочный и толковый работник и какова польза от его ума. Вдруг увидит лишь шрам проклятого? Начнет донимать расспросами, отстранит от дела... Ей-то что, не за должность полюбила, вовсе полуживого в дом приняла. А Королю будет больно и тяжело, он деятельный, хочет жить полной жизнью, приносить пользу. Опять же могут начаться пьянки, искорененные в последние пять лет силами Короля и начпоезда, да и воровство, и прочая грязь, сопровождающая быт ремпоезда, если за ним не приглядывать умно и внимательно.

Отгоняя тяжелые сомнения, Лена взяла в руки узкую коробочку из плотной прессованной бумаги: подарок дочери ей, еще не изученный. По всей боковине золотом вытиснена узорная, витая надпись: «Кухонная магическая палочка». О подобной вещице в поезде никто и не слышал! Лена еще раз неуверенно погладила бумагу и оглянулась на мужа:

– А она не опасная?

– Саню спроси, – развеселился Король. – Он ведь у нас самый настоящий начинающий маг. Механизм работы бытовых стихийных заклинаний должен уже в общих чертах знать. Теоретически.

Не ожидая нового к себе обращения, Саня бережно отложил недописанное письмо и принял у мамы из рук коробочку. Раскрыл, извлек тонкую медную палочку, похожую на вечное перо. С одного конца острую и круглую, как веретено, а на другом – сплюсненную широким хвостиком, украшенную литым вензелем «АБ» с тремя золотистыми круглыми бусинами. Саня вытряхнул на ладонь свернутую трубкой пергаментную бумагу с инструкцией, быстро пробежал глазами оттиск текста, слегка смазанный, зато нанесенный в две краски, по-богатому.

– Мам, это универсальное чистящее средство, – уверенно определил начинающий маг. – Весьма дорогая и полезная вещь. Сильное заклинание, раздел в специализации «алхимия» на четвертом курсе высшего колледжа преподают, как я понимаю. Если не позже: оно не разовое, перезаряжаемое. Надо использовать и потом выкладывать на солнечное место на три-четыре часа.

– А как использовать, ты забыл рассказать, – вздохнула Лена, гордо поправляя кудрявые волосы «мага».

– Я покажу, – прищурился Саня, ничуть не утративший привычку копировать поведение отца.

Он прошел к печке, достал из угла еще не отчищенную сковороду и коротко буркнул:

– Палочка работает на поверхностях малой и средней площади, большую кастрюлю общей кухни, что готовит для папиной бригады, не потянет. – И веско добавил: – Важно прицелиться и указать острием по возможности точно в центр круга доньшка, наклонив посуду и подставив емкость.

Проделав все перечисленное, Саня коснулся сковороды узким медным наконечником, одновременно нажав пальцем на одну из бусин в вензеле. Все собравшиеся за столом слышали отчетливые хруст и шипение и увидели, как нагар, корочки каши и масло сбегают в подставленную емкость, оставляя посуду неправдоподобно чистой...

Лена охнула, недоверчиво потерла пальцем переданную сыном сковородку – лоснящуюся, чуть маслянистую, словно ее смазали после чистки, выглядящую лучше новой! И сама Лена засветилась счастливой улыбкой.

– Умеет Рена выбрать подарок, – гордо признала Лена, пытаясь рассмотреть свое отражение в любимой сковороде, как будто в темном ноздреватом чугуне можно было обнаружить зеркало. – Часа два каторжного труда... или одно касание палочкой. Неужто их на севере не продают? Я никогда подобного не видела.

– Их нигде не продают, – отозвался Король, в очередной раз выдавая свою способность знать все. – Их заказывают штучно у дипломированных магов. Поскольку это блажь, а не великая польза для страны, то производится бытовая предметная магия исключительно по знакомству. Какой там радиус действия, Саня?

– Тридцать сантиметров.

– Минимум пятьдесят золотых рублей за однозарядную, в простейшем исполнении, – задумчиво сказал Король, порывшись в своей странной памяти. И, дождавшись, пока жена прекратит охать и вздыхать, пораженная непомерной ценой, добавил: – Если учесть, что билет на поезд отсюда до столицы обойдется в пять рублей, а Корней получает девять в месяц, правда без премиальных... Все больше хочется выяснить, во что эта хулиганка там играет! Палочка трехзарядная, что зверски сложно и дорого.

Лена настороженно встрепенулась, изучая удивительную вещицу. Погладила вензель «АБ», подозрительно щелкнула ногтем по его кромке.

– Какая была фамилия у любимчика ректора Юнца? – Голос жены Короля прозвучал обличающе. – Саня! Ты ведь знаешь. Прекрати пялиться в текст.

– Бризов.

– То есть, по-людски говоря, – немедленно перевела Лена, – прямо фамилией его и указано: ветренный тип и пройдоха. Нет, ну это уж никуда не годится. Что творится в их пансионе? Саня, пиши второе письмо, директорисе. Никаких магов на порог не пускать. Девочек за порог не выпускать.

Король от души забавлялся, наблюдая за суетливым беспокойством жены, таким непривычным и новым. Здесь, в поезде, она бы все выяснила и с любой бедой постаралась разобраться. А как уберечь любимое дитя от невзгод, если это самое дитя далеко? Как вообще разобраться, велика ли беда?

– Леночка, там ничего плохого не происходит, – попробовал утешить жену Король. – Юнец за своим любимчиком приглядывает. Наверняка он же и велел парню опекать Рену, присматривать за ней. А наша девочка хулиганит и выпрашивает подарки, пользуясь расположением ректора. Самое время жалеть мага, он от службы по охране Береники не может сбежать или увернуться.

– Точно?

– Уверен. Рена еще ребенок, она по крови северянка, это заметно: худенькая, нескладная и в настоящую девушку вырастет никак не ранее чем через год-другой, а то и позже. Живи спокойно... пока.

– Убить тебя мало за такое странное утешение, – вздохнула Лена, неуверенно улыбаясь. Погладила палочку и нашла взглядом соседку Пелагею, жену Саши. – Пошли твою сковороду чистить. У нас еще два заряда, как я понимаю.

– А потом к Тоське, – благодарно кивнула соседка. – Она с ума сойдет от радости.

Пока женщины охали и хихикали за стенкой, Король самолично вымыл кружки, отстранив от помощи маме Саню, охотно берущегося за любое дело, поскольку новые темы уроков трудны и, хуже того, нудны. Прежде мальчику в голову не приходило, что магия требует столь основательной усидчивости и не обещает ни мгновенных чудес по мановению руки, ни дивной по силе и невыявляемости подмоги в мелком детском хулиганстве. Уже год он гнется над книгами. Извел несметное число листов драгоценной бумаги, впихнул в гудящую от утомления голову основы механики, элементарную математику, общую теорию магических потоков в природе... И что? До практики невероятно далеко. Спасибо, хоть отец знает столько всего полезного. Заметил утрату азарта и тяги к учебе, порылся в памяти, накрытой тенью проклятия, выудил оттуда практические основы построения простейших иллюзий – самый аппетитный кусочек магической оптики. Благодаря ей камышовые копыя играющих в войнушку мальчишек с самой осени начали оставлять в воздухе светящийся след. А в течение зимы у каждого появился огарок свечи, мерцающий слабым рыжим огоньком. Не так уж много волшебства, но зато оно зримое, сделанное своими силами. Помогает верить, что в теории есть польза и он, Саня, однажды освоит и практику.

На пороге затоптался Олег. Он, как обычно, разулся в коридоре, стесняясь уникальной чистоты полов в комнате друга. Король возмущенно хмыкнул, нагнулся и подал мальчику дедовы огромные войлочные тапки. Провел к столу, усадил на светлое место близ лампы, загремел кастрюлями, наполнил тарелку и поставил перед будущим врачом. Тот покраснел до самой шеи, буркнул неизменное: «Я сыт». И вцепился в ложку. Зимой он опять болел, до сих пор толком не оправился. Но гордо уверял, что он теперь знает, чем был болен, и использовал свой недуг для наблюдения. Это полезно и поучительно – самому быть пациентом.

Олег быстро опустошил тарелку, сыто и блаженно вздохнул, украдкой еще разок облизал ложку и ушел в угол – мыть над ведром посуду. Саня юркнул в свой закуток, принес

защитый в мешковину сверток, положил на стол, навел другу чай с медом. Тот сел на прежнее место и удивленно захлопал светлыми ресницами.

– Это тебе Рена велела передать, – гордо сообщил Саня. – Что внутри – не знаю. Однако она нас всех задарила до ужаса дорого и ловко.

Олег еще усерднее заморгал, не веря в чудо. Ему прежде никто не присылал подарков. Тем более из столицы! Мешковину приятели вспороли бережно, она еще новая и годится в дело. Затем Олег развернул внутреннюю ткань, более мягкую, и охнул. Кожаный футляр, похожий мальчик видел на рисунке в учебнике, а внутри – самый настоящий скальпель, хирургические иглы, малые ножницы, специальная нитка...

Король улыбнулся немоте полного, едва посильного для осознания счастья Олега, натянул сапоги и покинул комнату. Пройдясь по коридору, миновал дверь и сел на вагонных сходах. От леса тянуло влагой и свежестью, реденький туман питал молодую листву лучше дождя. Пернатые кавалеры усердно расхваливали перед подругами себя, добиваясь благосклонности и предлагая изучить жилищные условия: гнезда уже готовы, пора заселяться.

На душе было туманно и темно. Словно беспомыслие воровало половину радости такой славной, вполне сложившейся жизни... Иногда ему приходилось тяжело, вдруг исчезала ясность и выпуклость мира, его реальность. До головокружения и озноба хотелось вспомнить, кем он был прежде, в иной жизни, до поезда. Обрывки былого, несколько лет назад казавшиеся настоящими, все более размывались и бледнели. Вроде бы виделась вмятая картина: он крадется по ночному дворцу и наступает на темную половицу, скрипнувшую зло и холодно, наславшую проклятие. Чудилось некое золото, за которым он шел. Додумывалось без труда, что это была обыкновенная кража.

А так ли? Сомнения грызли все сильнее. Особенно с тех пор, как он повторно побывал на болоте, из омота которого вытащил Беренику, внезапно осознав себя магом и дав приемной дочери новое имя. Привычная память казалась чужой ровно настолько, насколько для инвалида не живая и не своя деревянная рука. Формой издали и при беглом взгляде вроде бы похожа, но не более того... Во дворце он ночью и без приглашения однажды оказался, нет сомнений, взял там нечто тайком – или желал взять. Не золото и не камни, точно. Простая логика подсказывает: за такую мелочь его бы не прокляли, целиком отняв прошлое и сверх того всю удачу оставшейся жизни. Шрам – это куда больше чем казнь. Он и месть, и наказание, и предосторожность. Может, искомое удалось унести и спрятать? Может, маги так и не нашли это нечто – опасное и ценное настолько, что о самом факте его существования постороннему следует накрепко забыть...

Первым настоящим, неоспоримым и живым воспоминанием была Ленка. Он лежал, дрожа от слабости. Боль рвала и грызла тело, как голодный зверь. Сама смерть хищно скалилась и точила косу где-то рядом. И вдруг, вопреки предначертанному Вдовой, сквозь темный ужас небытия прорвался голос, насмешливый и сочувствующий:

– Бисово отродье, чертеняка дохлый, сколько можно меня изводить, скрипя зубами? А ну раззявывай рот и пей!

Он послушался. Глотать горячее и жирное было мучительно. Желудок сводила судорога непрерывной боли, переходящей в рвотные спазмы. Но голос был благом, светом и вообще единственным настоящим и осязаемым явлением в вязкой дурноте обморочного кошмара. Выпитое неведомым чудом прижилось, осталось внутри, медленно согревая и питая. Он заснул мирно и обыкновенно, как подобает преодолевшему кризис больному. Очнувшись, смог приоткрыть глаза. И увидел ее, самую рыжую и красивую девушку на всем свете, ругающуюся страшно и в то же время смешно, коверкающую слова с прорывающимся порой в обычную речь южным акцентом, сердитую и сосредоточенную, – а чего ей плакать над чужим, незнакомым человеком? От жалости? Да нужен он ей, «бисово отродье». Такому набору сухих костей и собаки не особо обрадуются!

Ленка ругалась и шумела, отгоняя свой страх. Безымянный, едва живой человек смотрел на нее и радовался, что смог отыскать столь безупречную причину задержаться на этом свете. А проклятие, которому полагалось известить его немедленно и окончательно, ничего не могло поделаться со скандальностью рыжей дочки машиниста, которая об этом смертоносном проклятии не имела ровно никакого понятия. Десять с лишним лет назад...

За спиной едва слышно скрипнула дверь. Жена спустилась и села рядом, локотком шутиливо толкнула в бок. Король от этого слабого толчка послушно свалился вниз, повернулся, встал на колени и обнял ноги Ленки, весьма симпатичные даже теперь, в старых, грубых ботинках. Расправил складочки на платье, сперва у коленей, а потом и выше.

– Ой, какой же ты кобеляка, – заподозрила Лена неладное в избытке старательности. – Безнадежный! И чего я тебя не прогоню...

Любимая тема, дающая возможность долго и красноречиво отстаивать свою полезность. Король прищурился и приступил к делу. Однако осекся, удивленно изучая лицо жены, грустное и вроде бы даже виноватое.

– Лен, ты что, наконец-то вздумала посмотреть на сторону? – искренне поразился Король. – Ты чего взглядом костыль в шпалу загоняешь?

– Вот дурной, – обиженно фыркнула Ленка и тяжело вздохнула, по привычке теребя воротник. – Пока начпоезда не прибыл, надо мне на станцию попасть. Большую. Устроишь?

– К Ренке сбежать надумала? – окончательно запутался Король. – Да не переживай, у нее все хорошо!

Воротник оказался поправлен, рыжие кудри дрогнули, выпрямляясь под суетливо прочесавшими их пальцами. Снова скрутились в витой локон. Стало по-настоящему тревожно и даже холодно от дурного предчувствия.

– Говори толком!

– К врачу мне надо, – кое-как призналась жена и быстро, невнятно заговорила: – Как младшую похоронили, так и нет деток. Который год уже... да седьмой, Коля, точно! Один Саня у нас, разве это нормально? Может, ты потому и бегаешь невесть к кому.

Король рассмеялся, вздохнул с немалым облегчением, пересел к жене ближе и обнял ее плечи:

– Бегаю, потому что дурной. И вообще, Лен, уже давно не бегаю, ну ты что! А детки... Видишь ли, это моя вина. Мы девочку похоронили, ты плакала, убивалась, была совсем слабенькая. Потом кашлять начала. После, под зиму, снова занемогла. Помнишь? Михаил Семенович врача звал к тебе дважды. Тот сказал: нельзя никаких нагрузок и тем более...

В сумерках зеленые глаза Лены, как показалось Королю, стали опасно светиться. Жена уже догадалась, что очередная беда, выдуманная ею, имеет все то же название.

– Бисово отродье, что ты учудил?

Король замотал головой, пытаясь освободить волосы из цепкого захвата. Ойкнул – теперь уже и ухо под угрозой. Ругаться с Леной ему всегда нравилось, хотя ее гнев и угрожал здоровью самым серьезным образом.

– Понятия не имею, что я сделал, – признался он, пытаясь вывернуть шею поудобнее, чтобы не утратить выкручиваемое ухо. Зашипел, привстав, и заспешил оправдаться: – Лен, я явно когда-то давно разбирался в магии. Она раз – и вырвалась ненароком.

– Так ты, паразит, жену проклял? – тихо ужаснулась Лена, привычно пряча облегчение за руганью.

– Себя, – гордо сообщил Король. От изумления Лена выпустила ухо. – Только с памятью у меня... сама знаешь. Что сказал, как оно подействовало, понятия не имею. Вроде должно было через полгода сойти. А оно только теперь помаленьку растворяется. Так что не думай ничего дурного. Через полгодика или попозже...

Жена возмущенно хмыкнула. Покрутила на пальце медное кольцо с ключом, приторно вздохнула, погрозила кулаком. Потерлась щекой о плечо Короля. Хмыкнула, пытаясь наспех сообразить, кто же тогда приходится отцом Митьке, полуторагодовалому пацаненку, которого молва приписывала к королевским «заслугам». Ну и спросила прямо – с дипломатией у нее никогда особо не ладилось... Ах, примерный семьянин Михей не зря сбежал на юга? Новость выглядела занятной и достойной обсуждения. Например, с нынешней соседкой, которая и подружка, и язык за зубами держать умеет. Или с Тоськой, близкой приятельницей жены Михея.

– Тогда пошли домой, – предложила Лена, выходя из раздумий. – Я-то думала было проверить порядок в гостевом купе «семерки»... но пользы в том нет, как теперь понимаю.

Король подавился от возмущения. Как это – нет пользы? Планы надо исполнять, тем более столь важные. В кои-то веки жена сама предложила устроить ночную ревизию пустого вагона! Он отобрал ключ и потащил свое рыжее сокровище в купе, нуждающееся в немедленном осмотре. За кромкой опушки, в темном ночном лесу, грустная одинокая кукушка тревожно считала дни короткого беззаботного счастья, отпущенного ремпоезду. Ку-ку... и тишина. Но, как часто бывает, ее намеков заранее никто не желал слышать и понимать.

Утром, едва на черном масляном глянце рельса появился бледный блик, позволяющий что-то видеть в серости полумрака, бригада начала работу. Две нитки рельсов на широкой сложной дуге выложили и приготовили к креплению. Только далекие от ремонта железной дороги люди полагают, что рельс достаточно жесткий, чтобы самостоятельно лечь на шпалы правильно. Он ведь очень длинный! И потому слегка изгибается, едва приметно для опытного глаза, однако достаточно, чтобы вагон подпрыгивал и раскачивался. А на большой скорости, да еще если между правым и левым рельсами расстояние не везде одинаковое, что случается при неграмотной укладке, поезд и вовсе стремится сойти с путей. Который год инженеры придумывают все новые сложные приспособления для промера укладки рельсов. Пока получается нечто столь неудобное по размеру, весу и принципу действия, что на практике этим никто не пользуется. Да и цена чудес техники непосильна даже для весьма богатого дорожного ведомства. Близ столицы к делу привлекают магов. На окраинах полагаются на мастерство опытных бригадиров, которое потом проверяют прибором, установленным на дрезине приемщика участка.

Уже рассвело, тени укоротились, выпуская солнышко из-за кромки леса. Блик на старых рельсах стал золотым и ярким. Только новые смотрелись неопрятно – рыжеватые, не прокатанные колесами, не отполированные до ледяного глянца.

Король бодро пробежался по шпалам, расставил подходящих людей вдоль рельса, примерился и проверил, кто где стоит. Он в приборах не нуждался. То ли глаз особенно хорош, то ли магическое чутье прежней жизни просыпается в нужный момент. Надо только лечь щекой на еще свободный рельс и внимательно проследить его длинную ровную – точнее, неровную – линию. Кажется, так точно и быстро это мог делать вообще он один на всем северном пути. Он же додумался цифрами обозначать меру искажения, и оттого Егор или Саша, привычные к командам, правила ломками путь рельса сразу и безошибочно.

– Саша, право два! – говорил Король.

Лом упирался под рельс и чуть смещал его. Бригадир снова смотрел, шурился, задумчиво кривил губы:

– Петр, влево на единичку, не перестарайся.

Петр, стоящий в понятном Королю месте, близком к искажению прописанной в его сознании идеальной дуги рельса, выполнял требуемое. Какие-то минуты – и Король выпрямлялся, уверенно отряхивал брюки, подмигивал Саше, давая команду к началу крепления рельса.

К полудню последняя плеть была уложена. Длинные железнодорожные молотки зазвонили, глубоко и надежно забивая костыли своими узкими жалами. На дрезине закрепили прибор и проверили расстояние между рельсами. Отсмотрели еще раз профиль пути – все отлично. Путьцы загомонили, довольные собой и своим бригадиром. Ленка, ради праздника окончания ремонта участка вставшая с утра к большому общему котлу готовить свой бесподобный борщ, ударила в обрубок рельса, собирая людей обедать. А потом «Букаш» вздохнул и загудел, отмечая отбытие. Паровоз первым опробовал новый путь, ведущий его к югу, к большой станции.

Фрол Кузьмич Сушков заселился в седьмой вагон как-то неприметно. Подсел на станции, ни с кем не перемолвившись лишним словом. По-настоящему его присутствие первым осознал Корней. Шел себе от паровоза домой – и наткнулся на запертую дверь «семерки». Постучал, удивленно хмурясь. В поезде отродясь не слыхивали и не видывали такого! Запертая дверь... А как позвать сменщика? Как принести обед или ужин? Наконец, что это за тайны завелись у начпоезда? Все перечисленные вопросы дед и изложил новому начальнику, пробившись-таки со скандалом в его вагон.

Начпоезда выслушал молча, не поднимаясь из-за стола и не предлагая сесть. Задумчиво пожевал губами, пару раз сморгнул маслянистыми темными глазками, покивал мелко и вроде бы осмысленно... и предложил изложить претензии письменно, оформить их надлежащим образом и подать помощнику. Приемные часы с полудня и до трех... Корней потрясенно смолк. Еще раз оглядел инженера с головы до носков сапог и задумался. Откуда вытащили эдакую канцелярскую крысу и как может подобное существо управлять составом? Как станет перемещаться по ремонтному участку в своих светлых ботинках, в серых брюках из достаточно дорогого сукна? Фрол Кузьмич между тем посоветовал машинисту прочесть приказ и ознакомить с ним весь контингент поезда. Приказ, само собой, тоже был у помощника. Значилось в нем, что ответственным за работы следует собраться на совещание к пяти часам вечера для полного отчета.

– Ага, – задумчиво кивнул Корней. – А паровоз кто будет вести, уважаемый? Нам ведь приказано следовать на новый участок, и наше право двигаться по магистрали действительно до семи вечера. Может, вы совещание в тендере проведете?

– Не паясничайте, – неожиданно резким и высоким голосом вскрикнул начпоезда. – Я наведу тут дисциплину-с. Вы узнаете, что мое слово выше иных приказов для каждого из вас. Прямая субординация – вот чему я вас стану учить-с.

– Ага, – вторично кивнул Корней, запоминая интересное слово. – Тогда в пять. Только я уж сразу занесу свое мнение в журнал. Стоять-то будем на путях, а к восьми на нас накатится скорый. Мне-то что, прямой приказ...

Дед развернулся и молча ушел в свой вагон. Пообедал тоже молча. Вытребовал у Сани вечное перо и лист бумаги и при общем немалом внимании нанес на листок короткую запись о происшествии. Корней хохотнул и посоветовал никому о листке не рассказывать. Корней согласился и убрал бумагу в свой ящик.

– Через месячишко накоплю на донос, – спокойно предположил он. – Один раз меня услышали и во второй не обойдут вниманием. Не ужиться нам с эдакой молью, зять. Двери запирают только законченные воры, знавал я похожих. Сейчас он склад опечатает, уголь возьмется учитывать, поставщиков съестного сменит, а к осени мы будем голодными и оборванными, как последнее отребье.

По доскам пола мягко прокрался помощник Фрола Кузьмича. Поскребся в дверь, вызывая машиниста за порог, и передал новый приказ, исправленный. Строго уточнил: ошибка со временем возникла при переписывании, совещание намечено на девять вечера. Дед солидно прокашлялся, взял приказ и написал на обороте, едва не доведя усердного переписчика до

обморока: «Отработав восемь часов у котла, совещаться ночами не в силах. Неурочное время и бесполезное дело. Утром же следует на дрезине осмотреть участок и лишь затем тратить силы на начальственную суету, обеспечив работой ремонтную бригаду».

– Вы совершенно испортили официальную бумагу, – ужаснулся помощник.

– Наоборот, довел до ума, – резковато уточнил дед. – Иди передай. Заодно скажи, что пока тут начпоезда я. Дела не переданы, вы шибко любите дверь запирать, и некстати.

Когда шаги по коридору удалились и скрипнула дверь тамбура, Корней ссутулился, вернулся на свою лавку. Мрачно усмехнулся, глядя на Короля.

– Последнюю ночь живем спокойно, – отметил он.

– Удача – кошка полосатая и когтистая, – зевнул Король в ответ. – Перетерпим и этот изгиб ее характера. Ты не переживай заранее, дед. И не зли нашего начпоезда прежде срока, просто пиши важное в свой листок. Поводов для заметок, как я понимаю, он даст немало.

Корней согласно вздохнул и стал разбирать постель. После длинного перегона, пройденного полным ходом, он устал. Признаваться в этом не желал, полагая утомление признаком старости. Король о дедовых страданиях догадывался и потому сам вмешиваться не стал, позвал Олега, тихо пристроившегося у синей холодной вечной свечи в закутке сына.

– Займись-ка практикой, – шепнул он. – Поставь деду диагноз и назначь лечение. Я пока пройдуся.

Олег кивнул, принес свою холщовую сумку и порылся в ней, присев на край дедовой лежанки.

– Поясничные боли есть итог долгого сидения в неудобной позе, – важно начал вещать мальчик, откупорив баночку с перечной мазью. – Они бывают у всякого, даже у малых детей. У вашего Сани тоже, когда он усердствует в занятиях.

– И у тебя? – понадеялся дед. Страдать болями в столь юной компании ему показалось не зазорным.

– Вчера я едва разогнулся, – шмыгнул носом Олег. – Давайте лечиться, дед Корней. Я вам прописываю перечные растирки, а затем аппликацию меха либо войлока на больной участок.

– Эх ты умно завернул про овчину, – поразился дед, прикрывая глаза и расслабляясь. – Ну а, положим, ежели не полегчает?

– Воспользуемся более действенными методами, – не смутился Олег. – Я как раз учу уколы иголками. Способ пока применяется ограниченно, он не из наших мест происходит. Но ректор Юнц прислал мне наилучшее пособие с полной картой точек.

– Знаешь, покуда остановимся-ка мы на этой... аппликации, – попросил Корней.

Перечная растирка уже грела. Пальцы у шупленького Олега оказались на удивление крепкими и ловкими. Они разминали поясницу, мелко разбирали мышцы по волоконцу, гладили, мяли, теребили, похлопывали. Корней еще раз вздохнул, полностью расслабляясь, и, к собственному удивлению, немедленно заснул. Утром он очнулся до зари, бодрый и отдохнувший. Овчина давно сбилась в сторону, а тепло и легкость в пояснице остались. Дед потянулся, чувствуя себя совсем еще не старым. По комнате тихо, как тень, сновала Лена, собирала на стол ранний завтрак. Улыбнулась отцу, подставила таз, подала полотенце, набрала в ковшик воды:

– Вставай. Король сказал, надо людей собрать и по-человечески встретить начальника. Чтобы его сразу увидели, каков есть. И чтобы он знал, куда пришел работать. Он ведь, судя по всему, из станционных, настоящего ремпоезда не видел иначе как через окошко своего домика...

– Защищаешь? – удивился Корней.

– Нет. Ты меня знаешь, тятя. Я сперва объясняю, за что накопила обиду, а уж после и бой могу дать.

– Оно да, оно разумно, – вздохнул дед, умывшись.

Вернув полотенце, Корней натянул чистую рубашку и одобрительно глянул на лавку, где уже были выложены его фуражка, куртка, наглаженные брюки. Сапоги жирно и ровно блестели: их начистил Саня. Дед оделся, быстро опустошил тарелку, выпил обжигающе горячий чай и вышел из комнаты.

У насыпи тупиковой ветки путей вдоль состава стояли едва ли не все обитатели поезда. Ближе к голове состава – мастер-ремонтник по паровозу и пара его помощников, затем подручные самого Корнея. Далее Король – бригадир ремонтников – и его старшие по всем трем малым бригадам. Люди переговаривались и выглядели обеспокоенными. Дружно закивали, поклонились, приветствуя Корнея и признавая его право старшего. С надеждой проводили взглядами: этот начальник свой, понятный и привычный. Может, он и новому растолкует, как следует дело вести, не ломая устоявшийся порядок.

Фролу Кузьмичу о собрании сообщил посыльный, совсем недавно. И начпоезда едва успел спуститься по сходням своего вагона, озираясь с немалым удивлением. Кажется, он лишь теперь осознал: под его рукой две сотни душ. Это лишь взрослые! А еще есть дети, вон их сколько – только что под колесами не ползают. Магистральный ремпоезд – большая структура. Самодостаточная, как порой говорил Михаил Семенович. Дед Корней подошел к новому начальнику, поправил фуражку – то ли поздоровался, то ли приложил пальцы к околышу, приветствуя совсем уж официально, даже по-военному.

– Принимайте ремпоезд, Фрол Кузьмич. Я вас проведу и со всеми тут познакомлю. Люди у нас толковые, грамотные и работающие. Мы на хорошем счету, всегда сдаем участки без недочетов, на «отлично». Я был заместителем начальника, покуда не прислали инженера, а теперь вернусь к основному делу, стану работать исключительно как машинист. Это вот мой помощник, кочегары, мастер-ремонтник нашего паровоза и всего состава, его подручные. Далее... Вот начальник объединенной ремонтной бригады. Его первый помощник, старшие малых бригад.

Корней указывал на людей, они называли свои имена, иногда добавляли пару-тройку фраз по поводу дела или просто приветствовали Фрола Кузьмича. Тот кивал, неуверенно улыбался, часто оборачивался к помощнику, проверяя, записываются ли имена и ведется ли протокол. Очень хотелось новому начальнику внедрить свой, нелепый для поезда, порядок... А пока приходилось идти на поводу у Корнея, ловко подстроившего знакомство вне планов и расчетов. Все проходило неплохо, даже складно, пока не назвал себя Король. Он еще говорил, представляя Сашу и остальных, а начпоезда уже не слушал, с нескрываемым, прямо-таки суеверным ужасом глядя на страшного человека. Проклятого! Безымянного! Отмеченного шрамом черной, как смоль, смертельной ночной удачи...

От эдакого ужаса Фрол Кузьмич сразу и решительно отвернулся, желая видеть перед глазами нечто более понятное и простое. Например, Корнея. Ершистого, ворчливого, но имеющего фамилию, не состоящего под судом и работающего в поезде добровольно, за жалованье.

– Пройдемте-с в мой вагон, – тихо предложил Фрол Кузьмич. – Важно решить многие вопросы сразу. В том числе оформить передачу дел. Опять же я человек одинокий-с, мне потребуется экономка.

– Так ведь как с осмотром участка-то? – Брови деда поползли вверх, глубже сминая лоб морщинками.

– Пусть этот... – Фрол Кузьмич не решился обернуться или назвать Короля по прозвищу, только дернул подбородком. – Пусть сам покуда осмотрит.

Корней вздохнул с некоторым облегчением. Ему показалось, что глянцева начальственность господина Сушкова дала первую тоненькую трещину, пока незначительную. Прямо восстать против Короля не рискнул, от работы не отстранил. Уже вроде бы неплохо.

Пожилой машинист позволил себе слегка улыбнуться, кивнул Королю, соглашаясь с планом дня. На дрезину, к приводу, тотчас встали двое. Сам зять с тетрадь в жестком переплете уселся на переднюю скамью, дал команду к отправлению и взялся за привычное дело – осмотр участка и обозначение перечня и сложности предстоящих работ.

Плотно прикрыв дверь купе-кабинета, Фрол Кузьмич уселся в кресло, указал Корнею на место напротив и деловито развернул подробную карту участка, непрерывно теребя и даже заминая бумагу пальцами. Помощник внес два стакана с чаем. Начпоезда быстро хлебнул горячего, поморщился:

– Корней Семенович, давайте исключим вчерашнее недоразумение-с... По поводу запертой двери, да. Попробуем разобраться во всем, так сказать, с чистого листа-с. Вы человек опытный, разумный и уважаемый.

Дед согласно кивнул, отхлебнул чай. Начало беседы ему вполне понравилось. Фрол Кузьмич судорожно вздохнул, изображая раскаяние. Выложил на стол отчет в кожаных корочках:

– И дело вы вели безупречно-с. Все оприходовано, учтено, все в соответствии с нормами-с. Но этот... Как вы его допускаете до начальственного места? Как вообще такое проходит мимо взоров главного управления? Скандал-с. Да ни один ремонт не примут, если прямо указать, каков приговор у бригадира. Один его шрам, – последнее слово Фрол Кузьмич произнес шепотом, – способен загустить темную удачу до совершенной беспросветности!

– Шрам несет беду ему одному, – возразил Корней. – Король – лучший бригадир из всех, кого я знал за свою жизнь.

– Давайте сделаем пока что так-с, – поморщился начпоезда. – Официально это место я перепишу на его помощника, человека с именем и фамилией. А неофициально... не знаю. Будем смотреть и думать. Смотреть и думать-с!

Во второй раз свои умные слова Фрол Кузьмич повторил с нажимом, тихо и твердо. Прикрыл веки, наблюдая за реакцией деда, чуть усмехнулся. Здешние люди наивны, их не сложно будет держать в узде. Одному пообещать понимание, второму – поддержку, третьему – повышение... Он умеет находить сторонников. Надо лишь не спешить, раз не вышло поставить себя с первого дня, наскоком... Так думал новый начпоезда, но его мысли оставались незаметны для пожилого машиниста.

– Вот и думайте, – предсказуемо уперся Корней.

– Именно так-с, – гораздо слаще улыбнулся начпоезда, щуря мелкие глазки. – Завтра заходите, не жизнь мне без ваших советов, так сказать-с... И очень прошу, не в службу-с: укажите мне, кто здесь готовит наилучшим образом? Я, знаете ли, порой жестоко страдаю язвой, оттого в пище разборчив. Хоть на первое время посодействуйте-с.

– На первое... – Польщенный словами о своей полезности, дед чуть обмяк. – Так ить, Фрол Кузьмич, на первое время поможем. Я вернусь к себе, попрошу дочку пособить, потолкую с ней об экономке-то. Она и человека подберет, и обедом сегодня снабдит наилучшим. Уважают мою Леночку в поезде.

– Прямо теплая забота видна в вас, к делу явные рвение и неравнодушие-с, – охотно добавил начпоезда масла в огонь дедова самолюбия. – Благодарствую. Жду-с... А двери вагона более не будут запираются. Это было чистое недоразумение, уверяю вас.

Корней неторопливо допил чай, сделал несколько замечаний по предстоящему ремонту. Обсудил с начпоезда график на магистрали в летний сезон, столь неприятно, прямо-таки удручающе плотный. Посетовал на дороговизну угля и ухудшившееся снабжение настоящим баскольским антрацитом, а не местной бурой гадостью, годной лишь для жидкого чадающего обогрева, но никак не для топки паровозного котла. И пошел себе домой в самом приятном настроении.

– Лена, надобно подобрать Фролу Кузьмичу экономку, – бодро велел он дочери, едва переступив порог.

– Уже сразу «Фролу Кузьмичу». – Ленкин взгляд полыхнул злостью. – Этот обмылок тебе заполз глубоко в глотку. Эх пузыри пускаешь!

– Не груби отцу, – возмутился Корней. – Человек, может статься, еще одумается.

– Не верится, – тихо буркнула Лена, но в «семерку» пошла.

Было ей грустно и нехорошо. Новый начпоезда, как и иные людишки до него, сразу рассмотрел слабинку в характере отца. Это его сельское, врожденное и неистребимое желание быть значимым, уважаемым. Охотно обманываться, доверяя лживым словам. Пару раз назвали умным, похвалили за грамотную работу, пообещали и впредь считаться с мнением – и он уже вздыхает, украдкой обдумывает, верное ли затеял дело с доносом на такого тактичного и вежливого Фрола Кузьмича... Лена застала начпоезда все в том же купе-кабинете. Тот мурлыкал под нос нечто режущее слух неумелостью исполнения, листал тетрадь складского учета и делал пометки в записной книжке. Новый стакан крепкого чая исходил горячим паром, кусковой сахар, который помощник выставил на стол теперь, когда никчемный машинист ушел, щедро выпирал горкой крупных обломков над бортиком узорной мисочки.

Карие мелкие глазки Фрола Кузьмича нацелились на дверной проем без малейшей приязни, даже раздраженно. Дочку машиниста он ожидал увидеть позднее, через час-другой, а еще полагал, что она окажется похожа на отца, сварлива, немолода и коренаста. Внешность Лены поразила начпоезда. Иначе и не сказать: он даже привстал. Шумно вздохнул, глазки заблестели иначе, заинтересованно. Стоящую в дверях женщину Фрол Кузьмич с трудом мог представить здесь, в убогом поезде, и это удивление читалось в его взгляде, буквально ощупывающем Ленку. Таковую красивую, с гордой осанкой, с густыми, естественно выющимися волосами, которые по утрам несколькими движениями влажных ладоней Лена приводила к виду, способному вызывать закономерное возмущение любого парикмахера: если все столь просто – зачем платить за его искусство? Впрочем, рядом мог бы страдать и портной. Она умудрялась всегда безупречно подгонять по фигуре свое простенькое опрятное платье и смотреться в нем настоящей королевой. И, кстати уж, не зря желающим глянуть жене вслед так часто доставалось от Короля. Жена его была статной, легкой, но уж никак не худенькой...

– Экономка-с? – мягко, едва не шепотом, даже мечтательно выдохнул инженер. – Сядь сюда, душечка. Расскажи толком, откуда ты, семейная ли, как в поезд наш попала-с, уж не по суду ли? Уж не за грехи ли?

Предположений у начпоезда было немало, и свои «ли» он не говорил даже – выпевал, выводил на каждом выдохе, все более воодушевляясь. Лена хмыкнула, слушая знакомые речи. Не он первый, не он последний... Кто пустил глупую сплетню, будто рыжие как-то особенно покладисты и просты в обхождении?

– Нет, не экономка, – оборвала Лена складное бормотание Фрола Кузьмича. – Я Королю прихожусь женой. Меня отец прислал к вам по поводу обеда.

Начпоезда сморгнул, нехотя оставляя уже вполне сложившиеся и такие сладкие планы на вечер. Взгляд снова обрел неприятную колкость: в словах и тоне пришедшей не было теплоты, столь желанной и обнадеживающей. Понять, отчего редкостно красивая женщина благоволит нищему, безродному преступнику, да еще и проклятому, оказалось сложно. Сперва даже невозможно, но затем Фрол Кузьмич выбрал понятное для себя, простое предположение. За Королем сила начальника, да и сам он недурен собой, в лучшем возрасте. А вот если его всего перечисленного лишить? Начиная с законности положения в поезде и уважения.

– Женой можно быть кому угодно-с, но не проклятому, – тихо и гаденько рассмеялся начпоезда. – Такому ты, душечка, просто сожительница-с. Полюбовница. Фамилии у него

нет, имени нет. И самого его, если разобраться толком, тоже нет-с. И выходишь ты, душечка, вся такая гладкая-сладкая, ничейной бабой. Хорошо я рифмую слова? Доходчиво?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.